

АЛЕКСАНДР ШУЛЬГА

ВОЯ

Annotation

Франция, 1844 год. Один вор забрался в дом аристократа и вместе с драгоценностями украл странную книгу, а через несколько дней город содрогнулся от страшной трагедия — на улицах было полно трупов, а в кабаках и трактирах стены забрызганы кровью. Неужели виной всему книга или неосторожность человеческих желаний?

1844 год

Небывало тёмная и тихая, тёплая июньская ночь, опустилась на французский город Сент-Этьен. Полная луна освещала одинокие и безлюдные улочки своим серебристым светом. В одном из переулков скользнули две тени. Луна светила прямо в него. Один из беглецов остановился, ощутив на себе чей-то взгляд, и повернулся к луне. Свет упал на лицо, покрытое капюшоном, переходившим в плащ, и осветил лишь половину лица. Глаз, мгновенно впитавший в себя бледный лунный свет, сверкал, замкнутый уголок губ разошёлся и показались белые зубы, на гладкий лоб, касаясь брови, свисали волосы. Можно было догадаться — это девушка. Она стояла и смотрела на луну, как будто бы смотря кому-то в глаза, с непонятным страхом и опасением.

— Лозарг, — окрикнула своего спутника девушка, который отбежал от неё на несколько метров, не заметив её отсутствия, — ты чувствуешь? — спросила она, всё так же глядя на луну.

Он молча подошёл, тяжело дыша. Лозарг был одет как его спутница. Капюшон скрывал половину его лица, а плащ покрывал плечи и грудь, на ногах были кожаные сапоги, на поясе блестела стальная пряжка, а за спиной висел наплечный мешок.

— Ты чувствуешь? — снова спросила она, когда её спутник стоял у неё за спиной, — она наблюдает за нами... — тихо говорила девушка.

— Она не может, — успокаивал Лозарг, — это твой страх... — шептал он.

— Нет, — возразила она, — нет, это не страх. Она видит, она всё видит. Я чувствую её силу... Она нас погубит, — прошептала девушка.

— Нас погубит полиция, если увидит, — иронично сказал Лозарг, и по половине его лица, которое освещалось луной, скользнула лёгкая улыбка, — нужно бежать, Елена.

Она оторвала свой взгляд от луны и повернулась к Лозаргу.

— Хорошо, бежим, — сказала она и побежала вперёд него, Лозарг последовал за ней. Через несколько минут, попетляв по улочкам и обходя дозорных, беглецы были в своём убежище. Это был подвал, находившийся под одним жилым домом. Подвал был не большой. По углам стояли две деревянные кровати, по периметру комнаты, на стенах, висели горящие свечи. Окон не было. Посредине стоял стол. На нём, занимая почти всю его площадь, лежала карта, в которую был вонзён нож с рукоятью в форме головы волка. Рядом с ножом лежал, небрежно брошенный, кошелек с деньгами — несколько монет были рассыпаны по карте. Позади стола стоял, средних размеров, деревянный сундук без замка.

Первым в комнату вошёл Лозарг, и сразу направился к столу.

— А я-то думал, что потерял его, — сказал он, заметив свой нож. Выдернув его из стола, Лозарг сунул его в ножны, приделанные к правому сапогу с правой его стороны.

Убрав нож, он снял с плеч мешок и положил его на стол. По звуку, с которым мешок бухнулся на монеты, лежавшие на карте, было понятно, что в нём что-то увесистое. Войдя за Лозаргом, Елена сразу же сняла капюшон. Её чёрные, с шёлковым отливом и не заплетённые, волосы освещал тусклый свет свечей, а сами они, отражались в глубоких голубых глазах Елены. Её лицо было белым, как снег, и невинным, как у ребёнка. Приятные черты этого ангельского лица не портил даже слегка вытянутый подбородок, над которым

находились тонкие и алые губы, а на её высокий лоб свисала маленькая прядь волос, скрывая уголок правого глаза. Елена подошла к столу. Положив мешок, Лозарг снял с себя этот балахон с капюшоном и бросил его на кровать. В отличие от Елены, длинные, тёмно-коричневого цвета, волосы Лозарга были собраны на затылке, на лице проступала лёгкая щетина, покрывающая длинный подбородок и губы, которые, казалось, как будто побледнели. В его карих тёмных глазах было скрыто что-то таинственное и неизвестное, в них что-то сверкало, но не огонёк тусклой свечки, нет, а нечто большее и загадочное. Его широкий лоб с обеих сторон обрамляли, небрежно свисающие, две пряди волос. На нём был чёрный кожаный жилет, оголявший плечи, и, чуть ниже шеи, грудь. На руках наручи, из того же материала, застёгнутые на три ремня каждый.

Лозарг принялся за мешок. Распустив затянутую верёвку, он достал деревянную шкатулку и толстую книгу чёрного, как мгла, цвета. Подойдя к столу, Елена взяла книгу и отошла, став ближе к свече. Рассмотрев со всех сторон, она открыла её и начала медленно листать. На страницах встречались различные символы в виде рисунков, удивлявшие своей необыкновенностью. Каждый из них Елена осматривала с особым вниманием, пытаясь увидеть в нём что-то знакомое. Лозаргу было не до книги. Он вскрыл шкатулку и достал оттуда обрамлённый гранатовый камень, который казался налитым застывшей кровью, подвешенный на великолепной серебряной цепи. Осматривая со всех сторон украшение, Лозарг не мог им налюбоваться. Елена, не долистав до конца, положила книгу на стол.

— Ну и что там? — спросил Лозарг, отвлёкшись от рассматриваемого предмета.

— Не знаю, — отвечала Елена, — книга написана на латыни, и я не смогу её прочитать. Латынь хорошо знают маги-чернокнижники и алхимики.

— У меня есть знакомый алхимик, — сказал Лозарг, — я завтра схожу к нему.

— Давай лучше сожжём её, — с опаской предложила Елена, — у меня плохое предчувствие...

— Ты просто устала, отдохни...

Елена понимала, что спорить и что-то доказывать бесполезно, да и сил у неё на это не было. Не видя другого выхода, она направилась к кровати.

— Не хочешь примерить кулон? — спросил Лозарг.

Елена повернулась и ответила лишь улыбкой, которая означала: «нет, не хочу». Когда она легла на кровать, та заскрипела и затрещала, как заржавевший дверной навес, казалось, что она вот-вот развалится. Сложив всё украденное в мешок, Лозарг затушил все свечи, кроме той, что горела над его кроватью. Перед тем как лечь, он затушил и её.

Елена долго не могла уснуть. Она не думала о чём-то конкретном и определённом, но обо всём сразу. Мысли чередовались, сменяя одна другую до тех пор, пока она наконец не засыпала. И сегодня последней мыслью, которая промелькнула у неё в голове, была: «Сжечь книгу».

Утро. Солнце поднялось и щедро разливает свои лучи. Город зашумел, улицы наполнились людьми. Сквозь эту суматоху, сквозь, гудящую как рой, толпу, пробирался Лозарг, одетый в свой балахон, и накинув капюшон. На спине висел тот же мешок. Через несколько минут он уже стучал в дверь одной лавки, в которую днём, кроме него, никто не заходил. Дверь открыл её владелец — Леон Лафар. Лозарг нырнул внутрь и дверь захлопнулась. Леону было около тридцати пяти лет, но внешне он выглядел старше. Длинные и неухоженные бурые волосы лежали на его плечах, грязное лицо покрыто густой щетиной. На нём был старый поношенный сюртук, запачканный то ли краской, то ли чернилами, и застёгнутый на шесть пуговиц, хотя петель было восемь. Чёрные штаны имели не малое количество заплаток, а его кожаные башмаки затёрты до такой степени, что их следовало бы выкинуть. Лафар был из тех не многих людей, которые верили, что возможно создать философский камень и получить из любого металла золото. Поэтому, он охотно скупал серебро и различные драгоценности у своего товарища Лозарга, отдавая за них неплохие деньги. Их он брал у одной аристократической семьи, которая думала, что Леону под силу создать этот необычный камень и озолотить их всех. Помимо алхимии Леон Лафар занимался магией и создавал яды, большинство из которых были сделаны на основе воды Тофаны. Лавку Леона посещали ближе к вечеру. Обычно, это были просьбы проклянуть кого-нибудь или устроить спиритический сеанс, чтобы поговорить с умершими. Сама лавка была чуть больше подвала Лозарга. Слева от входа было большое окно, сквозь которое в комнату лился свет, просвечивая, летающую в комнате, пыль. Над окном стоял стол, усыпанный книгами и листами бумаги с начертаниями различных символов. Над окном висела табличка с надписью на латинском языке — «IgneNaturaRenovaturIntegra», а на противоположной стене, чуть меньше, с надписью, на том же языке, — «SolveetCoagula». Над двумя стенами стояли книжные шкафы, но на некоторых полках, вместо книг и рядом с ними, стояли всевозможные пузырьки и склянки, заполненные жидкостями разных цветов. На одной полке лежали пять человеческих черепов. В комнате стоял особый специфический запах, характерный для подобных лабораторий.

— С чем пришёл? — спокойно спросил Леон.

— С серебром, — отвечал Лозарг.

— Серебро? — переспросил Лафар, — это хорошо.

Лозарг сбросил с плеча мешок и, достав оттуда шкатулку, протянул её алхимику, который в ожидании сложил руки перед грудью. Получив шкатулку, маг аккуратно поставил её на стол и открыл. Достав украшение, он рассмотрел камень на свету, а потом близко поднёс к глазам и рассмотрел цепь.

— Ммм... гранат, — начал Леон, повторно рассматривая камень, — за такую побрякушку я дам больше обычного.

Положив драгоценность обратно в шкатулку, он подошёл к шкафу, вытащил из-за книг кошель, досыпал туда несколько монет и бросил Лозаргу, который ловко поймал его. Получив деньги, вор собирался уйти, но, взявшись за ручку двери, вспомнил о книге.

— Ах да, чуть не забыл, — сказал Лозарг и повернулся к магу, — есть у меня одна книга, написанная на латыни, сможешь прочесть?

— Очень интересно... — Лафар приложил руку к колючему подбородку, — ну давай,

посмотрю, что там за книга.

Лозарг повторно скинул мешок и, на этот раз, достал ту самую, чёрную книгу. Леон внимательно её рассмотрел, и открыл первую страницу. Побегав по ней глазами, открыл следующую, и так же осмотрел и её. Затем он пролистнул около пяти страниц. Потом открыл середину.

— Это... своего рода... инструкция, — не отрываясь от книги сказал Леон.

— Инструкция? — удивился Лозарг.

— Да, инструкция, — Леон захлопнул книгу, — по вызову дьявола.

— Что? — испугался Лозарг.

— Дьявол на randevу — нынче редкость, — улыбнулся Леон и положил книгу на стол, — если хочешь, я могу устроить тебе с ним встречу, но не сегодня, и тем более, не днём.

— О чём мне с ним говорить?

— Не знаю. А вообще, с ним можно выгодно договориться.

— Я подумаю, — задумчиво сказал Лозарг, услышав упоминание о «договоре».

— Как надумаешь — дай мне знать, чтобы у меня было время подготовиться.

— К чему?

— К ритуалу. Дьявола просто так не вызовешь, нужна особая обстановка и специальные предметы, — пояснил чернокнижник.

— Хорошо, я зайду вечером и дам тебе ответ, — сказал Лозарг и пошёл прочь.

— Удачи, друг мой, — сказал ему вслед Лафар.

Город шумел ещё сильнее. Лозарг спокойно брёл по улице, полностью погружённый в свои раздумья, из-за которых он ничего не слышал и не замечал. Прохожие врезались в его плечи, задевали его, и кто-то даже кричал ему что-то вслед. «Свидание с дьяволом... — думал Лозарг, — что за бред?.. Бедный Леон, со своим «камнем» уже совсем умом тронулся... А что если он не врёт?.. Если это правда?.. Если ему удастся вызвать дьявола?.. Что тогда? О чём мне с ним говорить? А если он меня убьёт?.. Нет, нет, нет. Дьявола не существует... Гм, а вдруг наоборот?.. Пусть вызывает своего дьявола, заодно и посмотрим, есть он или нет... Но что мне у него просить?.. Деньги? Славу? Всё не то. Мне это не так важно... И в голову ничего не идёт...» Лозарг настолько медленно шёл сквозь толпу, что казалось, будто он стоит на месте. Он действительно не мог ничего придумать. Что же такого он мог попросить у дьявола, чего не смог бы получить сам, то есть украсть? «Придумал! — щёлкнул пальцами Лозарг». Определившись с решением, он ускорил свой шаг. В его голове всё смешалось, им овладел непонятный страх, и в нём снова воцарились противоречия: соглашаться на randevу или нет? Придя в убежище, Лозарг застал Елену спящей в своей постели. Положив кошель на стол, он ушёл.

Бродя по городу, с пустым мешком, в поисках пропитания, Лозарг заметил одну мясную лавку и, аккуратно пристроившись в толпе, стал поджидать момент, чтобы стащить кусок побольше.

— Глядите-ка, кто к нам пожаловал, — послышался голос за спиной Лозарга, — сам лорд-вор соизволил зайти на нашу скромную улочку, — в этом голосе слышалась усмешка.

— Жан Бастьен, — угадал Лозарг, и повернулся.

— Он самый, — сказал, улыбающийся во весь рот, здоровяк, стоя по среди улицы с распростёртыми руками. Одет он был в точности как Лозарг, только балахона на нём не было. Его выбритая лысина блестела на солнце, как и обнажённые мускулистые плечи. По

его лицу, от виска до середины щеки, протягивался шрам. Бородка, в форме замка, лежала вокруг его губ. В левом ухе красовалась золотая серьга.

— Может обнимешь старого друга? — спросил Жан, всё с тем же выражением лица.

— Я виделся с тобой на прошлой неделе, так что, в этом нет необходимости, — сказал Лозарг, подойдя поближе.

— Чего это ты в лохмотья замотался, прячешься от кого? — рассмеялся Бастьен.

— Так безопасней. Давай пройдемся, — предложил Лозарг и указал рукой вдоль улицы.

— Нас-то ты, видать, совсем забыл, — начал здоровяк, и говорил уже более серьёзно, — нас, двенадцать славных мужей, членов единого клуба и великого братства, предводителем которого, как раз-таки, являешься ты, — Жан указал пальцем на Лозарга.

— У меня было важное дело, — оправдался тот.

— Да, знаю я твоё «дело», — на последнее слово Бастьен сделал особый акцент, — с тех пор, как ты связался с той девицей из Парижа, в кругу всего клуба, мы тебя не видели.

— И как, по-твоему, я должен оправдаться, или искупить вину? — спросил Лозарг.

— Вернись в наше братство, — попросил Жан.

— Ты предлагаешь мне бросить мою Елену и вернуться к вам?

— Я такого не говорил, — возразил здоровяк, — было бы не плохо, если бы ты нас хотя бы посещал, а бросать женщину или нет — это твоё дело.

— Ну хорошо. Собери всех на рассвете, и я приду к вам. — сказал Лозарг.

— Надеюсь, ребята тебя ещё помнят, — пошутил Бастьен.

— А теперь мне пора идти, — остановившись, сказал Лозарг, — будь здоров, — после этих слов он развернулся и пошёл назад.

— Удачи тебе, — крикнул ему вслед Жан.

Лозарг вернулся к мясной лавке и украл отменный огузок, а по пути, он украл ещё и пару сдобных булок и так и остался не пойманным.

Время было уже далеко за полдень, и Лозарг решил вернуться в убежище. Придя, он обнаружил ту же картину: Елена всё ещё лежала в постели. Лозарг скинул мешок с плеча, достал оттуда булку и кусок жареного мяса, завернутого в тряпочку, и, положив всё это на стол, ушёл.

Солнце уже опускалось за крыши домов и улицы казались серыми и мрачными. Лозарг направлялся к Леону.

— Ах, это ты, — сказал маг, открыв дверь, — заходи.

— Я всё очень хорошо обдумал, — начал Лозарг, — мой ответ: «да». Я согласен, и готов встретиться с дьяволом.

— Ну хорошо. Тогда у меня будет для тебя поручение...

— Какое?

— Чтобы провести ритуал, нужна кровь ягнёнка. Принеси её.

— И как мне это сделать?

— Вот тебе бутылка, — Лафар дал Лозаргу тару под кровь, которую снял с одой из своих полок, — она должна быть полностью заполнена кровью. А на всякий случай, вот тебе ещё одна, — алхимик дал Лозаргу точно такую же бутылку, которую достал из-под стола, — набери и её. С полными бутылками придёшь завтра, за час до полуночи. Понял?

— Да, но только где мне взять столько крови? — удивился Лозарг.

— Иди на скотобойню, она находится на окраинах города. И да, чуть не забыл, — опомнился Лафар, когда Лозарг собирался выйти, — принеси мне пять свечей.

— Свечи? Тоже для ритуала?

— Да.

— Хорошо, — сказал Лозарг и, покинув лабораторию, направился в убежище.

Теперь, Елену он вовсе не застал, как и еды, которую оставлял. Бутылки Лозарг поставил под стол, рядом с сапогами. Подойдя к сундуку и присев, он начал с шумом в нём рыться. Отыскав там связку свечей, Лозарг вытащил требовавшиеся пять, а оставшиеся три положил назад. Свечи он сразу уложил в мешок. Став возле стола, Лозарг начал рассматривать карту, упершись руками в стол. Отыскав глазами нужное место, постукал по нему пальцем и ушёл.

Было темно. Ночь окутала смолкший город, над которым светила убывающая луна. Лозарг спокойно шествовал по безлюдным улицам, занятый своими размышлениями, размышлениями о дьяволе. Он пытался представить его, пытался представить разговор с ним, пытался представить последствия этой встречи. Но временами, представления Лозарга разбивались о мысль, что встречи не произойдёт и, что дьявола не существует.

Долго он скитался по городу, который уже спал. Проникая по пути в дома городской знати, Лозарг выносил из них что-нибудь серебряное, что-нибудь, что можно продать Леону. Поднявшись на крышу одного здания, он увидел, что близко рассвет — едва ли заметный солнечный диск робко выглядывал из-за сонного горизонта. Лозарг направился к центру города. Там, под самой крышей двенадцатиэтажного дома, его ждали члены «великого братства».

— Да здравствует наш предводитель, — завопил Бастьен, подняв вверх руку со сжатым кулаком, когда Лозарг вошёл, снимая капюшон. Остальные подхватили Жана своими криками.

Несмотря на то, что воры собирались под крышей, их убежище было хорошо обустроено. В центре стоял большой стол, на удивление, накрытый разными кушаньями. Среди блюд, вдоль стола, стояли шесть подсвечников со свечами, по одной в каждом. Напротив стола находилось окно, из которого было хорошо видно город. Слева от стола стояли два не больших диванчика, а справа был камин. Под окном стояли два, закрытых на замки, сундука. Над столом висел круглый подсвечник, на полу были постелены мягкие ковры.

Услышав такое бурное приветствие, Лозарг улыбнулся и развёл руки в стороны.

— За время моего отсутствия, здесь ничего не изменилось, — заметил он, осматриваясь, — всё по-прежнему.

— Подойди к столу, — пригласил Бастьен, — ешь, пей с нами...

Лозарг покачал головой и снял с себя балахон. Подойдя к столу, вокруг которого стояли двенадцать мужей, одетых как их предводитель, он взял кубок, наполненный красным вином, и поднял его. Все сделали то же самое. Тишина. Воры ждут речи своего лорда. В окно начали просачиваться первые лучи восходящего солнца, и тьма в убежище понемногу растворялась.

— Братья, — воскликнул Лозарг, подняв кубок перед головой, — восходит новое солнце. Так пусть вместе с ним, взойдёт наша новая жизнь!

Братство заликовало. Тринадцать кубков ударились друг об друга, из них выплеснулось вино. И они были осушены.

Воровское пиршество продолжалось до обеда. К полудню часть братства разбрелась. Остались пять человек. Четверо самых близких и верных людей Лозарга сидели на диванах, он — стоял перед ними.

— У меня есть к вам просьба, — начал лорд, — мне нужны две полных бутылки крови ягнёнка.

— Зачем... — начал, было, Бастьен, но его сразу же перебил Лозарг.

— Нет времени объяснять. Просто скажите, сможет ли кто-нибудь достать столько, или нет?

— Я могу достать тебе хоть целую бочку крови, — заявил юноша, вольготно сидевший на диване.

— Хорошо, пойдёшь со мной — я дам тебе бутылки. Но учти, кровь нужна сегодня.

— Никаких проблем, — спокойно отвечал юноша.

— Я мог бы и сам, сходить на бойню, и договориться, но после моего последнего визита, сторожа теперь чувят меня за милую.

— Ну что, идём? — спросил молодой вор.

— Да, — коротко ответил Лозарг, взял свой балахон и вышел. За ним последовал юноша.

Его зовут Морис Бюжо, двадцатипятилетний парень. Некогда, воспитанник работного дома. Чтобы доказать свою верность и преданность Лозаргу и клубу, ему пришлось убить человека, чей дом, впоследствии был разграблен, после чего, Мориса приняли в братство.

Воры пришли в убежище Лозарга. Елены не было.

— Вот бутылки, — сказал лорд и, поставив тару на стол, подошёл к сундуку и достал из него наплечный мешок, — в этом понесёшь.

Морис собрался укладывать бутылки в мешок, но Лозарг опять полез в сундук.

— Вот ещё, — он достал комок тряпок, — ими обмотаешь бутылки, чтобы не разбились.

— Хорошо. Буду к вечеру, — сказал Бюжо и, упаковав мешок, собирался уйти.

— Ты всё помнишь? — остановил его Лозарг, — нужна кровь ягнят, а не старых баранов.

— Да, я помню, — сказал Морис, и вышел.

Ожидаящий полуночи, Лозарг присел на свою кровать, подпёр руками подбородок, уперев локти в колени, и задумался. Не прошло и десяти минут, как вошла Елена. Лозарг оторвал голову от рук.

— Где ты была? — спросил он вставая.

— Я ходила к прорицательнице, — ответила Елена, подойдя к столу, а Лозарг опять сел на кровать.

— Зачем?

— Дурной сон мне приснился, хотела узнать, что он значит.

— И что же, узнала?

— Да. Это не добрый знак, — мрачно ответила Елена.

— Что тебе снилось? — поинтересовался Лозарг.

— Это был кошмар. Я шла по лесу. Аллея освещалась луной. Передо мной кто-то шёл, он был похож на тень. В руках у него была книга. Я кричала ему что-то, но он меня не слышал. Вдруг, луна померкла и исчезла. Вместе с луной исчезли звёзды. Впереди, по аллее скакал бледный всадник, на бледном коне. Он остановился возле «тени» и что-то протянул ей. После этого тень растаяла, как свеча, и превратилась в лужу крови, и кровь почернела. И из этой лужи, как из пропасти вылез волк, такой же большой как конь, и посмотрел на всадника. Волк повернулся ко мне, а бледный конь, со своим наездником, стал возле меня. Всадник смотрел мне в глаза. Его лица я не видела — оно было покрыто капюшоном, но я чувствовала, как он пронизывает меня своим холодным взглядом, вселяя страх и ужас. Конь встал на дыбы, и всадник ускакал. Как только он исчез, волк бросился ко мне. Я побежала сквозь лес, пытаясь от него оторваться. Из неоткуда появлялись другие, такие же, волки, и тоже гнались за мной. Я прибежала в тупик. Из земли выросли четыре стены, в которых помещался весь лес, а на небе появилась полная луна. Стая обступила меня, и тот, который был тенью, подошёл ко мне. Подошёл очень близко. Его раскрытая пасть с острыми, как лезвие, клыками, была у меня перед лицом. Но какое-то странное чувство овладело мной в этот момент. Мне почему-то казалось, что он меня не обидит, но откуда-то послышался голос, звучавший как будто из-под земли, и говоривший: «жертву, жертву». Зверь раскрыл пасть ещё сильнее, чтобы вцепиться в меня, и я проснулась.

— И вправду — ужас, — сказал, удивлённый рассказанным сном, Лозарг.

.....
Через полчаса лорд-вор направлялся к Лафару — он нёс свечи.

— Входи, — крикнул из-за двери Леон.

— Я принёс свечи для ритуала и немного серебра, — входя, сказал Лозарг.

— Давай всё сюда, — расчищая место на столе, говорил маг.

Вор высыпал мешок на подготовленное место. Вперемешку со свечами, на стол падали серебряные браслеты, серьги, перстни, кольца и цепочки.

— Отлично! Вот твои деньги, — Лафар достал с самой верхней полки шкафа два кошель, наполненных деньгами, и дал Лозаргу.

— Достойная плата — за достойную работу, — проговорил тот, подбрасывая в руке кошель.

— Свечи из чего сделаны? — спросил Леон, когда его товарищ укладывал деньги в

мешок.

— Из сала, — спокойно ответил Лозарг.

— Есть ещё одна маленькая просьба...

— Говори...

— Сходи на задний двор, принеси ведро угля, — попросил алхимик.

— Зачем тебе сейчас уголь? — удивился Лозарг.

— Для ритуала, конечно же, — усмехнулся Леон.

— Сейчас, — нехотя согласился вор.

Принеся уголь Лафару, Лозарг отправился назад, в убежище. По дороге его окрикнули.

— Эй, Лозарг, подожди, — слышался знакомый голос из толпы.

Вор обернулся. Это кричал Морис, возвращавшийся с бойни.

— Ну как? Добыл? — спрашивал Лозарг, подошедшего юношу.

— Всё, как ты просил — две бутылки, наполненных свежей кровью ягнят, — отчитывался Бюжо, снимая мешок с плеч.

— Спасибо, — сказал лорд, закидывая мешок с кровью поверх своего.

— Обращайся, если что, — улыбнулся Морис.

— Непременно, — ответил Лозарг, и пошёл дальше.

— А всё-таки, — остановил его Бюжо, — зачем кровь?

— Я скажу, — кивнул Лозарг, — потом.

Морис проводил взглядом, растворяющегося в толпе, своего лорда, и пошёл по своим делам.

Придя в убежище, Лозарг аккуратно поставил мешок с кровью на стол, и решил вздремнуть, после бессонной ночи. В подвале он был один.

Когда, после продолжительного сна, Лозарг вышел на улицу, было уже темно. Городские часы показывали одиннадцать часов ночи. Он решил не терять времени и, взяв кровь, отправился к Лафару. Его сердце билось чаще, а руки слегка дрожали. Перед тем, как постучать в дверь, Лозарг в последний раз подумал: стоит ли входить? Скорее всего, за этой дверью произойдёт что-то такое, что нельзя будет потом изменить, что невозвратное и пугающе странное. А может, не ждёт ничего, кроме обманутой надежды и выдуманной сказки о дьяволе. Но приняв окончательное решение, он всё же постучал.

— Открыто, — крикнул Леон.

— Ничего, что я так рано, — спросил Лозарг, закрывая за собой дверь.

— Это даже хорошо — поможешь мне подготовиться к ритуалу. Давай кровь, — Леон протянул руку и, взяв мешок Лозарга, поставил его на сто.

На полу, по среди комнаты, углём была начерчена идеально ровная пятиконечная звезда, заключённая в идеальный круг.

— Развязывай мешок и доставай бутылки, — приказал Лафар, подойдя к шкафу, чтобы взять с полки черепа.

— Что это такое? — кивнул в сторону звезды Лозарг, взявшись за мешок.

— Это пентаграмма, — объяснял алхимик, кладя на стол пять человеческих черепов, — один из символов дьявола.

— А черепа зачем?

— Они символизируют смерть — достояние удела его.

— А свечи? — продолжал любопытствовать Лозарг.

— Свечи должны быть сделаны из того, что когда-то было плотью и имело жизнь, (как

и черепа), но было подвержено смерти. Их необходимо окрасить в чёрный цвет — цвет тьмы. Горящая свеча символизирует присутствие мрака — обители дьявола, и огня — частицы ада. Чтобы ты не утруждал себя вопросами — поясню всё остальное. Кровь ягнят — символизирует Кровь Агнца, пролитуую по вине «сына» дьявола — Иуды. Кровью поливаются контуры пентаграммы, как защитным слоем. Общение с дьяволом будет продолжаться до тех пор, пока горят свечи, когда они растаят, начнёт стираться уголь на контурах, и когда он сотрётся — сатана изыдет. Чтобы продлить разговор, добавляется кровь, потому что она израсходуется дольше, чем уголь, поэтому и наносится поверх него. Ритуал проводится в полночь, потому что она является гранью, между днём и ночью, как земля, является гранью, между раем и адом.

Закончив разъяснения, Лафар принялся наливать кровь на контур пентаграммы. Нанеся её (хватило одной бутылки), он начал расставлять черепа, по концам звезды, направляя их внутрь символа, а перед каждым черепом сразу же ставил свечу. Расставив предметы, Леон достал из кармана золотые часы.

— Полночь совсем близко, — сказал он и положил часы на стол.

— У тебя всё готово? — с некоторым волнением спросил Лозарг.

— Да, только вот в заклинании есть предложение, перевод которого мне не известен. Там, что-то связанное с «телом». Я таких слов не встречал раньше, — Лафар взял книгу и открыл на необходимой странице, — тут ещё и про «дух» что-то сказано... и про «душу», — водил пальцем по странице Леон.

— Может тогда не нужно проводить ритуал? — предложил Лозарг, поддаваясь страху и надеясь, что ритуал не состоится.

— Поздно, — буркнул маг, и зажёл свечи.

Став в центр пентаграммы, Лафар открыл книгу на другой странице и стал пристально следить за часами. У Лозарга затряслись руки, сердце стучало в два раза быстрее. Ему казалось, что оно стало больше и вот-вот пробьёт его грудь. Вор был охвачен страхом. Ему стало жарко. На виске накатила капля пота. Лозарг снял с себя свой балахон. Едва ли стрелка перевалилась на отметину «12», забил колокол на городских часах и Лафар начал читать заклинание. Он читал быстро, а его лицо приняло ужасающий вид. Лозарга трясло ещё сильнее. Как только колокол пробил последний, двенадцатый раз, под Леоном вспыхнул чёрный дым, окутавший его с ног до головы. Он выронил книгу, которая упала под ноги Лозаргу. Вор был обездвижен зрелищем. Так же внезапно, как и появился, дым рассеялся. Лафар стоял полусогнутый, спиной к Лозаргу, и разведя руки в стороны. Постепенно выпрямившись, он осмотрел себя. Когда Леон повернулся, вора охватил ужас. Он не мог ни пошевелиться, ни, даже, моргнуть. Внешность алхимика изменилась. Его челюсть была сильно выдвинута вперёд и расширена, из неё торчали два здоровых клыка, которые едва не касались глаз. Между ними располагался ряд острых зубов, перекрывающих половину верхней губы. Глаза Леона налились кровью и светились. Кожа посерела.

— Кто ты? — задал глупый вопрос Лозарг, хоть и знал, кто перед ним, но сделал это из страха.

— Тот, с кем ты хотел поговорить, — отвечал сатана. Его голос звучал, на удивление, мягко.

— Дьявол? — спросил вор, набравшись смелось и видя, что пока что прямой опасности нет.

— У меня много имён: дьявол, Дракула, сатана, Люцифер, князь тьмы, а кто-то даже

называет меня Веельзевулом, хоть это и не моё имя... Так чего ты от меня хочешь, сын человеческий?

Лозарг в последний раз подумал о том, что он хотел попросить у дьявола и, в последний раз взвесив своё решение, он твёрдо ответил:

— Я хочу жить вечно.

— Ты понимаешь, о чём просишь? — предупредительно спросил Люцифер, сложив на груди руки, — вечность — это проклятье, от которого никогда не избавишься, и которое никогда не прекратится. Жить вечно, значит, вечно страдать. Изменить решение ещё не поздно. Подумай, я могу дать тебе всё: дворцы, замки, горы золота, и всего, что ты пожелаешь...

— Но зачем мне всё это, если моя жизнь будет короткой, — возмутился Лозарг.

— Это твой выбор, я только лишь предлагаю товар... — согласился дьявол.

— Товар? — удивился лорд.

— Ты же понимаешь, что я не могу дать просто так, я должен взять что-то взамен...

— И что же?..

— Твою душу.

— Я согласен.

— Теперь нужно подписать договор, — сатана перешагнул через пентаграмму и, подойдя к столу, достал из внутреннего кармана сюртука лист бумаги.

Лозарг подошёл к нему без капли робости.

— Дай правую руку, — приказал Люцифер.

Вор доверчиво протянул ему свою руку. Из указательного пальца демона резко вылез коготь. Он мгновенно порезал Лозаргу правую ладонь и капнул на бумагу кровь, которая сразу же застыла. Через пару секунд кровь, выступившая на ладони, почернела.

— Что это? — испуганно спросил Лозарг.

— Твоя кровь сгнила, потому что ты мёртв, — объяснил Люцифер.

— Но как? Я же дышу... я жив!

— Нет. Тот, кто отдаёт мне свою душу, проклят Богом и отвергнут от земли живых, а значит, живым он быть не может, но и умершим не зовётся... Ты можешь погибнуть разве что, от чьей-то руки... Итак, слушай! Ты теперь вервольф. Это значит, что ты можешь принимать облик волка, когда пожелаешь и сколько пожелаешь. В облике зверя твой рассудок останется при тебе, и ты будешь полностью контролировать свои действия. Ты должен собирать души, принадлежащие моему уделу. Это души тех людей, которые безнадежны, от которых Бог никогда не дожждётся покаяния. Такие души принадлежат мне. Только помни, ты не можешь убить себе подобного — только живой может убить мёртвого. Но по моему приказу, ты сможешь убить и себя. Остерегайся церкви, остерегайся креста и крестного знамения, не прикасайся к серебру. Это всё может погубить тебя.

— Как я узнаю, кто принадлежит к твоему уделу, а кто нет?

— В облике звере ты будешь видеть людей такими, каковы их души. И ещё кое-что: ты можешь передать свою кровь другому человеку. Он тоже станет оборотнем, а его душа перейдёт ко мне.

— Как это сделать? — заинтересованно спросил Лозарг.

— Урони каплю своей крови в чашу вина, и тот, кто выпьет, станет тебе подобным. Принявший твою кровь, принимает огромную силу — не приобщай к себе кого попало, или погибнет много невинных, а, впрочем, это уже не моё дело. Не забывай, что в лице оборотня

твои силы безграничны — распоряжайся ими правильно... — демон вздохнул, — так хорошо, иногда, войти в плоть... До встречи, друг мой... — светящиеся глаза потухли, белые зрачки закатились, и тело Леона безжизненно рухнуло на пол перед пентаграммой, от которой остались лишь черепа и тонкое, едва заметное, угольное начертание. Лозарг подумал, что маг мёртв, но тело зашевелилось. Лафар встал на четвереньки и, постояв так с полминуты, полностью встал.

— Ты в порядке? — спросил вор.

Леон обернулся. Его челюсть вернулась в своё прежнее положение, клыки исчезли, а кожа посветлела.

— Да... да, всё хорошо, — держась за висок, отвечал алхимик, — ммм... чёрт, ничего не помню... что тут произошло? — морщился Леон.

— В твоё тело вошёл дьявол, и разговаривал со мной.

— Аааа... так вот, вот что было связано с «телом», — понял Лафар, — ну и о чём говорили?

— Я продал ему душу, — ответил Лозарг.

— Будто он мог ещё что-то у тебя купить, — не удивился маг, — а что дал взамен?

— Вечную жизнь и силу. Я теперь оборотень.

— У меня в лавке много серебра — сюда не суйся, — предупредил Лафар, пригрозив указательным пальцем, — когда собираешься опробовать свой дар?

— Чуть позже, сейчас меня в сон клонит.

— Ну тогда, до завтра.

— Будь здоров, — выходя, сказал Лозарг.

Лорд проснулся около полудня. Какая-то странная, но сладкая, слабость разливалась по его болящему телу. Каждое движение совершалось с великим усилием, через боль. Его тело было словно скованно стальными тяжёлыми цепями, которые, ему казалось, ничто не сможет разорвать. При каждом совершаемом движении Лозарг корчился от боли. Мышцы болели нестерпимо. Он не понимал, откуда взялась эта боль. Приложив не малые усилия, вор сел на постель. Он не ощущал присутствия ни капли силы в своём теле. Лозарг исподлобья посмотрел на кровать Елены — её не было. Спустя пару минут, боль внезапно исчезла, и по нему снова потекли силы. Он смог одеться. Не успел Лозарг заплести свои волосы, как вошла Елена. В руках у неё была какая-то книга. Положив её на стол, она подошла к Лозаргу и, обняв его, поцеловала.

— Что с тобой? — удивилась Елена, — ты весь холодный: и шея, и губы. Ты побледнел, — полушёпотом сказала она.

Испугавшись, Елена убрала руки с шеи Лозарга и отошла от него.

— Чего ты боишься? — спросил вор.

— Тебя, — тихо ответила Елена.

— Почему?

— Ты изменился. С тобой что-то произошло.

— Что именно?..

— Ты стал другим.

— Я по-прежнему люблю тебя, — сказал Лозарг.

— Я говорю сейчас о твоей плоти... Что с тобой?

— Ты мне обещала, — заговорил лорд, будто не услышав вопроса, и подошёл к столу, став боком к Елене, и смотря в стену, как в ясную даль, — что будешь любить меня, даже если я буду проклят; будешь любить меня, если я буду при смерти; будешь любить меня, если против нас будет весь мир, — Лозарг постепенно повышал свой тон. Елена села на свою кровать, — будешь любить меня, если я стану зверем; ты вечером обещала, что на утро также будешь любить меня. Обещала? — вор посмотрел на Елену.

— Да, — ответила она, едва сдерживая слёзы.

— Ты любишь меня? — твёрдо спросил Лозарг.

— Да, — первые слезинки покатались по белым и нежным щекам Елены.

— И если я скажу тебе правду, ты не отречёшься от меня?

— Нет, — сквозь слёзы ответила Елена.

— Я — оборотень... — признался Лозарг.

— Нет... Нет, этого не может быть, — не верила его возлюбленная.

— Я продал душу дьяволу, и теперь я на половину волк.

— Зачем? Зачем ты это сделал, — рыдала Елена.

— Я хочу жить вечно...

— Но без меня — я так долго не могу жить.

— Прими мою кровь, и наш век никогда не кончится...

— Нет. Я так ни хочу, — продолжала плакать Елена, — я больше ни хочу воровать, я хочу жить по-другому.

Лозарг заметил на обложке книги, лежавшей на столе, крест. Он чувствовал, идущий от

неё, жар, который обжигал его душу.

— Что это? — спросил он, указывая на книгу, лежавшую на середине стола.

— Это Библия, — ответила Елена, вытирая слёзы.

— Ты была в церкви?

— Да. Я нашла свой путь, поняла, что мне нужно...

— И что же?

— Истина. А истина в Боге...

— Елена, ты со мной? — спросил Лозарг.

— В Боге, который прощает многих... — будто бы не слыша, продолжала она.

— Елена, ты со мной? — ещё раз, членораздельно, повторил свой вопрос лорд.

— Он простил разбойника и блудницу, и тебя простит...

— Елена, ты со мной? — так же повторил свой вопрос вор, смотря всё время в стену, упершись руками в стол, и не чувствуя того жара от книги, от которого у него на лбу выступил пот.

Елена вздохнула, лорд повернул голову к ней.

— Да, милый Лозарг, я с тобой... до последнего вдоха.

Оба замолчали.

— Нет, Елена. Бог проклял меня, значит не простит.

— Гонитель христиан стал святым апостолом. Не простил ли его Господь?

— Он был сыном человеческим, а мой отец дьявол.

Елена опять вздохнула.

— И что ты будешь делать целую вечность? — успокоившись, спросила она.

— Собирать души, принадлежащие уделу дьявола. Души, которые никогда не покаются.

Встав с кровати, Елена подошла и обняла Лозарга, положив свою голову ему на грудь.

— Как мне больно, очень больно, — тихо говорила Елена, — то, что я теперь почитаю

— это оружие против тебя... — она посмотрела Лозаргу в глаза.

— Не бойся, — прошептал он и, поцеловав её в лоб, прижал к себе.

О, как же шумел этот город! Громче, чем несколько взбунтовавшихся роёв. Каждый куда-то спешил. В этой безудержной суматохе трудно было разглядеть медленно бредущего, бледного Лозарга. Его терзали мысли, противоречивые мысли, мысли о том, что Елена, увы, не будет вечной. «Может незаметно подмешать ей в вино мою кровь, — думал Лозарг, — но так нельзя, это будет против её воли... И зачем я согласился на это randevu!.. — жалел вор, — как я мог не подумать о Елене?.. Почему я забыл об этом?.. Почему, я сделал этот выбор?.. Почему, всё именно так, — Лозарг остановился и посмотрел вверх, но небо было сокрыто от него тяжёлыми серыми тучами, как и было сокрыто само солнце, — но что сделано, то сделано, — лорд двинулся с места, — поздно сожалеть о выборе, когда он сделан». Лозарг направился на улицу, где пару дней назад встретился с Бастьеном. Он нашёл его сидящим на бочках возле мясной лавки.

— Чем обязан? — спросил Жан, увидев подошедшего предводителя.

— Собери всех, мне нужно вам кое-что сказать.

— Хорошо, — согласился Бастьен, — надеюсь, это что-то важное...

— Очень.

— Когда собирать братство? — спросил Жан, уходящего Лозарга.

— Как всегда — на рассвете, — сказал через плечо лорд-вор, и отправился дальше бродить по шумным улицам.

Так пробродил он, пока не начало смеркаться. И без того серый и тусклый день стал ещё мрачнее. Повяло каким-то необъяснимым холодом, несмотря на то, что была уже середина июня.

— Пора бы исполнить договор, — прошептал лорд самому себе и побежал по пустым улицам. Он бежал к лесу, находившемуся недалеко от окраин. Выбежав за город, Лозарг остановился и пристально посмотрел назад — воровская привычка проверять, что за ним никто не следовал. Убедившись в отсутствии погони, вор побежал дальше. По дороге он скинул свой балахон. И вот, Лозарг забежал за пышные кустарники, и опять обернулся — за ним никого не было. Редко случалось такое, чтобы за ним кто-то гнался или следил, обычно только в тех случаях, когда он шёл на кражу вместе с Еленой — она была не такой быстрой, как Лозарг, поэтому вдвоём скрыться было труднее.

Он зашёл глубже в лес. Дойдя до просторной полянки, он остановился и осмотрелся.

— И как же это сделать, — прошептал Лозарг, смотря на свои руки.

— Просто пожелай этого, — послышался голос откуда-то из-под земли.

Из-за неожиданности лорд испугался, и начал оглядываться, ведь он неоднократно убедился, что за ним никто не следил.

— Первый раз будет тяжело, потом — просто, — голос звучал громко, и от него под землёй раздавалось эхо. В нём Лозарг узнал голос Люцифера.

— Просто пожелать, — повторил вор, опять смотря на свои руки.

Он закрыл глаза, и через мгновение, как будто длинная спица пронзила его позвоночник сверху вниз. Лозарг в судорогах прогнулся, корчась от боли. Внезапно боль ослабла, и он упал на четвереньки. Боль опять начала усиливаться, и уже поразила всё тело. Крик рвался из уст Лозарга, пронзительный крик. На его теле стремительно начала прорастать шерсть. Плечи расходились, а спина делалась шире и бугристей. Ноги удлинились и становились

массивнее. Сапоги вора разорвались. Стопы стали больше, на пальцах вылезли когти и впились в землю. Жилет Лозарга затрещал и порвался. Ленточка, державшая заплетённые волосы, каким-то образом распустилась и упала на землю. Тело уже было покрыто густой и чёрной, как ночь, шерстью. Под давлением, наручи лопнули. Остались целыми одни штаны, но их длина стала короче в два раза. Пальцы на руках плавно переходили в когти, от боли, яростно впивающихся в землю. Лорд кричал сильнее и громче. Его зрачки покраснели и расширились. Лицо покрылось шерстью и начало вытягиваться вперёд. Зубы переросли в большие клыки, которые венчали четыре мощных резца. Постепенно, крик переходил в рёв зверя, ужасный и пронзительный рёв. Голова Лозарга изменилась — она стала волчьей, но сохранила человеческие черты. И длинные волосы лорда не исчезли, а лежали меж волчьих ушей, свисая на затылок. Когда перевоплощение закончилось, боль сразу же исчезла. Лозарг встал, и выпрямившись, взвыл, разведя руки в стороны и запрокинув голову. Вой был жутким и протяжным. Его слышали горожане, даже те, которые сидели в шумных пабах. Город разом стих. Все поворачивали головы на вой, который вселял страх и ужас.

— Помилуй нас, Господи, — шептали одни, другие говорили вслух.

Возгласив клич, лорд опустил голову и посмотрел на своё видоизменённое тело.

— Иди, принеси мне дань, — говорил Люцифер.

Лозарг побежал к городу. Кусты и сухие ветки звонко трещали под его тяжёлым телом. Он шёл напролом, обходя только деревья. Между лесом и городом была равнина. Миновав последний куст, бегущий Лозарг, на ходу опустился на четвереньки, и побежал быстрее любого коня. Земля дрожала от его поступи. Лошади, привязанные у входа в город, увидев оборотня, начали метаться, пытаясь сорваться с привязи. Некоторым это удалось, и они поскакали прочь. Остановившись у городского входа, Лозарг выпрямился и осмотрелся — на улицах не было ни души. Вор неспешно пошёл по улице, не меняя своего облика. В нескольких метрах от него, с правой стороны, открылась дверь паба и оттуда вывалилась кучка пьяниц из пяти человек с бутылками в руках, пытаясь пить. Лозарг видел не их тела, а их души. Кожа, бледно зелёного цвета и покрытая плесенью, обвисла; они рассыпались на глазах лорда. В них были сквозные дыры — гниль проела их. На лицах кожи почти не было, и из-за этого виднелся грязный череп. Глаза едва держались в глазницах, а рот был раскрыт, и из него текла гниль. Пьяные не заметили вора.

— Вот они, — шептал Лозаргу Люцифер, — вот первая партия. Их души окончательно прогнили. Вырви их сердца, или рассеки.

С рёвом Лозарг накинулся на пьяниц. Одним, своими когтями он разрезывал им груди так, что разрывалось на части сердце, другим, вонзал свою руку и вырывал его. Хоть в руке у Лозарга было истекающее кровью сердце, в своих глазах он видел сердце, истекающее гнилью. Расправившись с этими пятью, лорд вошёл внутрь паба, и как будто очутился среди живых мертвецов. Лозарг перерезал всех, находившихся в заведении. Всё помещение было обагрено кровью. На столах лежали оторванные руки, по углам были разбросаны разрубленные напополам головы, стулья были обмотаны человеческими внутренностями, в стаканах лежали чьи-то пальцы. Стены были забрызганы кровью, а на полу, в её лужах, лежали остатки тел. Выйдя из паба Лозарг взвыл.

Бродя по улицам, он оставлял после себя растерзанные тела. Всякий раз, когда ему попадались хорошенькие блудницы, он видел лишь гниющие тела; не щадил никого. И лишь однажды, за эту ночь, ему встретилась девушка, чья душа была прекраснее её тела. Одета в сияющие белые одежды, она слепила глаза Лозаргу.

— Она чиста и непорочна, — заговорил Люцифер, — поэтому её душа не моя. Убивать её или нет — решай сам. Впрочем, ты и так, неплохо поработал.

Девушка не видела лорда — он стоял в переулке, залитом мраком, лишь два глаза светились как угли из глубин преисподней. Вор не понимал своих ощущений: он чувствовал в ней что-то близкое, но в то же время чуждое и далёкое. Оставив девушку в живых, Лозарг побежал к лесу. Его галоп содрогал улицы. Едва зайдя за кусты, вор осмотрелся, и, как сказал ему Люцифер, пожелал снова стать человеком. В несколько секунд его тело уменьшилось, шерсть вросла, и лицо стало прежним. Когда процесс завершился, на нём была его одежда, а волосы были заплетены.

Лозарг побрёл в убежище братства.

Близился рассвет. На улицах было всё ещё тихо, но через несколько часов они загудят, как и прежде. На пути лорду попадались растерзанные им тела, которые, в буквальном смысле, были размазаны по старой и неровной плитке.

— Это возмездие, — прошептал Лозарг, остановившись возле трупа блудницы с разорванной грудью. Лицо было заляпано её же кровью. Глаза, раскрытые в ужасе, смотрели прямо на вора, будто спрашивая: «зачем ты это сделал?» Лозарг присел, и провёл рукой по прекрасному окровавленному лицу, и глаза блудницы навеки закрылись.

Но для кого это возмездие? Для блудницы или для Лозарга? Вор не знал. Он и сам не понимал, почему у него из уст вырвалась именно эта фраза.

— Зачем прикасаешься к нечистой? — послышался строгий и хриплый голос за спиной лорда. Он обернулся. Рядом с ним стоял согнутый старик, опирающийся на сухую и кривую палку. Его седая голова на половину облысела, но на лице была длинная и густая борода.

— Теперь и ты нечист, — продолжил старик, когда Лозарг выпрямился, — разве ты не читал Писания? разве ты не знаешь: кто прикоснётся к нечистому, тот нечист будет?

— Я не читаю Писания, — как бы с сожалением сказал вор.

— Вот и она, не читала, — сказал назидательно дед, и кивнул на труп.

— А кто это её так? — спросил лорд, притворяясь, что ничего об этом не знает.

— Да говорят, демон разгуливает по городу... много людей перерезал. В одном пабе все стены кровью залиты, а кругом руки да ноги валяются...

— Что ж это за демон такой? — ради своего интереса любопытствовал Лозарг.

— Мне-то откуда знать? не видел я его... это кара Божия, — продолжил старик после паузы, — остерегайся дел своих, ибо могут они погубить тебя, — советовал старец.

— Уже погубили... — себе под нос сказал лорд, — а ты чего это, старик, в столь поздний час не спишь, а по улицам бродишь? — мягко сказал вор.

— Да сколько ж спать можно, — усмехнулся дед, — пол жизни проспал — хватит. Мне-то нечего больше делать, только бродить. Вздремну где-нибудь, да и хватит. А потом дальше иду.

— И мне пора идти, — сказал вор, и пошёл от старика.

— Если нужно будет что-то — мой дом здесь, напротив, — старец указал рукой на дом слева.

— Обязательно зайду, — улыбнулся Лозарг.

К приходу предводителя в братстве всё было готово. Так же хорошо был накрыт, разными кушаньями, стол, так же горели свечи, те же кубки были наполнены красным вином. И вот в убежище появился глава клуба, но в этот раз на нём не было его балахона. Все двенадцать мужей стояли вокруг стола, смотря на своего лорда.

— Ты хотел сообщить нам что-то важное, — начал Бастьен, — вот мы.

Лозарг кивнул.

— Слышали ли вы, что произошло в городе этой ночью? — спросил лорд.

— Кровавая бойня, — сказал худощавый вор, стоявший посередине с правой стороны от Лозарга, его имя Жерар Деко, — которую устроил то ли волк, то ли сам дьявол.

— А теперь скажите мне, — спокойно заговорил лорд, — верите ли вы в оборотней?

— Ты думаешь, что это сделал оборотень? — спросил Бастьен.

Лозарг молчал.

— Все мы слышали о них, но никогда не видели, — сказал вор, стоявший напротив Жана. По комплекции был похож на него. Коротко стриженный, но лицо покрыто густой бородой. Отличительной чертой этого вора были его глаза: правый — зелёный, левый — серый. Его звали Артур Вальян.

— Вот, собственно, то, зачем я собрал вас здесь, — с лёгкой улыбкой начал Лозарг, — я собрал вас здесь, чтобы открыть вам тайну. Итак, слушайте: я продал свою душу дьяволу, и теперь я — волк, — члены братства в удивлении переглянулись, — я бессмертен. Меня может погубить только серебро и крест. Я буду вечно молод. Вечно буду собирать души, которые принадлежат дьяволу. Это я, устроил резню в городе, потому что этого требует договор. Вы спросите у меня доказательств?! Вот они, — Лозарг вытянул правую руку, и её предплечье вмиг стало предплечьем оборотня. Братство ахнуло. Лорд вернул себе прежнюю руку, — примите же мою кровь и наше братство будет вечным.

— И наши души тоже будут отданы дьяволу? — спросил Жан.

— Да, — ответил лорд, — итак, ваш ответ.

— Как нам это сделать? — спросил Жерар.

— Дайте мне нож, — сказал Лозарг.

Бастьен вынул из сапога кинжал с рукоятью в виде головы льва, и подал его своему предводителю. Лорд посмотрел на нож.

— Не переживай — это чистая сталь.

Поколебавшись, Лозарг всё же взял кинжал.

— А теперь поднесите мне свои кубки.

Когда все обступили лорда, держа в руках свои чаши, он провёл ножом по едва зажившей ране на правой руке, и кровь начала сочиться и капать с ладони.

— Подставляйте свои кубки, — Лозарг стал разливать свою кровь в вино.

— Вино почернело, — испуганно сказал Морис.

— А теперь пейте, — скомандовал лорд, и все залпом осушили кубки.

— И что теперь, — спросил Жан, — как нам сделаться волками?

Солнце уже изливало свой свет в тёмное убежище братства.

— Ночью пойдём в лес — там и опробуете свои дары, — отвечал Лозарг.

— Нам тоже придётся резать людей? — спросил Бюжо.

— Да, — коротко ответил лорд, — только помните, не прикасайтесь к серебру, берегитесь креста и крестного знамения, остерегайтесь церкви, потому что это может погубить вас... Собираемся здесь перед полуночью, — сказал Лозарг и вышел.

Уже было светло. Но улицы ещё не наполнились людьми. Лорд проходил мимо небольшой часовни, ему навстречу шёл человек. На нём была шляпа с широкими полями, из-под которой свисали длинные волнистые чёрные волосы, ложась на спину и плечи. Длинный тёмно-серый плащ был нараспашку. В левой руке была трость, с набалдашником в виде головы змея. Лозарг остановился. Когда незнакомец подошёл ближе, на лице, половину которого скрывала шляпа, была видна небольшая борода. Вор понял, что он направляется к нему.

— Ну здравствуй, друг мой, — сказал неизвестный, подойдя к лорду. Лозарг узнал голос Люцифера.

— Не могу пожелать тебе того же, — спокойно ответил вор.

Дьявол рассмеялся.

— В чём ты теле, — спросил Лозарг.

— В своём, оно принадлежит мне.

— А как ты тогда вошёл в этот мир?

— Я могу войти как по «приглашению», так и без него.

— И зачем ты пришёл?

— Я хочу показать тебе один город.

— Покидать этот я не собираюсь, — возразил Лозарг.

— Ты не понял. Этот город находится в другом мире.

— И как я в него войду?

— В него можно войти только мёртвому, или по «приглашению», так что не переживай. Идём.

Лозарг пошёл за демоном. Они свернули в переулок. Где-то в глубине его, слева в стене была дверь, заставленная бочками. На двери была начертана пентаграмма. Люцифер отодвинул бочки и, достав ключи из внутреннего кармана, отомкнул замок.

— Ты готов? — спросил дьявол, взявшись за ручку.

— Я вернусь назад? — ответил вопросом лорд.

— Да, — сказал сатана, улыбаясь, и открыл дверь. Там был мрак, — после вас, — указывая на вход рукой, сказал дьявол.

Лозарг вошёл, следом за ним вошёл Люцифер. И вот, они уже стоят у подножия огромного города — Вавилона. Небо над ними было красным, как раскалённые угли в пылающей печи, позади — лес, в котором растут ливанские кедры, впереди — город, напоминающий собой гору зданий разных высот и размеров. У подножия, были небольшие строения, которые были расположены по кругу, и опоясывали весь Вавилон. Дальше, на ступень выше, были здания побольше, ещё выше — ещё больше, но чем дальше от подножия, тем меньше был круг зданий. Вершину Вавилона венчал замок из шести башен. Одна, самая высокая, имеющая огромный шпиль, стояла в центре, а остальные пять, у которых шпиль был меньше, но на всех одинаков, вокруг неё. Расположены они были по форме пятиконечной звезды. Справа, рядом с городом, стояла недостроенная башня, высотой с главный замок.

— Добро пожаловать в мой мир, — улыбнулся Люцифер.

— Что это за город?

— Это Вавилон, — пояснил дьявол, — небольшая часть ада.

— Ада? — переспросил Лозарг.

— А ты думал, что я тебя в рай поведу, — усмехнулся Люцифер.

— Но как же, почему здесь люди?

— Здесь те, кто служил мне. И помимо людей, здесь живут мои лучшие дүхи, мои князья, мои принцы.

— И все служат тебе?

— Да. Здесь будешь и ты, когда тебя убьют. У тех, кто живёт в этом городе есть всё, что им нужно: вино, женщины и нескончаемые удовольствия.

— Зачем мне всё это, если я буду здесь один, — мрачно сказал Лозарг.

— Да, ты прав. Твоя Елена, увы, сюда не попадёт.

Люцифер повёл лорда ближе к городу.

— Почему люди здесь наслаждаются, если в аду они должны страдать?

— Страдают те, кто, при жизни, не служил ни мне, ни Богу. А те, кто пребывают в этом городе, тоже будут страдать, когда я буду побеждён. Хотя, по сути, жить здесь и есть страдание — они никогда не удовлетворят своих похотей, никогда не напьются вином, никогда не утолят голод, лишь только на мгновение, и всё начинается сначала. Тот, кто в аду, страдает от того, что не может совершить греха, который удовлетворял его при жизни.

Они были уже близко к городу.

— Что это за башня, — спросил Лозарг, указывая на ту, которая была не достроена.

— Это Вавилонская башня. Её возводили вольные каменщики, но на земле живых им это сделать не удалось. И теперь она стоит здесь. Когда человек продаёт мне свою душу, башня становится выше.

— И насколько высокой она будет?

— Будет такой, чтобы могла достать до неба.

— А что будет, если тебе удастся её достроить?

— Башня пробьёт небо над нашими головами, и откроет прямой и свободный путь на землю живых. И тогда, на земле воцарится ад, а я воссяду на трон. Но, увы, этому не бывать...

Навстречу идущим, из города вышел демон. На обнажённом женском теле была, покрытая чёрной шерстью, с двумя, смотрящими в разные стороны, длинными рогами, голова козла, как, впрочем, и ноги. За спиной были тёмные крылья, напоминающие ангельские.

— Это Бафомет, — сказал Люцифер. Козлоногий почтительно кивнул, — он покровитель вольных каменщиков и некоторых рыцарей. Благодаря ему, башня стала несколько выше.

Глядя на Бафомета, Лозарг несколько скривился.

— Да, я знаю, — заметил сатана, — тебя смущает его вид, но что поделать? Почти пришли, — сказал дьявол, когда Вавилон был уже совсем близко.

У подножия города стоял зверь багряный, на котором сидела жена. У зверя было семь голов и десять рогов на них. На головах были начертаны имена богохульные. Багряница, в которую была облачена жена, не скрывала её наготы, в руке у неё была золотая чаша, на голове — золотая диадема, на лице — соблазнительная улыбка. Жена смотрела на Лозарга.

— Это символ моего города, — пояснил Люцифер.

Через весь Вавилон, от подножия до главного замка, по центру проходила лестница.

— Эта лестница ведёт в мой чертог, — указал дьявол, — идём.

Возле каждого здания, в каждом переулке стояли полуголые блудницы, и с улыбкой смотрели на Лозарга. Путь к золотому замку Люцифера оказался недолгим. Вокруг башен летали прозрачные дýхи, с каким-то необычным шумом. В воздухе стоял запах блуда и разврата. Дьявольский чертог был окружён рвом, наполненным кровью. Через ров лежал мост, вдоль которого стояли статуи демонов.

— Вот мы и пришли, — сказал Люцифер, глядя на свой замок.

Дьявол повёл Лозарга внутрь. Помещения чертога были тёмными, несмотря на то, что внешне он был покрыт золотом и сверкал. Мрачные каменные стены украшали различные виды оружия, на сером холодном полу лежали звериные шкуры, под потолком светились тусклые огоньки свеч. Пройдя несколько винтовых лестниц, Люцифер привёл Лозарга в свой кабинет и, войдя, закрыл дверь. В центре стоял дубовый стол, а на нём большая, наполненная вином, золотая чаша, рядом с которой стояли два золотых кубка, украшенных драгоценными камнями. Вся комната была устлана красным бархатным ковром. Напротив стола, во всю стену, была начертана пентаграмма.

— Тебе понравился город? — начал Люцифер, подойдя к столу.

— Нет, — коротко ответил Лозарг.

— Ну, хорошо, — смирился с ответом дьявол, — я увидел, что ты выполняешь наш договор и, более того, принёс мне ещё двенадцать душ... Я хочу предложить тебе то, чего не достоин был ни один из моих самых верных слуг, — сатана взял кубок и, держа его между пальцев, зачерпнул вина из чаши. С руки дьявола и с кубка стекало, красное как кровь, вино, — испей из моей чаши, — демон протянул кубок лорду, — и стань духом ада. Я сделаю тебя моим князем, ты будешь управлять легионами демонов...

— Нет, Люцифер, — отказался Лозарг, — я и так уже пожалел, что продал тебе свою душу, что согласился на это randevu... Я хочу остаться тем чудовищем, которое я есть, лучше от этого уже не будет, но и хуже не станет. А жить в твоём городе я не хочу, уж очень это мучительно.

— Значит, ты отвергаешь мои дары? — спросил дьявол, недоумевая.

— Дары смерти, — пояснил Лозарг.

— Ну что ж, — Люцифер поставил кубок на стол, — ты сделал свой выбор... больше у тебя такого шанса не будет, и в город ты больше не войдёшь... Вот ключ, — дьявол достал из внутреннего кармана золотую цепочку, с висящим на ней ключом необычной формы, и протянул его вору, — отомкни им эту дверь, и ты войдёшь в свой мир.

Когда Лозарг взял ключ, Люцифер подошёл к огромному окну, находившемуся за столом, и, сложив руки за спиной, стал любоваться своим городом.

.....

Лорд вставил ключ, который ему дал дьявол, в замок и, провернув его несколько раз, вытащил. Едва он переступил порог, как оказался в том же безлюдном переулке. За спиной у него была та же дверь с пентаграммой, но открыв её второй раз, Лозарг попал в чью-то кладовую. Ключ, который ему дал Люцифер, рассыпался в руках как песок <...>.

Улицы были всё ещё пусты, что очень удивило лорда. Ему казалось, что он пробыл в Вавилоне около двух часов, если не больше, а в его мире время, как будто, и с места не двигалось. Лозарг стоял в недоумении.

— Что тебя тревожит, — послышался голос дьявола из-за левого плеча вора. Он слегка повернул голову на голос, — это просто результат путешествия между мирами: часы в моём лишь — минуты в твоём... Так устроена эта Вселенная... До встречи, друг мой.

Лорд решил вернуться в своё убежище и навестить Елену. Он застал её за чтением Библии. Увидев своего возлюбленного, Елена бросилась ему на шею. Лозарг, обняв её, поцеловал. Книга лежала не закрытая.

— Где ты был? — спросила Елена, улыбаясь едва заметной улыбкой.

— Ты же знаешь, я должен выполнять договор, — голос лорда звучал спокойно и безрадостно, а глаза косились в раскрытую Библию, от которой исходил жар.

— Мне страшно, — говорила Елена, и на её лице уже не было той незаметной улыбки.

— Чего же ты боишься? — спросил тихо вор. Елена опустила руки с шеи на грудь Лозарга.

— Не знаю, — сказала она, потупив глаза и опустив голову. Лорд пытался что-то прочитать на открытой странице.

— Бояться нечего, — сказал вор и, обняв Елену покрепче, прижал к себе. И в этот момент его глаза остановились на одной строчке: «И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, — не давайте; и они...» — на этом месте текст был затёрт настолько сильно, что дальше нельзя было что-нибудь прочитать. Эти слова врезались в память Лозаргу и обожгли его глаза. В них он что-то чувствовал, как будто они были адресованы ему. Вор задумался и поцеловал Елену в висок, — бояться нечего, — шёпотом повторил он, будто ощущая какую-то невидимую защиту.

— Мне нужно дочитать, — сказала Елена. Лозарг отпустил её, а сам подошёл к сундуку и что-то положил в него.

Елена упёрлась руками в стол и, склонив голову, продолжила чтение. Она читала стоя. Лорд молча ушёл.

Серые тяжёлые тучи затянули небо и закрыли собой солнце. Было душно. Изредка, лёгкий ветерок пробегал по, шумящим как лесная роща, улицам города, который был напуган ужасным происшествием, случившимся прошлой ночью. Все обсуждали то существо, которое жесточайшим образом расправилось с несколькими десятками человек.

— ...это был огромный волк с громадными когтями, — повествовал один горожанин другому, когда мимо них проходил Лозарг. Многие повествователи утверждали, что лично видели зверя, хотя не были свидетелями происшествия.

Лорд опять шёл к Бастьену. На привычном месте Жана не было. Лозарг стал высматривать своего товарища в толпе: может он не успел далеко уйти.

— Ищешь кого-то, — послышался знакомый голос за спиной лорда.

— Да, ты как раз вовремя, — обернулся Лозарг, — давай пройдемся, разговор есть

— Хорошо, — согласился Жан, — пойдём.

Воры пошли вдоль заповенной людьми улицы, слившись с, неумолимо текущим, потоком шумной толпы.

— Кто такая прорицательница? — спросил лорд.

— А-ах, прорицательница... Знаю, знаю... Живёт на окраине города. Её зовут Хлоя. Женщина лет тридцати. Предсказывает людям их судьбы и истолковывает сны. Всё, что она говорит, сбывается.

— У неё дар?

— Да, дар. Только никто не знает от кого: от Бога или от дьявола.

— Ты ходил к ней?

— Да. Приснился мне какой-то странный сон... целый день он не давал мне покоя. Я решил сходить за советом к прорицательнице.

— И что же тебе снилось?

— Странный сон, — Бастьен усмехнулся, — мне снилось, что я тону в море, в котором вместо воды кровь.

— И что значит этот сон?

— Сибилла сказала, что меня погубит чья-то кровь, — сказал с лёгкой улыбкой Жан.

— Ты ей веришь?

— Нет. Как можно погибнуть от чьей-то крови? Разве, что захлебнуться ею.

Лозарга почему-то насторожило истолкование сна.

— Если хочешь, я отведу тебя к ней, — предложил Бастьен.

— Нет, пока не нужно, — отказался лорд, сегодня ночью все пойдём в лес — вы должны опробовать свои способности.

— Как скажешь, — согласился Жан.

— Пожалуй, я пойду, мне нужно выспаться, — веки Лозарга внезапно потяжелели, и начали опускаться вниз.

— Если что, ты знаешь, где меня найти, — сказал Бастьен и пошёл назад.

Когда лорд пришёл домой, Елены уже не было. Он лёг на свою кровать и, посмотрев на лежащую на столе и пылающую, Библию, закрыл глаза. Лозаргу начало казаться, что он падает в какую-то бездонную и нескончаемую пропасть с невероятно быстрой скоростью. Его веки настолько отяжелели, что он не мог их открыть. По телу лорда разливалось сладкое бессилие. Вор уснул. Когда Лозарг открыл глаза, ему казалось, что он только что их закрыл. Выйдя на улицу, лорд убедился, что это не так. Уже был вечер. Солнце касалось крыш зданий своим золотым брюхом, и туч уже не было. Прохладный ветерок дул в лицо Лозаргу, который снова направлялся к Бастьену.

— Отведи меня к прорицательнице, — попросил лорд.

— Дурной сон приснился? — с улыбкой спросил Жан.

— Да... просто, обычно, мне сны не снятся...

— Ладно, идём.

Когда воры пришли к дому провидицы, солнечный диск уже спрятался за крыши, лишь едва выглядывающий кусок разбрызгивал розовый свет на серые улицы. На заднем дворе, в стене пятиэтажного дома была дверь, ведущая в подвал.

— Вот и пришли, — сказал Бастьен и открыл дверь.

Проход был довольно широким. Вдоль невысокой лестницы на стенах, с обеих сторон, висели свечи. Лестница вела вниз и оканчивалась началом короткого коридора, вдоль которого так же были развешаны свечи, а в конце была дверь. Жан шёл впереди.

— Дальше иди сам, — сказал Бастьен, когда до двери осталось несколько шагов, — я подожду на улице, — после этих слов он пошёл назад.

Лозарг подошёл к двери, над которой висела табличка с надписью: «Desinesperarequihicintrás». И когда он поднял руку, чтобы постучать, дверь открыла молоденькая белокурая девушка.

— Проходи, Хлоя ждёт тебя, — пригласила она. Лозарг испугался, но не подал виду и молча вошёл внутрь.

Он очутился в небольшой комнате. Пол был устлан прекраснейшим персидским ковром. Под потолком висел круглый подсвечник с множеством свечей. На стенах, обделанных тёмно-синими узорчатыми обоями, висели картины живописи, и большие, и малые. Посреди комнаты стоял круглый столик на трёх ножках. Напротив двери, под стеной стоял диван из чёрной, блестящей от тусклого света, кожи, на узорчатых ножках. На диване сидела женщина в красном шёлковом платье с обнажёнными плечами и откровенным вырезом на груди. Сидела, оперевшись на левую спинку, положив свои босые ноги на диван. Огненно-рыжие волосы были заплетены и собраны на голове, золотые серьги, напоминавшие капли дождя, едва не касались плеч, на шее висел небольшой золотой медальон на тонкой золотой цепочке с выгравированной надписью: «Abimorctore», но на руках не было ни одного украшения. Её коралловые губы блестели вместе с медальоном, а изумрудно-зелёные глаза жадно впитывали свет. Над диваном с прорицательницей висела, во всю стену, картина «Тайная Вечеря».

Когда Лозарг вошёл, служанка закрыла за ним дверь и стала рядом.

— Ты можешь идти, Жаклин, — нежным голосом сказала Хлоя, и девушка ушла в соседнюю комнату, — подойди ближе, Лозарг, не бойся, — улыбнулась сивилла, — я слушаю тебя, — сказала она когда вор подошёл к столику.

— Мне снился сон...

— Знаю, знаю, — перебила его провидица тем же тихим и нежным голосом, — тебе приснился кошмар... рассказывай.

— Мне снилось, что я бегу по скале и пытаюсь догнать большую собаку, а впереди обрыв. Когда пёс подбежал к нему, он повернулся ко мне и, полаяв, бросился вниз, в море, которое было красного цвета, и утонул.

— И ты думаешь, что это совпадение? — улыбалась прорицательница. Лозарг не понял, — разве Жан не рассказывал тебе, какой ему приснился сон?

— Откуда ты знаешь? — удивился Лозарг. Сивилла рассмеялась.

— Я всё знаю, Лозарг, всё.

— Так объясни мне мой сон, — попросил вор.

Хлоя вздохнула, и улыбка сошла с её лица, оно стало спокойным и невозмутимым.

— Ты потеряешь друга, — её слова прозвучали как приговор.

— У меня много друзей.

— Но ты ведь знаешь, о каком именно я говорю. Лишь один искренне предан тебе, и готов отдать свою жизнь, чтобы спасти твою. И он умрёт из-за тебя.

В глазах лорда читался испуг.

— И зачем ты с ним связался? — грустно спросила Хлоя.

— С кем?

— Ну, не с другом же, — как бы намекнула сивилла. Вор понял, что она говорила о дьяволе, — зря ты мне не веришь. Без него тебе будет трудно... о, бедный Жан...

— Почему я должен тебе верить?

— А разве не за этим ты сюда пришёл? — удивилась прорицательница.

Лозарг потупил глаза. Сибилла встала и, подойдя к нему, положила свои руки ему на грудь. Едва ли не касаясь его губ, она сказала шёпотом:

— Нельзя избежать того, чему надлежит быть вскоре, — её слова горячим воздухом обожгли его губы, — всё, что я говорю, говорю не просто так, — громким шёпотом сказала провидица на ухо Лозаргу и, своими нежными руками, повернула его голову в сторону двери, над которой висела табличка с надписью: «Adfuturumreimemotiam», — это латынь, — сказала Хлоя, отпустив лорда, когда он повернулся, — всё, что я говорю, я говорю в напоминание о событии, — перевела она надпись на табличке, — и делаю это, с полной откровенностью, — Лозарг посмотрел на медальон.

— Значит, то, что ты сказала неотвратимо? — спросил вор.

— Увы...

— И что мне делать?

— Ничего. Как бы ты не пытался, ничего изменить не получится.

Лозарг подошёл к двери.

— Если ты действительно всё знаешь, скажи мне, приду ли я к тебе ещё? — сказал лорд через плечо.

— Придёшь... Не переживай так сильно, это скоро пройдёт. Когда выйдешь на улицу, тебе полегчает.

Лозарг вышел.

— Всё, что было сказано — для тебя, для тебя одного, — сказал Жан, когда лорд закрывал за собой входную дверь, — и никому другому об этом знать не обязательно, — Лозарг молча кивнул, — я, пожалуй, пойду, — сказал Бастьен, — нужно кое-куда пойти. До вечера.

Солнца уже не было видно, но остатки света подобно змеям, расплзались по стихшему городу, в попытке донести свои лучи к самым отдалённым местам. Лозарг был погружён в раздумья, и всё ещё стоял у той двери, из которой недавно вышел. Бастьен ушёл. Лорд постоял ещё пару минут и, придя в себя, пошёл прочь.

«Значит, это правда, — думал Лозарг, — у неё действительно дар... Но вот в чём вопрос: верить ли ей или нет?.. Как бы мне это не хотелось, но поверить придётся» — согласился вор и зашагал по улице чуть быстрее. Людей было уже не так много. Город стих. Большинство лавок были закрыты.

— Опять ты, — радостно воскликнул дед, увидевший лорда возле трупа блудницы, — может зайдёшь, — предложил старик. Лозарг посмотрел на небо и, поняв, что у него есть ещё время, кивнул в знак согласия. Дед открыл дверь и пропустил вора вперёд. Жилищем старика была всего одна не большая комната с маленькой кладовой. Стены были полностью голые и ничем не прикрытые. Справа от входной двери перед окном стоял деревянный столик с двумя пустыми тарелками и кружкой. Под ним стояла табуретка. Напротив стола, под стеной, располагалась кровать, бельё которой было грязным и засаленным. Потолок осыпался.

— Присаживайся на кровать, — сказал старик, а сам достал из-под стола табурет и присел напротив лорда, положив руки на свою клюку.

— Меня зовут Фелипоне, — начал он, — я хочу, чтобы ты помог мне в одном деле.

— В каком, — заинтересовался Лозарг.

— Когда я был молод, я был как ты: грабил, воровал, убивал... — хриплость из голоса старика внезапно пропала.

— Откуда ты знаешь, что я вор? — с удивлением перебил лорд.

— Твоя одежда выдаёт тебя. Но не переживай, это знают только те, кто когда-то сам занимался подобными делами, а простые люди ничего об этом не знают, ну, а кто знает — тот молчит. Так вот. Во времена моей молодости, среди многих разбойников и воров, ходила легенда о Братстве Феникса, некоторые называли их Орден Феникса. Члены этого братства были истинными мастерами своего дела, — слова Фелипоне начали поднимать со дна памяти Лозарга, какие-то странные и непонятные воспоминания, относящиеся к его детству и отрочеству, — каждый из них мог украсть любую вещь у человека так, что он ничего не заметил бы; они могли пройти через любую стражу; они могли обворовать царей, говорят, что они могли обокрасть самого дьявола...

— И что же случилось с орденом? — фальшиво спросил лорд, будто бы зная ответ на вопрос, но желая проверить собеседника.

— Случилось несчастье. За братством шла охота с самого начала. Им удавалось скрываться, прячась по чердакам и крышам. Но городским властям удалось их найти — в ордене был предатель, который привёл врагов в логово. Его звали Артур. Всех, кроме него, посадили в тюрьму и собирались казнить, казнить семь человек — Артур был восьмым. Ему заплатили хорошие деньги, и он сбежал в соседний город. Все семь членов братства сидели в одной комнате, дожидаясь казни на рассвете... Когда утром отперли камеру, там никого не было. Никто не знает как, но им удалось сбежать. Все входы, выходы и двери в тюрьме хорошо охранялись, но никто никого не видел. Сбежавшие, укрылись на время в лесной пещере. Сразу же после побега, один из ордена отправился за Артуром. Это был предводитель, его звали Гаспар. Он отыскал предателя. Артур писал письмо, когда на перилах балкона его квартиры, находившемся на третьем этаже, появился странный силуэт. Гаспар был в плаще с капюшоном, в правой руке у него был клинок, который сверкал в лунном свете. В одно мгновение Гаспар оказался перед предателем и столкнул его со стула. «Зачем ты нас предал?» — спросил он, держа кинжал наготове. «Ты... сбежал?..» — запинаясь от страха и пятясь по полу назад, спросил Артур. В ответ молчание. «Не... убивай...» — молил предатель. «Предав однажды — второй раз тебе не поверят» — ответил Гаспар, подойдя ближе к жертве. «Возьми деньги... возьми всё... только не убивай... я никому не скажу» — едва не плача просил, прижатый самим собой к стене, Артур. «Не за деньгами я сюда пришёл, — Гаспар задул свечу на столе, и его глаза засветились в темноте белыми огоньками, — а за твоей жизнью» — он занёс кинжал над левым плечом, и голова предателя упала на пол. Из тела забила кровь, но Гаспара в комнате уже не было. Когда он вернулся, на совете ордена было принято решение уйти в катакомбы, потому что очень громкий слух о них прошёл по городу... Эту легенду рассказывали сорок лет назад. Многие подробности скрыты, многое не сказано, и легенда передана не в идеальной точности... И вот я хочу, чтобы ты спустился в городские подземелья и узнал, там ли они...

— Ты думаешь, что они живы? — также фальшиво-удивлённо спросил Лозарг.

— Легенда гласит, что они бессмертны, — таинственно произнёс Фелипоне.

— Где находится вход в катакомбы?

— Я отведу тебя туда, когда ты решишь спуститься.

— А почему ты сам не проверил, когда был молод?

— Очень уж я их боялся. Неизвестно, что они могли со мной сделать: убить или отпустить. А может их нет в этих катакомбах, или Братства Феникса вообще не существует.

— А если существует, если они убьют меня? — фальшивость в голосе лорда не

пропадала.

— Не убьют — ты одет как они, только медальона нет.

— Какого медальона?

— Каждый из ордена носил на шее медальон с изображением феникса.

— Ну, хорошо, я подумаю... — Лозарг встал и подошёл к двери.

— Постой, — остановил его старик, — сколько тебе лет?

— Тридцать, — ответил вор и покинул коморку Фелипоне.

Ночь спустилась на стихший город. Лорд, направляющийся к своему братству, был погружён в воспоминания, пытаясь в них что-то найти. Людей на улицах почти не было. Изредка попадались нищие и бродяги в оборванных лохмотьях. Медленно идущий Лозарг, остановился, глядя в землю.

— Нет... этого не может быть... — прошептал он, подняв голову. Его глаза наполнило удивление, от переизбытка которого, у лорда открылся рот. Чему он был так сильно удивлён — было не ясно. Может своим воспоминаниям, может разговору с Фелипоне — неизвестно.

Опомнившись, Лозарг пошёл дальше, но его размышления не покидали его.

Серебристый серп месяца висел над городом и освещал улицы своим тусклым светом. До полуночи оставался час, когда лорд вошёл в убежище своего братства.

— Итак, вы готовы? — спросил он, войдя и убедившись, что собрались все.

— Да, готовы, — отозвался Бастьен, а все остальные в подтверждение кивнули.

— Тогда идём, — лорд развернулся и вышел. За ним последовали остальные.

Воры направились в лес. Именно в то место, где первый раз обратился их предводитель.

— Послушай, Лозарг, — заявил вор с длинными распущенными волосами и безобразным шрамом, идущим от левого уголка рта по всей щеке, средней комплекции, его имя — Жером Пикард, — нам обязательно идти в лес?

— Обязательно, — возразил лорд, — в городе нас могут увидеть.

Город бы уже позади и, тёмный, веющий мраком, лес раскинулся перед ними. Через несколько минут воры были на той же самой поляне, на которой довелось обратиться их предводителю. В земле ещё остались следы его когтей, некогда впивавшихся в неё.

— Слушайте, — начал Лозарг, — для того, чтобы войти в облик зверя, вам нужно... — орд сделал короткую паузу, — просто пожелать этого.

— Пожелать? — удивился коротко стриженный Филипп Готье, с горбатым и уродливым носом, — пожелать и всё? Больше ничего? Никаких заклинаний?

Лозарг рассмеялся.

— Предупреждаю, — заговорил он, — первый раз будет тяжело, потом легче. Итак... — Лозарг сделал жест рукой.

Воры разом упали на четвереньки, как будто им подрубили ноги. Лес будто ожил. Из самой его глубины доносился ужасающий вопль двенадцати мужей, членов великого братства. Их одежда трещала по швам и рвалась. Ремни и наручи лопались. Тела порастали шерстью. Головы людей превращались в головы волков. Человеческий крик плавно переходил в рёв зверя. Видя, что обращение его товарищей подходит к концу, Лозарг обратился сам, в одно мгновение. Когда, уже оборотни, поднялись с колен, всё братство взвыло, запрокинув головы. Вой был настолько громким, что отчётливо был слышен в центре города. Испуганные люди начинали неистово креститься и читать молитвы.

Каждый из оборотней имел свой особый вид. Бастьен и Вальян казались немного больше остальных, но Жан имел меньше всего шерсти на голове и серьгу в левом ухе, шерсть

его была бледно-серой. Артур Вальян не утратил своей главной особенности — разноцветных глаз, а борода его была в виде длинной шерсти на нижней челюсти, сам он был чёрного цвета, тёмно-чёрного был Лозарг, и темнее его никого не было. Морис Бюжо не нёс в себе никаких особенностей, шерсть имел бурого цвета. Жерар Декó казался меньше всех остальных, шерсть имел серую. Пика́рд не утратил своих длинных волос и пасть его была обезображена, шерсть имел болотного цвета. Филипп Готьё сохранил тот уродливый горб на носу, шерсть имел светло-коричневого цвета. Аженор Нивé в облике человека не имел правого уха, а в левом носил три серьги одновременно — в облике зверя ухо не появилось, а серьги не исчезли. У Германа Бóсса очень сильно выпирала нижняя челюсть, и, следовательно, в облике зверя эта особенность сохранилась, шерсть имел чёрно-синюю. Фернан Вьер был с двойным лицом: одна половина была гладкая и ровная, а другая какая-то кривая, на его зверином облике это отразилось, шерсть имел серую с тремя чёрными полосами вдоль позвоночника. Жерар Гарэль не имел никаких внешних особенностей, но его шерсть была почему-то серо-зелёной. Жак Жаккар был единственным в братстве с рыжими волосами, а потому и шерсть имел соответствующего цвета. У Эммануэля Клемана отсутствовали два пальца на левой руке и на левой ноге вовсе, но в лике оборотня они отросли, ибо без них он не смог бы в полной мере выполнять свою работу.

Стая была готова собрать урожай душ для своего господина Люцифера.

— Ну что ж, братья, — заговорил Лозарг. Его голос смешался со звериным и приобрёл соответствующий хрип, — сейчас мы войдём в город. Тех, кого нужно убивать, а кого нет я укажу вам. Учтите, в лике волка вы будете видеть не людей, а их души. И не забывайте, чего вам следует опасаться. А теперь за мной... — лорд прыгнул на четвереньки и помчался через лес к городу. Все остальные последовали его примеру.

Земля дрожала от, мчащихся галопом, тринадцати оборотней. Через минуту стая была уже в городе. Свернув в проулок, оборотни двигались рысцей на двух ногах. Подойдя к улице, волки остановились напротив ресторана. По улице шла молодая пара.

— Смотрите, — сказал Лозарг, указывая на идущих. И вместо прекрасно одетых чистых людей, оборотни увидели двое гниющих тел, — чтобы забрать душу, нужно лишить их сердца, неважно как: вырвать, выгрызть или даже разорвать его.

Лорд выскочил из проулка и бросился на идущих. Дама заверещала. Одной рукой Лозарг рассёк ей грудь, а второй с рёвом вырвал гнилое сердце. Спутник девушки от испуга потерял сознание. Лорд накинулся на него. Вцепившись зубами в грудь, он разорвал её и выгрыз сердце. Два растерзанных и окровавленных тела лежали посреди безлюдной улицы. Лозарг махнул рукой своим товарищам, а сам кинулся в ресторан. Выбитая лордом дверь ударила какого-то толстяка во фраке в висок, от чего он упал на пол. В заведении поднялся вопль. Люди встали из-за столиков и пытались уйти. В этот момент в окна и в открытую дверь ввалились ещё двенадцать ревущих оборотней. Волки принялись за дело. По ресторану начали разлетаться людские головы, конечности, внутренности и куски кожи. Пол мгновенно покрылся свежей кровью, но, увы, гнилой. Перерезав около десятка человек, Герман Бóсса зажал в углу сорокалетнего мужчину, трясущегося от страха. Бóсса подходил всё ближе и ближе. Внезапно, обречённый завопил:

— Верую, Господи! Спаси меня! — и начал поспешно креститься. Когда Герман занёс руку, чтобы вонзить её в грудь жертве, перед ним, вдруг, вместо гнилого полутрупа, оказался целый человек в белом одеянии. Оборотень не собирался его щадить. Не переставая креститься, мужчина, нечаянно, каким-то странным образом, положил крестное знамение

куда-то в воздух. Невидимый крест слегка задел, занесённую над головой, руку оборотня. Бóсса отступил и взревел, а несостоявшаяся жертва сбежала. На обгаренный пол закапала чёрная кровь Бóссы. К этому времени, живых в помещении не осталось. Оборотни покинули ресторан.

— Достаточно, — послышался голос Люцифера, — отныне, время вашей жатвы — полнолуние. Ад перегружен. Демоны не успевают распределять души по камерам.

— Вы слышали? — обратился Лозарг к оборотням, — возвращаемся в лес.

Стая покинула город. Они вернулись на ту же поляну.

— Чтобы снова стать людьми, вам нужно пожелать этого, — подсказал лорд.

В несколько секунд волки оборотились в людей.

— В любой момент мы можем снова сделаться оборотнями, если пожелаем этого? — спросил Артур Вальян.

— Да, — ответил Лозарг, — Герман, как твоя рука, — обратился он к раненому.

— Рана не большая, но глубокая, — пытаюсь сдержать кровь рукой и стиснув зубы, ответил Бóсса.

Всё его левое предплечье было залито чёрной, как смола, кровью, которая не переставала течь.

— Дайте мне ремень, — приказал лорд.

Бастьен распоясался и дал ремень Лозаргу. Рану перетянули. Придя в город, лорд распустил воров, а сам потащил Бóссу к Лафару.

— Леон! — кричал Лозарг, стуча в дверь. Чернокнижник спал. — Леон! — продолжал звать вор.

Дверь открылась. Сонная физиономия мага не выражала никаких эмоций.

— Входи, — сказал он, — что случилось?

— Герман ранен. Можешь остановить кровь?

— Чем он ранен?

— Крестным знаменем.

Лафар вздохнул.

— Можно только прижечь, но мне нужно время, чтобы раскалить угли. Терпи, — обратился Леон к Бóссе.

Чернокнижник начал разводить огонь. Лозарг затянул потуже ремень на руке Германа, который рухнул на стул от бессилия.

Городские часы били три часа ночи. Бóсса сидел, закатив зрачки и склонив голову на плечо. По нему струился холодный пот.

— Угли готовы, — сказал Леон.

— Герман, Герман, — пытался пробудить раненного Лозарг.

Невероятными усилиями, Бóсса выпрямил голову и посмотрел на лорда.

— Убирай ремень, — Лафар уже держал клещами раскалённый докрасна уголь.

Лозарг снял ремень. Кровь всё ещё сочилась. Леон приложил уголь, который полностью покрыл рану. Кровь зашипела, пошёл лёгкий дымок.

— Мне не больно, — прошептал Бóсса.

— И не должно. Уголь символизирует частицу ада, — объяснял Лафар, — разве тебе может повредить часть удела души твоей?

Рана затянулась и Герману полегчало.

— Он потерял много крови, — начал Лафар, — ему нужно восстановить её.

— Как? — спросил лорд.

Маг достал из-под стола бутылку с кровью.

— Вот, — показывал он, — осталось после ритуала, — Леон вытащил пробку, — капни сюда свою кровь, — сказал он Лозаргу.

— Давай нож.

Проколов себе левый указательный палец, лорд выдавил кровь и капнул её в бутылку. Кровь сразу же почернела.

— Пей, — протянул чернокнижник бутылку Бóссе. Тот взял и, запрокинув её, начал пить. Чёрная кровь стекала по шее в за пазуху. Бутылка была осушена. Герман ободрился и встал со стула.

— Спасибо тебе, — обратился он к Лафару.

— Постарайся больше не попадаться под крест, — посоветовал тот.

— Иди, отдохни, — сказал Лозарг, — и отдай Бастьену его ремень.

Бóсса покинул лабораторию.

— Мне тоже пора.

— Доброй ночи, — вздыхая сказал маг.

Лорд прибрёл в свой подвал и повалился на кровать как убитый.

Глава IX. Часть I

50 лет назад

Первый день декабря в этом году оказался необыкновенно тёплым, но ночью температура падала. Ночь, окутавшая тихий город Сент-Этьен, подходила к концу. Под её покровом, по улице двигалась группа людей. Кроме них никого не было. Подойдя к одному дому, неизвестные поднялись на самый верхний этаж — под крышу. Их было восемь человек. Все были покрыты капюшоном и их лиц не было видно вовсе. Войдя на чердак, они скинули с себя капюшоны. В их убежище находился только стол, стоявший посредине и имевший на себе какие-то чертежи, и, лежащие вокруг него, тряпки, судя по всему, являющиеся своеобразными кроватями. Первым к столу подошёл мужчина лет тридцати пяти, с длинными, собранными на затылке волосами и лёгкой щетиной, был очень похож на Лозарга. Он положил на стол мешок, все остальные обступили его.

— Как будем делить, Гаспар, — обратился к нему один из стоящих, у которого один глаз был повреждён — левый.

— Как всегда, Луи — поровну, — ответил тот, расшнуровывая мешок. Луи Бенар был слеп на один глаз, и поэтому уточнял всё, и даже то, что не имело отношения к проблеме со зрением. Таким уточнением и оказался вопрос о разделении добытого.

Группой, собравшихся людей, были воры. Это был тот самый, легендарный Орден Феникса.

Гаспар начал раздавать золотые монеты и драгоценности.

— Постойте, — удивился он, — а где Артур?

Воры осмотрелись.

— Куда он делся? — спросил, продолжая осматриваться Фульк Горён, имевший четыре шва на своём гладко выбритом подбородке.

— В последнее время он стал часто пропадать, — заметил Хильперик Дане, у которого на правом, покрытом плащом, плече был серповидный шрам, а голова и лицо покрыты равномерной щетиной.

— Он как-то странно стал себя вести, — заявил хриплым голосом Люк Дела́ж, выбритая голова которого имела по кольцу в ушах и одно кольцо в левой ноздре.

— Мне кажется, что не стоило принимать Левена в Братство, — как бы возражая, сложив на груди руки, сказал об Артуре Николо Фуюко, чьё лицо украшала аккуратная козлиная бородка и тонкая косичка, свисающая от правого уголка лба до щеки.

Розовеющая макушка солнечного диска робко высывалась из-за крыш домов. Первые, посланные солнцем, лучи не достигали места своего назначения — их беспощадно поглощала тьма.

— Ладно, братья. Давайте оставим Артура, а когда он явится, потребуем от него объяснений, — решил Гаспар, и все остальные с ним согласились.

— Может, стоит исключить его из ордена, — предложил Фуюко, — даже несмотря на то, что в нём он был вторым.

— Если это будет необходимо, — сказал Гаспар.

Добытое было разделено.

— Что будем делать завтра, — хрипящим голосом спросил Дела́ж.

— Может нам отправиться в другой город, — сразу же вмешался с предложением

Фульк.

— Я не знаю, — тихо ответил Гаспар, — нужно на время прекратить наши дела. И, найти и обустроить, постоянное убежище, чтобы не было нам так беспокойно.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Бенар, — но где нам обустроиться?

— Над этим нужно подумать, — ответил глава, — нужно подумать, — повторил он задумчиво и склонился над, лежащим на столе, чертежом.

Где-то рядом послышался шум шагов. Это кто-то поднимался на чердак. Шаги становились слышнее. Многочисленный топот поспешно приближался к чердаку. Гаспар, повернув голову к двери, послушал, а после произнёс:

— Это Артур... — и повернул голову обратно к чертежу.

Все остальные, недоумевая, переглядывались и не могли понять, что происходит.

— Это не Артур... — догадливо сказал Фуко, покачивая головой.

— Так кто же это? — с небольшим испугом спросил Хильперик.

— Сейчас увидите, — спокойно ответил Гаспар и, оторвавшись от чертежа, выпрямился и повернулся к двери.

Едва он успел повернуться, как в дверь вбежали жандармы и завопили:

— Именем революции и республики, вы арестованы!

Первые четыре были одеты в синие застёгнутые плащи с тремя белыми полосами на груди, в чёрных, с белыми каймами, двууголках, и с ружьями в руках. Они направили свои штыки в горло вора, чтобы те не убежали. Один из них направил штык в горло Гаспару. Сразу же, за этими четырьмя, вбежали ещё четыре жандарма в такой же одежде, но застёгнутые немного по-другому и без белых полос, с обнажёнными саблями в руках. Их они направили в горло остальным вора, которые даже не шевелились от удивления. Жандарм, которому не на кого было направлять своё оружие, стал напротив двери, приготовившись встретить кого-то, кто старше званием. Сначала, в дверь вошли два кирасира в блестящих чёрных ботфортах, в металлической сверкающей кирасе и в шлеме с пышным гребнем. Их сабли находились в ножнах. Кирасиры стали по обе стороны двери. И только теперь вошёл жандарм, руководящий этой операцией, и бывший выше званием всех остальных. На голове у него была чёрная двууголка, но без белой каймы. Плащ у него был без рукавов, с красным подбоем. На груди у него были три белые полосы. Из-под плаща виднелись жёлтые штаны и чёрные сапоги. Левой рукой он держал саблю в ножнах. Следом за ним вошёл Артур с опущенной вниз головой. Жандарм окинул воров взглядом и улыбнулся. На его лице, в отличие от всех остальных, не было бакенбард. Оно было чисто выбрито. Его сверкающие зелёные глаза были налиты какой-то странной жаждой и, в то же время, радостью. Бледная кожа щёк слегка побагровела. Тонкие губы едва шевелились. По гладкому лбу, на половину скрытому двууголкой, стремительно пробежала капля холодного пота.

— Ну что ж, — начал он, подходя к главе ордена, — неуловимый Гаспар оказался в руках правосудия? — с насмешкой, не переставая улыбаться, спросил жандарм.

— Но на долго ли, Анри, — спросил в ответ тот.

— Откуда тебе известно моё имя? — улыбка постепенно сошла с лица жандарма.

— Мне многое известно, но, увы, не всё. Если бы мне было известно всё, то сейчас бы здесь никого не было, — голос Гаспара звучал спокойно и невозмутимо.

— Зато мне известно, что здесь уже больше никогда никого не будет. А знаешь почему? — Анри сделал паузу, — потому что на рассвете вас казнят, — последнее слово он сказал с какой-то особой злобой, — и никто не сможет этому воспрепятствовать.

— Мне ничего не стоит убить тебя, но я не хочу, чтобы род Дельмас прервался. И поэтому я, со своими соратниками, покорно проследуем в тюрьму.

После короткой паузы Анри резко повернулся и вышел. Его лицо покраснело, глаза горели ненавистью, а по виску струился пот. Жандармы скрутили руки вора, при этом не упуская возможности ударить их, и вывели с чердака. Через час семь членов Братства Феникса были в тюрьме.

— Всё-таки нужно было их всех перерезать, — с улыбкой сказал Николо Фуко.

— Зачем нам лишняя кровь? — спокойно возразил Гаспар.

— Камера мне не нравится, — начал жаловаться Хильперик Дане, — здесь прохладно.

— Конечно, привык спать в тёплых постелях с чужими жёнами, — засмеялся Люк Делаж.

— Не переживай, мы здесь не на долго, — сказал Гаспар...

Рассвет был уже близок. Солнце уже начинало подниматься из-за горизонта. Оно изливало свои первые робкие лучи в камеру с ворами.

— Уже светает, — заметил предводитель, стоя у небольшого окошка, — нам пора. Луи, проверь, не идёт ли кто.

Бенар молча кивнул и, прильнув ухом к двери, начал прислушиваться.

— Всё тихо.

— Тогда идём, — скомандовал Гаспар.

Он весь вспыхнул мелкими красными искрами, напоминающими тлеющую золу, и, растворившись, превратился в густую голубовато-серую дымку, плавающую в воздухе, словно в воде. Пройдя сквозь тюремную стену, дымок устремился вниз. Через мгновение он врезался в землю. Сразу же, вокруг него поднялась пыль, как вспыхнувший дым, но на плитке, которой была вымощена земля, столько пыли не было. В пыли, из тех же мелких искорок, появился Гаспар, упирающийся руками в землю и стоящий на одном колене, как будто приземлившись после прыжка. Вслед за Гаспаром, из такой же вспыхнувшей серой пыли, поочерёдно появились остальные члены ордена. С этой стороны тюрьмы охраны не было, что и дало возможность ворам уйти незамеченными. Используя свою невероятную способность они в одно мгновение обходили любую охрану, проходя сквозь стены и даже сквозь самих солдат. Покинув город, братство отыскало в лесу пещеру, в которой и решили укрыться до некоторого времени.

Пришло время казни. Солнце почти поднялось над Сент-Этьеном. Анри Дельмас, в сопровождении двух охранников и пятнадцати жандармов, поднимался к камере, в которой находился Гаспар, и его соратники. Перед дверью камеры была круглая площадка, по периметру которой стояли солдаты с ружьями. По обе стороны двери, стояли два кирасира.

— Гиньон, ключи, — не поворачиваясь, протянул руку к охраннику Анри.

Отперев и войдя в камеру, жандарм обомлел и побледнел. Его глаза лезли на лоб, а челюсть отваливалась от изумления. Пройдя по пустой камере с, расставленными в стороны руками, Дельмас вышел.

— Где они?! — заорал он на кирасиров, — где воры?! — его лицо побагровело.

Все начали заглядывать в камеру, и все менялись в лице.

— Кто-нибудь входил к ним? — спрашивал Анри кирасиров. Те отрицательно мотали головой.

— У кого есть ключи от камеры?! — взволнованно ходил жандарм.

— У меня и у Лабулэ, — ответил Гиньон.

— Где он?!

— Я здесь, — послышался голос поднимающегося Эрсана Лабулэ, начальника охраны.

— Где ты был этой ночью?! — накинулся на него Анри. Все его вопросы были наполнены яростью.

Опустив голову и потупив глаза, тот ответил:

— Я провёл эту ночь со своей женой.

— Где были ключи от камеры? — жандарм не останавливался.

— Всё это время они были со мной, и сейчас они у меня, — тихо отвечал начальник охраны, который ночью должен был быть на своём посту. Дельмас остановился, глубоко вдохнул, и медленно выдохнул.

— Куда они делись?! — завёлся он опять, — как вы могли их не заметить?!

— К камере никто не подходил, и с ними никто не разговаривал, — оправдывался один кирасир.

— А может, вы попросту уснули на своих постах?! — кирасиры и несколько солдат склонили головы, — Кавелье ко мне, — крикнул Анри, и один, их сопровождающих его жандармов побежал вниз, — за свою оплошность, вы предстанете перед судом!

— Мы... — едва открыл рот один из солдат, как его сразу же прервал Дельмас своим криком.

— Молчать!.. Мы выслеживали эту проклятую шайку полгода! А вы упустили их за одну ночь!!! Где Артур? — спросил он, успокоившись, у другого охранника.

— Он отправился в Лион, — ответил тот.

— Сегодня там будет Праздник света... — Анри говорил спокойно, — будет много людей... Вот, что, Марсель, — обратился он к охраннику, — возьми с собой ещё одного человека и отправляйтесь в Лион, предупреди Артура о том, что Гаспар сбежал... Ему грозит опасность... И вряд ли у нас получится его защитить, — увидев, поднимающегося Леопольда Кавелье, Дельмас сказал ему: — снаряди три отряда — обыщите весь город. Десять человек отправь в их убежище на чердак, пусть дежурят там день и ночь, — Кавелье ушёл. Анри демонстративно плюнул и покинул площадку, вслед за Кавелье.

Глава IX. Часть II

Оставив своих соратников в пещере, Гаспар один направился в Лион, чтобы свершить месть над Артуром. Когда он подошёл к городу, солнце уже село. Был вечер. Но Лион горел, горел сотнями тысяч огней — это начался Праздник света. В окнах, в дверях, на балконах, на прилавках, на витринах и даже на крышах домов стояли свечи и светильники, наполняя светом, переполненный людьми город. Словно тысяча маленьких звёздочек опустилась на каждую улицу Лиона. Здания походили на подсвечники. Народ ликовал, приветствуя славный праздник в память о великом спасении. Один из лионцев вышел из дома, впервые за три дня, и, в изумлении, спросил случайного прохожего:

— Почему сегодня празднуется Праздник света? Разве сегодня восьмое декабря?

— Да, именно восьмое декабря, — ответил гражданин.

— Ох, — воскликнул лионец, — едва не пропустил столь важный праздник, — и, войдя обратно в дом, вынес четыре зажжённых свечи и поставил их на окна своего дома.

Многие люди продолжали выносить свечи и светильники, и ставить их на окна и балконы. Только лишь на одном балконе не было ни свечей, ни светильников. И их уже ни кто не вынесет, ни сейчас, ни потом, ни в следующем году. Это был балкон Артура. Дверь на нём была открыта, за ней стоял столик, за которым сидел предатель и писал письмо. Перед ним стояла небольшая свечка, а рядом лежала кожаная сумка. В тёмную комнату лился бледный лунный свет.

Гаспар пробирался сквозь плотную, как морская толща, толпу. Осознав, что он теряет время, Гаспар свернул в переулок. Убедившись, что никого рядом нет, он сделался бесплотным дымом и поплыл сквозь толпу. Через минуту Гаспар уже сидел на перилах балкона с обнажённым клинком в руке. Артур его не заметил. Спустя мгновение Левен был сбит со стула.

— Ты... сбежал?.. — едва не задыхаясь, он запинаясь от страха и пятился по полу назад, — разве... вас не... казнили?

— Зачем ты нас предал? — строго спросил Гаспар, сжав покрепче свой кинжал, и, подходя ближе к Артуру.

— Не убивай... — взмолился предатель.

— Предав однажды — второй раз тебе не поверят, — ответил Гаспар, продолжая подступать всё ближе и ближе, — ты, был подобран умирающим на улице, — говорил он, — тебе было дано пропитание, я дал тебе кров, тебе был дан бесценный дар!.. И что я получил взамен?.. Предательство, и осуждение на смерть! За что? За то, что сжалился над тобой? Такой оплошность я больше не допущу, — Гаспар был совсем близок к Артуру.

— Возьми деньги... возьми всё... только не убивай!.. я никому не скажу... — едва не плача молил он, прижатый самим собой к стене.

— Не за деньгами я сюда пришёл, — Гаспар задул свечу на столе, и его глаза засветились в темноте белыми огоньками, — а за твоей жизнью, и за тем даром, который я тебе дал, — он занёс кинжал над левым плечом, и голова предателя упала на пол. Из мёртвого тела забила кровь. Забрав со стола письмо, Гаспар растворился, и дымкой исчез из комнаты.

Прошло около часа. Город всё ещё шумел. Марсель, посланный жандармом Анри, поднимался на третий этаж. Войдя в квартиру Левена, он проследовал в комнату, где на полу

был разлит лунный свет. В квартире было темно. Его нога не успела переступить порог комнаты, как зацепилась о что-то круглое. Не разобрав, что это, Марсель легонько пнул предмет, чтобы разглядеть его на свету. Посыльный с трудом удержался на ногах, когда разглядел в предмете голову Артура; его вовремя подхватил сопровождающий. В глазах Марселя потемнело. Сердце билось с такой силой, что, казалось, вот-вот пробьёт грудь. Придя в себя, посыльный прошёл в комнату. Взглянув на обезглавленное тело, он сразу же отвернулся от него. Заметив на столе сумку, Марсель осмотрел её, и обнаружил там деньги, данные Артуру за предательство Братства Феникса.

— Ему они уже не пригодятся, — сказал он и повесил сумку на плечо, — возвращаемся, — скомандовал Марсель своему сопровождающему.

На «Холме Света» никогда не происходило ничего подобного.

Гаспар вернулся в пещеру под утро, и нашёл своих соратников спящими вокруг горящего костра. Сверху, в пещере была дыра, в которую выходил дым, и вливался свет. Подходя ближе, он, по неосторожности, наступил на сухую ветку, которая звонко хрустнула. Воры мгновенно пробудились и поприветствовали своего предводителя.

— Артур мёртв, — отчитался Гаспар.

— ... и честь ордена восстановлена, — подхватил его Николо Фуко.

— Надо было оставить его подыхать на той улице, — со злобой сказал Люк Делаж.

— Довольно, — поднял руку Гаспар, — он за всё поплатился... когда я пришёл, он писал кому-то письмо.

— Чтó было в том письме? — спросил Дане.

— Сейчас узнаем, — Гаспар сел на камень и достал лист с письмом и начал читать его вслух. Содержание письма было таким:

«Господин Анри,

Меня одолевают дурные мысли. Страх не покидает меня. Мне кажется, что Гаспар убьёт меня, и вам не удастся его казнить. Так и будет.

Я хотел уйти от этого Ордена, хотел освободиться от него, но, увы, это невозможно. Лишь только смерть может разорвать узы Братства. Я хотел попросить вас выслать мне людей для охраны, но я знаю, они не успеют и ничем мне не помогут.

Время близко.

Я искренне сожалею о том, что совершил и возвращаю вам деньги, которые вы мне дали. Если моё письмо пришло до казни, то попросите Гаспара простить меня. Впрочем, я не уверен, что казнь состоится, или письмо придёт раньше её.

Вам, я хочу сказать, что когда-то я лежал полумёртвый на улице, а вы, проходя мимо, сильно ударили меня ногой. После этого, я лишился двух зубов.

Не осудите меня за признание. Я страстно влюблён в вашу жену и всегда желал её. Жалею лишь о том, что не пришёл к ней ночью.

Простите меня.

Р. С. Деньги, которые я вам возвращаю, отдайте...»

На этом письмо оборвалось. Дочитав, Гаспар бросил его в огонь.

— Интересно, кому он хотел отдать деньги? — спросил хриплый Люк.

— Артур был влюблён не только в жену жандарма, — отвечал Гаспар, — он ещё ухаживал за дочерью сапожника — Луизой. Ей он и хотел передать деньги.

— Что теперь, Гаспар, — спросил Луи.

— Вы, что думаете, — обратился тот к братству. Ни у кого ответа не нашлось, — я предлагаю уйти в городские подземелья. Навсегда.

Воры начали переглядываться.

— А выходить на верх можно будет? — спросил Хильперик.

— Можно, только ночью и очень тихо. Но прежде, чем мы уйдём в катакомбы, нужно будет совершить последнее дело в городе... Очень важное...

Глава IX. Часть III

Следующий день, после Праздника света, был не менее суетным, чем день самого торжества. Приезжие возвращались из Лиона в свои города. Участники праздника делились своими впечатлениями, а те, кому не довелось побывать в Лионе, слушали с большим интересом.

Вместе с возвращающимися, в Сент-Этьен прибыл и Марсель со своим сопровождающим. Время близилось к полудню. Анри сидел в своём кабинете. Внезапно вошёл кирасир.

— Марсель Маноду́ прибыл из Лиона, — сказал он.

— Пусть зайдёт

Кирасир вышел.

— Плохие новости, — сказал, входя, Марсель.

— Он мёртв? — ни капли не удивляясь, спросил жандарм, встав. Он подошёл к окну и сложил руки за спиной.

— Да. Ему отрубили голову, — с робостью в голосе, ответил Маноду.

— Ты заметил что-нибудь необычное в его комнате? — продолжая разглядывать что-то в окне, спросил Дельмас.

— Нет. На столе было потухшая свеча, и рядом с ней вот эта сумка, — Марсель протянул сумку Анри, — в ней деньги, которые заплатили Артуру за предательство.

— Ну что ж, — Дельмас бросил сумку на стул, — мы сделали всё, что могли. А сейчас идём, — он взял со стола свою двууголку и надел её.

Анри вышел, и за ним следом Марсель. Когда они спускались по лестнице, к ним подбежал Леопольд Кавелье.

— Обыскали всё, что можно — их нигде нет, — сказал он.

— Это уже бесполезно. Вот новый приказ. Распорядись, чтобы на крышах, вокруг площади, поставили стрелков. Слишком много возмущений в народе. Могут попытаться сорвать казнь.

Кавелье побежал выполнять приказ. Анри и Марсель вышли на площадь. Народу собралось много. Толпа ликовала, ожидая, когда выведут приговорённых к смерти. Виселица была уже оборудована десятью петлями. Приказав Маноду следить за обстановкой, жандарм поднялся по ступеням на деревянную платформу и стал рядом с петлями. Увидев его, толпа стихла.

— Приведите осуждённых! — крикнул он.

Люди расступились. Через аллею толпы вели десять человек. Марсель внимательно следил за всем происходящим вокруг. Он заметил, как на крышах, один за другим, появились солдаты с ружьями, около одиннадцати человек. Солнце слепило глаза Маноду, но не пекло. Повеяло прохладой. Тучи начали затягивать чистое небо.

Гремя цепями и стуча оковами, приговорённые подошли каждый к своей петле. Среди них была одна женщина. Анри подали лист бумаги. Он начал зачитывать приговор:

— Именем революции и республики! Эрсан Лабулэ, Кампо́ Делоне́, Леду́ Креспён, Паулина Лабулэ, Жан Бона́р, Арма́н Антрёг, Жак Делоне́, Филипп Куапéль, Морис Бенуа́, Леон Дефоссé. Вы обвиняетесь в измене и приговариваетесь к смертной казни через повешенье! — Дельмас опустил лист и толпа загудела, как пчелиный рой.

Когда он ещё читал приговор, с солдатами на крышах что-то случилось. Они попадали, как чем-то поражённые. Так же, как и появились — поочерёдно, они и упали. Марсель заметил это, и очень сильно встревожился. Им овладел непонятный страх. Он хотел крикнуть Анри, но кричать было нельзя. Между тем, небо полностью посерело и затянулось тучами.

— Ваше последнее слово! — обратился Дельмас к приговорённым.

— Четверо человек засвидетельствовали — я был ночью дома, — заговорил Кавелье, пытаясь доказать свою невиновность, — ни я, ни моя жена, не причастны к этому преступлению!

— Я нечего не знаю об этих свидетелях! — отвечал Анри.

— Да одумайся же ты! Ты губишь невиновных! А вместе с нами, губишь наших детей!

— Если вы невиновны, пусть Бог остановит руку палача! — после этих слов Анри, мороз внезапно окрепчал, у людей на ресницах и бровях появился иней; повалил снег. Мелкие хлопья быстро покрывали крыши белой пеленой. Своим полотном они уже успели укрыть трупы мёртвых солдат, лежавших на крышах. Анри поднял правую руку вверх. Когда он её опустит, палач дёрнет рычаг и десять петель мёртвой хваткой сожмут шеи десяти невиновных человек. Толпа молчала в ожидании. Дельмас зачем-то выдерживал какую-то паузу. Снег продолжал идти. Он окрасил весь город в непорочный белый цвет, хотя город глубоко увяз в своих грехах. Когда Анри держал руку поднятой, над толпой появились голубовато-серые дымки. Никем не замечаемые, они стремительно летели, сквозь снеговой столп к виселице. Дельмас резко махнул рукой, опустив её вниз. Палач дёрнул рычаг. Дно мгновенно провалилось под приговорёнными. Едва петля начала затягиваться, верёвка над головами лопнула, и осуждённые свалились под деревянный короб, гремя своими цепями, с оборванными петлями на шее. Толпа взорвалась. Началось всеобщее смятение. Народ зашевелился. К площади спешили солдаты.

— Кирасиров сюда! — вопил Анри.

Спасённые выбрались и, растворившись в толпе, убежали. Солдатам не удалось пробиться сквозь толпу, чтобы задержать беглецов, на которых кроме грязной робы ничего не было.

Никто этого не заметил, но перед тем, как верёвка с петлями лопнула, сквозь неё пронеслись струи голубовато-серого дыма, незаметные в снегу. А после, на крыше дома возле площади, появились, как будто из снега, семь человек в чёрных одеяниях, в плащах и капюшонах, с острыми, как бритва, кинжалами в руках. Их не заметил никто, даже наблюдательный Марсель, столь внимательно следивший за обстановкой на площади. Сейчас всех волновало то, как могло произойти столь невероятное происшествие. Также внезапно, как и появился, Орден Феникса исчез. И никто их не видел. Но они не отправились в своё убежище. Гаспар приказал соратникам на время где-нибудь укрыться, а сам, бесплотной дымкой, направился в кабинет Анри. Пройдя сквозь закрытое окно, Гаспар воплотился и, забрав сумку с деньгами, исчез. Снег усиливался, покрывая тёмный город белым, как свет, полотном. Улицы были уже истоптаны разнообразными следами.

Заполучив деньги, Гаспар проник в сапожную лавку, которая была сегодня закрыта. Он оставил на столе сумку и исчез. Рядом он положил записку:

«Луиза Лефёвр, твой возлюбленный — Артур, мёртв. Эти деньги он получил за предательство великого братства. И он хотел бы, чтобы после его смерти они достались тебе, как и всего сбережения. Их ты найдёшь в Лионе. В квартире на третьем этаже, в

доме возле Розовой башни. На двери этой квартиры выцарапана птица.

Феникс»

Анри, войдя в свой кабинет, не заметил пропажи сумки с деньгами. Он положил на стол лист с текстом приговора и вышел. Голова Анри шла кругом. Два необъяснимых происшествия подряд как следует потрепали его нервы. Дельмас злился по каждому пустяку. Любая глупость могла привести его в ярость. Молодые солдаты, попадавшие под горячую руку жандарма, получали строжайшие выговоры, но сами не понимали за что. Небольшой отбойный молоток непрестанно и упорно колотил у Анри в виске. Он ничего не ел со вчерашнего вечера. Невероятное желание поесть внезапно затмило его разум. Дельмас, и без того спешивший домой, пошёл ещё быстрее. Это стоило ему адских усилий. С каждым шагом, молоток в его виске молотил сильнее, но реже.

Часть людей покинула площадь. Снег всё шёл и шёл — остановить его некому. Анри прошёл сквозь редющую толпу, но даже не заметил людей. Он смотрел в, покрытую хрустящим снегом, землю. Дельмас не слышал ничего, кроме боли и голода. Его синий плащ побелел. На брови и ресницы налип снег. Иногда, сквозь боль и голод, в голову жандарма протискивались мысли о, всё тех же, необыкновенных происшествиях. Любые попытки понять случившееся, заканчивались тем, что он не находил ни одного разумного объяснения, и его разум снова затмевали боль и голод. Они выплёскивались на него, как до времени сдерживаемая волна.

Анри не заметил, как дошёл до своего дома. Его квартира была на втором этаже. Перед тем как войти, Дельмас стряхнул подтаявший снег с плаща и, сняв двуголку, отряхнул и её. Войдя, он снял с себя всё обмундирование и прошёл за стол. Квартира была хорошо отделана. Стены, покрытые бардовыми обоями с чёрными узорами, украшали миниатюрные картины, но среди них была одна большая — портрет Анри. На нём он был изображён в своём синем плаще, двуголке и опирающимся одной рукой на саблю. Стол стоял посередине комнаты, в ней семья Дельмас проводила трапезы. Ножки стола были украшены сложнейшей резьбой. В этих узорах можно было разглядеть головы львов, орлов и даже человека. Окна украшали пышные красные шёлковые шторы.

Анри сел на мягкий стул и пододвинулся к столу. Его жена сидевшая за этим же столом, встала и ушла в другую комнату. Через минуту оттуда вышла прислуга, всего два человека. Они несли блюда своему господину. Когда стол был накрыт, Дельмас принялся есть. В его распоряжении был говяжий антрекот, свиной баллотин, нарезанный свежий багет, от которого исходил пар, как, почти от всех остальных блюд. Рядом с баллотинном стоял жульен из грибов и, заключительным блюдом был дарн де сомон, который так любил Анри. Когда голодный жандарм принялся за еду, пришла его жена и села рядом. Её каштановые волосы, были сплетены на затылке. Надо лбом красовался позолоченный ободок. Уши украшали золотые серёжки в форме капель. Рукава её синего платья покрывали руки от локтей до плеч. На груди был небольшой вырез. В её карих глазах отражался Анри. Узкий подбородок венчали аккуратные губки.

— Да ты бледен, — заметила она, глядя на мужа.

— Вся эта канитель с ворами меня очень сильно утомила, — ответил Анри, оторвавшись от антрекота.

— Что же случилось?

— Прямо перед казнью эта шайка сбежала, — с недоумением ответил жандарм, — как им это удалось — неизвестно. Скорее всего им помогли. Подозрения пали на начальника

тюремной охраны, его жену, двух кирасиров и на шестерых солдат, — Анри принялся за дарн де сомон, заедая его багетом, — около часа назад их должны были казнить... Но казнь была сорвана. Петли оборвались, а приговорённые сбежали. У меня нет ни одного разумного объяснения тому, как это могло произойти.

— Тебе нужен отдых, — заботливо сказала жена Анри.

— Да, милая Евгения, — с доброй улыбкой отвечал жандарм, — мне нужен только отдых...

По мере того, как Дельмас насыщался, боль прекращалась, а голод вовсе исчез. К лицу прилила кровь. Анри успокоился.

— Я пойду посплю, отдохну, — сказал он, вставая из-за стола, — будить меня только по очень важному поводу, — наказал Дельмас и отправился в свою спальню.

Он заснёт, проснётся и будет жить дальше. И умрёт Анри Дельмас, так и не узнав, кто освободил приговорённых, и как сбежали семь воров, именующих себя — Братство Феникса.

Лозарг проснулся с каким-то странным ощущением неведенья. Снился ли ему сон, размышлял ли он о вчерашнем, думал ли о завтрашнем или вспоминал прошлое — было неизвестно. В его глазах была пустота. Безвестная и непонятная. Его бледное тело едва шевелилось от дыхания. Взгляд был направлен в одну точку. На мгновение Лозарг закрыл глаза. Слабость сковала его тело. Лорду казалось, что в его груди непрерывно бьёт фонтан, источающий бессилие. Сделав над собой усилие, вор сел на кровати. Потирая полусонные глаза, он пытался понять, что с ним происходит. Пробужденные рассказом Фелипоне воспоминания, истязали лорда. Постоянно всплывали чьи-то, до боли знакомые, лица, какие-то слова, странные и непонятные фразы... Зажмурив глаза и сжимая виски, Лозарг пытался остановить беспощадную пытку его памяти. Открыв глаза, он почувствовал, что неумолимый поток воспоминаний стих, а бессилие начало пропадать.

Выйдя на свежий воздух, Лозарг всё ещё не ощущал бодрости. Солнце сильно припекало. Был полдень. Народу на улицах было меньше, чем обычно. Лорд прогулялся по нескольким улицам, чтобы прийти в себя и взбодриться. Это помогло. Прогулка разогнала его гнилую кровь, и Лозарг почувствовал прилив сил. Вспомнив некоторые обстоятельства вчерашней беседы с Фелипоне, лорд решил пойти к нему. Идти было не далеко. Лозарг постучал в дверь и вошёл. От стука, дремавший на табурете возле стола, Фелипоне встрепенулся, и когда лорд вошёл, он протирал, едва успевшие слипнуться, глаза.

— Я не вовремя? — спросил вор, остановившись в дверях.

— Заходи, заходи, — помахал рукой Фелипоне, — ну как, ты решился?

— Об этом поговорим позже, — ответил лорд, — сейчас меня интересует вот что: вчера ты сказал, что был таким как я, был разбойником. Так? — Фелипоне кивнул, — но ты ничего об этом так и не рассказал...

Старик вздохнул.

— Присядь, — Лозарг уселся на кровать, — если тебе это и вправду интересно, я расскажу... — старик сделал небольшую паузу, а после начал, — меня зовут Фелипоне Лавин. Я родился в семье крестьянина, а это значит, что семья была бедной. Жили мы на окраинах возле Парижа. Как только я окреп, отец заставлял меня работать. Мне это сразу же не понравилось. Труд приходилось вкладывать огромный, а получать за это столько, что едва хватало на то, чтобы прокормиться пару дней. Так продолжалось пока мне не исполнилось пятнадцать. Однажды ночью мне не спалось. Была весна. Я вышел погулять под луной, пройтись по окраинам города, посмотреть на звёзды. Пройдясь совсем немного, я заметил, что из города навстречу мне бегут несколько человек. Я не знал кто это, но почему-то захотел пойти с ними. Когда они приблизились, я крикнул: «Возьмите меня с собой», но они, отбежав от меня, остановились и один из них сказал: «Нет малец. Научись воровать, тогда приходи, а пока adieu». Я сразу же пошёл в город, пробрался в лавку и украл у спящего мясника кошель с деньгами. Утром, я сказал отцу, что нашёл его, когда гулял ночью. Он мне поверил. После работы отец взял украденный мною кошель и пошёл в город, чтобы купить мяса к обеду. Он пришёл в ту же лавку, к тому же мяснику, которого я обворовал. На кошелье была какая-то особенная нашивка. И когда отец хотел расплатиться, мясник узнал свой кошель и закричал: «Вор! Вор! Здесь вор!» Отца арестовали. В это время я был дома, а историю с арестом я узнал потом от случайных свидетелей. Через четыре дня отца повесили

на Горе Сокола. Это была последняя казнь Монфóконе. Я своими глазами видел, как петля затянулась на его шее. У меня потекли слёзы. Когда я наблюдал за казнью, ко мне в толпе подошёл один человек и отвёл меня в сторону. Он предложил мне стать разбойником. Я согласился. Он научил меня воровать и убивать, и как при этом, не попасться в руки полиции. Когда моё обучение закончилось, мне было уже шестнадцать. Он отвёл меня к остальным. Ни у кого из них имени не было, были только прозвища, причём они давались не просто так. Меня прозвали — Слеза Сокола. У самого главного прозвище было Венэна, он получил его за то, что отравил двух баронов, у того, который обучил меня, прозвище было Князь Свободы, потому что он приводил новых разбойников в общину, тем самым освобождая их от тяжкого бремени и даруя свободу. Венэна рассказал мне ту самую легенду, которую я рассказывал тебе — про Орден Феникса, только тогда она была немного короче. Так проворовал и проразбойничал сорок лет. Убивал, грабил, ходил к чужим жёнам и никогда не имел нужды. Единственное, что меня грызло, так это смерть отца, в которой был виновен я. Но когда отмщение было совершено, мне стало спокойней... Но в один прекрасный день, мне всё опротивело: эта разгульная жизнь, эти убийства ни в чём неповинных людей, эти прекрасные девицы, с которыми я просыпался каждое утро... Я понял, что так больше нельзя. И я решил жить по-другому — я решил нищенствовать. Когда я перебирал награбленные вещи, мне попала одна книга. Это была Библия. Я прочитал её, и решил жить так, как в ней написано. Тогда я собрал все вещи, которые наворовал, и пошёл и роздал их нищим. Себе я оставил только книгу. Взяв посох, я уже не помню как, я добрался до Сент-Этьена и поселился здесь. Теперь, я только читаю Писание, молюсь за своих родителей и за себя, — на этом рассказ Фелипоне закончился. Лозарга удивила рассказанная история.

— Так, а почему тебя беспокоит легенда о Братстве Феникса? — спросил вор.

— Любопытство, — коротко ответил старик, — огромное любопытство, и ничего больше.

Наступило молчание. Собеседники задумчиво глядели в разные стороны.

— Пожалуй, я пойду, — Лозарг встал с кровати и подошёл к двери, — имей ввиду, — он остановился, и, повернув голову и глядя в пол, говорил, — что Орден Феникса существует, — Лозарг перевёл взгляд на старика, — я — сын Гаспара, — сказал он и вышел.

Беседа с Фелипоне продлилась довольно долго. Когда Лозарг вышел на улицу, было уже темно. Город молчал. Лорд решил сходить на промысел. Он ходил по улицам и высматривал подходящую квартиру. Его внимание привлекло открытое окно на втором этаже. Никаких звуков оттуда не доносилось. Лозарг добрался до окна по стене, задержавшись, он прислушался — никого не было, лишь лёгкий ветерок колыхал тонике шторы, выглядывающие из окна. Подождав ещё несколько секунд, лорд прислушался и влез в окно. Он очутился в небольшой комнате. Квартира, как понял Лозарг, принадлежит не бедным людям, что не мало важно для него. Было темно. Видно было лишь часть комнаты, освещаемую лунным светом. Лорд осмотрелся. Слева от него стоял невысокий комод, облитый серебристым светом луны. Вор бесшумно подошёл к нему, выдвинул верхний ящичек и начал в нём рыться. Не успел Лозарг найти что-то стоящее, как ему в спину уткнулся какой-то острый предмет. «Кинжал» — подумал он, и замер в том положении, в котором его застали. Сразу же послышался тонкий женский голос:

— Не двигайся.

Этот голос уколол память лорда. Полился поток воспоминаний. Его нельзя ни сдержать,

ни остановить. И что же это? Неужели он и раньше слышал его, или же попутал с чьим-то другим? Да, этот голос проскакивал в сотнях воспоминаний, проплывавших в памяти вора.

— Подними руки, — послышался приказ, и лорд выполнил его, — повернись, — Лозарг медленно повернулся, и увидел перед собой девушку лет двадцати пяти, в одной ночнушке и в тоненькой накидке поверх неё. В руках у девушки было ружьё, штык которого смотрел в сердце Лозарга. Её светло-коричневые атласные волосы лежали на плечах, две пряди были сплетены на затылке поверх остальных волос. Коралловые пухлые губки, казалось, жаждали поцелуя. Её белая кожа была непорочна. На едва прикрытой груди красовался золотой кулон в виде необычной птицы. Уши были свободны от серёжек. Лунный свет задевал её так, что тень уже не могла скрыть лица.

Когда Лозарг взглянул на неё, в его голове мелькнула только одна мысль: «Это она.»

— Полина?.. — спросил он, — Полина Дельмас?..

— Кто ты, откуда знаешь моё имя? — в удивлённом испуге спросила девушка.

— Это я, Лозарг... разве ты не помнишь меня?

Полина начала рыться в своей памяти, пытаясь разбудить давно уснувшие воспоминания. Ружьё всё так же было направлено лорду в сердце. Перебирая в памяти события как книги, она стала что-то припоминать... Этот голос, эти чёрные как ночь волосы, эти карие глаза... Неужели вспомнила, неужели узнала? Направленное в грудь вора, ружьё медленно опустилось.

— Неужели это ты?.. — удивлённо спрашивала Полина, — этого не может быть...

По лицу лорда расплзлась улыбка.

— Да, это я, — отвечал, улыбаясь Лозарг.

— Зачем ты залез в мой дом? — не переставая удивляться, спрашивала Дельмас.

— Я — вор, Полина, — отвечал лорд.

— Ты не тот Лозарг, которого я когда-то любила... — разочарованно покачала головой Полина, — разве ты не можешь жить честно?

— Во мне течёт кровь вора — я не могу жить по-другому.

Наступило недолгое молчание.

Полина была первой любовью Лозарга. Они познакомились, когда вору было шестнадцать лет, ей — пятнадцать. Полина часто гуляла возле своего дома, временами, останавливаясь понаблюдать за вечно спешащими прохожими. Одним из этих прохожих был Лозарг. В своей спешке, он нечаянно столкнулся с юной Дельмас. В недоумении, девушка обернулась. Лозарг хотел извиниться, но, как будто, остолбенел. Он смотрел в прекрасные зелёные глаза Полины, его сердце забилось быстрее. Им овладело странное чувство, которого он никогда не испытывал. Ему казалось, что перед ним прекраснейшее существо в мире, непорочное как ангел. Так и было. Девушка лишь улыбалась ему в ответ. Лозарг взял Полину за руку и, извинившись, предложил ей прогуляться. Она согласилась. Их каждодневные свидания продолжались целый год. Лозаргу, иногда, приходилось ночью входить в окно, ради встречи с возлюбленной. А когда возможности войти не было, Полина сама сбегала из дома, но так, что её никто не замечал. Все эти ночные свидания продолжались до тех пор, пока отец Полины не узнал, что «его дочь встречается с безродным щенком». Франсуа Дельмас вошёл поутру в комнату Полины, с призывами к пробуждению и бодрствованию, и обнаружил её сидящей на окне и целующейся с Лозаргом. Лорд, заметив отца Полины, соскочил и бросился бежать. Полина получила строжайший выговор, а вору вслед посыпались устрашающие угрозы, наподобие «отсечения головы» или

«повешения на площади». Полину перестали выпускать на улицу, а окно замкнули. Через месяц семья Дельмас уехала из города.

— Откуда у тебя ружьё? — нарушил молчание Лозарг.

— Оно досталось мне от моего деда Анри, — отвечала Полина, глядя на оружие.

Опять молчание.

— Почему ты не пошёл за мной? — тихо спрашивала она, с горечью обиды в голосе, — ты же знал, что мы уехали в Париж. Почему? Почему ты бросил меня?

— Я не знаю, — ответил вор, — прости...

Оба замолчали. Полина поставила ружьё и сняла с шеи свой кулон. Сжав его в кулаке, она подошла к Лозаргу и, взяв его за руку, положила ему на ладонь украшение.

— Не забывай меня, — улыбнулась она.

— Вот он и вернулся ко мне с тем же заветом.

— А теперь уходи.

Лорд обнял Полину и покинул квартиру.

Придя в убежище, вор бережно положил кулон в сундук.

Этой ночью Лозарг спал не спокойно. Ему снился сон. Проснулся лорд в холодном поту, тяжело и неравномерно дыша. Вскочив с постели, он оделся и направился к прорицательнице.

На этот раз дверь ему никто не открыл — вор, постучавшись, вошёл сам. В комнате никого не было.

— Есть кто-нибудь? — громко спросил Лозарг.

— К чему крики? — выходя из соседней комнаты, с притворным удивлением спросила Хлоя, — подойди ближе, воришка, — ласково сказала она и, сев на диван, положила руки на колени. Вид Хлои ничуть не изменился. Так же собраны волосы, то же платье, всё так же боса́.

— Разве ты не знала, что я приду? — спросил Лозарг, подойдя к столику.

— Ну конечно знала, — улыбалась сивилла, — я уже зажда́лась тебя. Итак, рассказывай. Что снилось?

— Я толком и не понял. Сначала, мне снилось, что я один в этом городе, никого рядом не было. А надо мной чёрные тучи. Они опускались всё ниже и ниже, как будто желая меня раздавить. Я не знал, что мне делать. Потом я увидел девушку. Она была прозрачна как призрак. Она парила в воздухе. Когда тучи начали опускаться на крыши домов, она проплыла немного над землёй, а потом взмыла и растворилась в тучах, и они сделались ещё больше. Эта движущаяся мгла поглощала здания и приближалась ко мне. Я упал на землю. Тучи были совсем близко. В последний момент я увидел Люцифера в его человеческом облике в шляпе и в плаще. Он стоял недалеко и улыбался, а шляпа скрывала его глаза. Мгла почти касалась меня, и я провалился под землю и упал в ад. Там стоял ужасный смрад, и души кричали. Я пошёл по коридору. В камерах были люди. Они протягивали мне руки, прося помощи. Их лица обливались слезами. Я посмотрел назад и увидел упавшие разбитые каменные ворота. Весь коридор наполнился руками, протягивающимися ко мне. В одной камере я увидел себя. Это была моя душа. Она рвалась ко мне сгиная решётки, но не могла вырваться. В другой камере я увидел своего отца. Он стоял спокойно и смотрел на меня через плечо, из угла камеры. Потом он отошёл, и его поглотил мрак. Я шёл дальше, и увидел белого голубя. Он вспорхнул и перелетел на другое место. Я пошёл за ним. Он привёл меня в комнату, в которой стоял крест, большой серебряный крест. Голубь сел на него. С меня лился пот, мне нечем было дышать. Я посмотрел на крест и упал на колени. Всё вокруг меня рухнуло. Всё, кроме креста и, сидящего на нём, голубя. Я оказался на том месте, где и провалился. Передо мной был крест и на нём голубь. Чёрных туч уже не было, только тонкие серые тучки закрывали небо. Голубь вспорхнул и полетел вверх. Тучи рассеялись и просиял свет. Крест исчез и улицы наполнились людьми.

— Думаешь это опять совпадение? — с лёгкой улыбкой спросила прорицательница.

— Я в этом ничего не понял.

— Разве ты вчера не говорил с ней?

— С кем?

— С Полиной... Это её ты видел во сне.

— Почему?

— Она расшевелила давно уснувшие в тебе чувства, не так ли?

— Да.

— И ты знаешь, что тебе делать?

— Нет.

— Тучи и были твоим неведением, которое пытается тебя поглотить, — улыбка сошла с лица сибиллы.

— А Люцифер?

— Если бы ты с ним не связался, тучи были бы меньше, намного меньше.

— Почему Полина растворилась в тучах? Почему она была призраком?

— Она и есть призрак. Призрак твоего прошлого. В тучах она растворилась потому, что после встречи с ней, твоё неведение усилилось.

— Почему я упал в ад и видел там мою душу?

— В аду ты видел свою душу потому, что продал её дьяволу. Она рвалась так сильно из-за того, что её можно спасти, а вот твоего отца уже нет.

— А голубь? И крест?

— Разве ты не знаешь? Голубь — это был Святой Дух, указавший тебе путь к спасению — к кресту.

— Разве Бог существует? — смутился лорд.

— Ты ведь сам говорил, что Он проклял тебя.

— Это чтобы утешить Елену.

— Знаю, знаю... значит, ты не веришь в Бога?

— Нет.

— А в дьявола, веришь?

— Дьявола я видел, а Бога — нет.

— Если есть дьявол, значит есть и Бог. А иначе некому было бы противостоять злу и его силам. Даже Люцифер не отрицает Его существование, да ведь он и не может.

— Разве Бог есть в аду?

— Бог есть везде. И в аду тоже. Христос сошёл в ад на второй день после распятия, сломал его ворота (именно их ты и видел), и вывел оттуда души праведников.

Лозарг потупил взгляд.

— Придёт время, и ты искренне поверишь в Бога, — улыбнулась Хлоя, — а пока выполняй свой договор.

— Что мне делать? — вор поднял свой взгляд.

— Решай сам... это твоя жизнь.

Лозарг покачал головой, в знак согласия, и вышел.

Идя по улице, он остановился на перекрёстке и поднял голову вверх. Небо было затянуто серыми тучами. Душный город теснил грудь Лозаргу. Было трудно дышать. Лорд решил присесть на лавочку. Прошло около четверти часа. К вору подошёл гражданин.

— Разрешите мне здесь присесть, — попросил он. Лорд молча кивнул, — благодарю.

Гражданин был одет в коричневый костюм. На голове был котелок. Около минуты этот незнакомец пристально смотрел на лорда, который, сложа руки на груди, задумчиво куда-то всматривался. Не выдержав наблюдения, Лозарг повернул голову к незнакомцу.

— О, извините, извините, — расставив руки, начал тот, — позвольте для начала представиться. Меня зовут Люк Левёр. Прошу прощения, что так внимательно рассматривал ваше лицо, просто вы похожи на господина, с которым мне довелось беседовать вчера вечером, на этом же самом месте.

— Как выглядел тот господин? — заинтересовался Лозарг.

— У него были длинные распущенные чёрные волосы; небольшая бородка; шляпа, слегка надвинутая на брови; одет он был в длинный серый распахнутый плащ; а в руке у него была трость со странным набалдашником, кажется, в виде головы какого-то животного...

Лорд сразу же догадался о ком идёт речь.

— Он предлагал вам что-нибудь?

— Да, да, предлагал... какой-то «товар», за который придётся платить очень высокую цену.

— Он упоминал золото или зámки?

— Да, и ещё много женщин и вина, но цены так и не назвал. Он сказал, чтобы я как следует подумал над его предложением.

— Как он представился?

— Никак. Сказал, что у него много имён и ни одного из них я не запомню.

— Вчера вечером, — начал Лозарг после недолгой паузы, — вы разговаривали с сатаной, — лорд сделал особенно устрашающий голос на последних двух словах, и сказал их, пронзительно глядя в глаза собеседнику. Гражданин испугался, — и мой вам совет: чтобы он ни предлагал, ни на что не соглашайтесь, и сами ничего не просите, или же потом пожалеете, очень сильно пожалеете. Откуда он появился? — спросил вор, помолчав.

— Не знаю. Я шёл домой из трактира и решил присесть, подышать свежим воздухом. Этот господин подошёл слева от меня, и вежливо попросил присесть. Он сел и начал рассказывать о всём том, что он может дать мне. Потом я отвернулся на мгновение, а когда повернулся, его уже не было. Неужели это и вправду дьявол?

— Да. Чтобы защититься от него носите с собой серебряный крест или Библию.

— А вы носите?

— Я не боюсь его, — улыбнулся Лозарг.

— Кто же вы? — удивлённо и испуганно спросил Люк.

— Я не человек, — сказал, вставая лорд. Гражданин раскрыл рот от изумления и ничего не крикнул ему вслед.

Лозарг шёл по, почти, безлюдной улице. Перед ним послышался знакомый голос дьявола:

— Ты что это, вздумал против меня идти? — возмущённо спрашивал он.

— Нет. Я просто предостерегаю людей от своих ошибок, — спокойно ответил лорд, и тут же перед ним, из воздуха появился Люцифер в своём человеческом облики. Лозарг чуть не врезался в него, но успел вовремя остановиться.

— С каких пор ты стал заботиться о людях? — продолжал возмущаться дьявол.

— Я не забочусь о них. Я просто не хочу, чтобы башня стала ещё выше, — улыбаясь, говорил вор. Демон был хмур и злился на Лозарга.

— Может ты ещё и от договора отказаться хочешь?

— Нет. Пока — нет. Да это и невозможно.

— Правильно, невозможно, — на лице сатаны появилась злая улыбка, — не иди против меня, сын человеческий, — дьявол исчез, — или я тебя покараю, — из воздуха слышались последние слова Люцифера, которые он произнёс особо зловещим голосом.

Лозарг пошёл дальше. Ему встретилась Елена. Увидев лорда, она взвизгнула и бросилась к нему, залитая радостью и восторгом. Их губы слились в страстном поцелуе.

— Тебе не кажется, что мы видимся всё реже и реже, — легко улыбаясь и обняв шею

Лозарга, спрашивала Елена.

— Я всё исправлю, — так же улыбаясь, и держа возлюбленную за стройную талию, отвечал лорд, — пойдём отсюда, — предложил он.

— Пошли в парк? Там сейчас красиво, — Елена цвела от радости так, будто совсем недавно влюбилась в Лозарга.

— Пойдём... — согласился вор.

Взявшись за руки, влюблённые пошли в парк, спокойной и размеренной походкой. Неизвестно, что так сильно и внезапно освежило их чувства, что так сильно раздуло утихший пожар любви... до самого позднего вечера Лозарг и Елена гуляли в парке, то смеясь, то тихо и спокойно разговаривая.

В свой подвал они пришли к ночи, но ещё бодрые и полные сил. Жадно и ненасытно целуясь, как обвитые друг вокруг друга змеи, они плавно и легко опустились на кровать Лозарга. Она была новее и крепче. На мгновение размыкая губы, они что-то шептали друг другу.

— Люблю тебя — и это истина, — шепнул Елене Лозарг.

Два смежённых обнажённых тела, освещал слабый свет тусклых свечей. Поцелуи, шептания, вздохи, стоны, опять поцелуи. Бледный свет не мог осветить всю красоту прекрасного и белоснежного тела Елены. Несколько прядей её распущенных волос лежало на груди. Руки обвивали широкую спину Лозарга.

Утро наступило скоро и стремительно. Елена проснулась небрежно лежащая на Лозарге. Её волосы были разбросаны по его груди, как лучи золотого утреннего солнца. Обнажённое тело едва прикрывала простыня. Елена поспешно встала, оделась и, поцеловав в холодный лоб Лозарга, куда-то ушла. Лорд проснулся ещё не скоро. Пролежав около часа после пробуждения, он так и не приобрёл желания оторваться от постели. Но привычка бродить по шумному и многолюдному городу взяла своё. Не спеша, не понятно для чего притворяясь сонным, Лозарг оделся. Обмануть самого себя у него не получилось — ни сонливости, ни желания остаться в кровати у него не было. И вот, он уже вдыхает запах свежайшего воздуха, который насквозь пропитал этот безумный город. День был солнечный. В чистом небе плыли тяжёлые и нерасторопные белые пушистые облака, набрасывая свои прохладные тени на улицы и прохожих.

Лозарг был занят своими размышлениями, от которых может измениться его дальнейшая жизнь. «...Да ведь и вправду, — думал вор, — о Нём упоминал Люцифер... Значит, Он существует... Так, так... Гм... Если бы Его не существовало, то, наверное, крестное знамение не прорубило бы руку Герману, и Библия не обжигала бы своим жаром мне лицо... И Хлоя, и Елена, и Люцифер... они все правы — Бог есть... и старик в Негс верит... но как я могу спастись если я Им проклят, если моя душа продана сатане? Как?.. Прощение?.. у меня нет даже возможности заслужить его... — Лозарг остановился и посмотрел вверх. Небо было затянуто пухлыми и огромными облаками, — я не могу ни пойти в церковь, ни молиться, ни читать Библию... как я спасусь?.. во сне голубь указал мне, что крест — это моё спасение... но как? если крест — это моя верная гибель... ах зачем, зачем я её продал? — с горечью и болью в груди думал Лозарг, — может в этом виноват Леон?.. Да причём здесь Леон, — возразил лорд, — это ты согласился на встречу, — говорил вор сам себе, — а теперь жалеешь и ищешь виноватых. А виновник только один — ты! Зачем я не послушал Елену? зачем не сжёг эту проклятую книгу? зачем я говорил с Люцифером?»

— Дьявол, — крикнул Лозарг, остановившись посреди улицы, — будь ты проклят!

Прохожие остановились и, с недоумением посмотрели на лорда.

— Сумасшедший какой-то, — начали говорит люди, расходясь, — совсем из ума выжил, — говорил кто-то возмущённо, — кем он себя возомнил, — недовольствовался кто-то ещё.

«Что ему твои проклятия, — смирившись, пошёл дальше Лозарг, — пока придётся покорствовать... резать людей по полнолуниям... выполнять его поручения... деваться некуда... Может всё-таки есть способ спастись? — с надеждой подумал вор.» Своих последних мыслей он и сам не мог разобрать. Они громоздились одна на другую, превращаясь в тяжелейший и огромный ком. Долго думать о чём-то одном лорд не мог — мысли сменялись слишком быстро.

— Зря проклинаешь меня, — внезапно послышался голос Дракулы, откуда-то слева. Лозарг остановился и повернул голову. На лавочке раскрепощённо сидел Люцифер. Поток толпы временами заслонял его, — как бы ты не жалел, уже ничего изменить не удастся, — улыбался сатана. Лозарг молча смотрел на него через плечо, — отныне, я, твоё проклятье, — несколько проходящих людей закрыли собой дьявола, а когда они прошли, лавка оказалась пуста. Лорд пошёл дальше.

У него появилось желание зайти к Лафару. Лозарг вломился без стука, и без приветствия начал:

— Леон, скажи мне, Бог существует? — вор был в возбуждённом состоянии.

— С каких пор ты стал думать о Боге, — удивлённый вопросом, отвечал маг. Лорд застал его с какой-то книжицей в руках.

— Леон, ответь на мой вопрос, — настаивал Лозарг.

— Да, существует, — отвечал Лафар, кладя книгу на полку.

— Докажи мне это, — потребовал вор.

— Ах, Лозарг... — вздыхал маг, — нельзя служить двум господам — обоим не угодишь. Нужно выбрать что-то одно: или служить Богу, или служить дьяволу. Вот я выбрал второе.

— Почему?

— Уж очень тяжёлый труд — служить Господу. Я бы не выдержал.

— Так ты сможешь доказать мне, что Бог существует, или нет?

Леон опять вздохнул.

— В Иерусалиме, — начал он, устроившись поудобней и облокотившись на книжную полку, — на Пасху, каждый год на гроб Христа, сходит огонь, очень странный огонь — он горит, но не обжигает. Никто этого объяснить не может... Поздно ты спохватился — теперь навеки ты принадлежишь сатане.

— Я не могу выкупить душу?

— Выкупить? — переспросил Лафар с удивлением, — этого я не знаю... Может быть есть какой-то способ, но мне он не известен... Знаешь что — зайти через дня два. Я попробую что-нибудь найти и о Боге, и о выкупе души. Многого и полезного не обещаю, но что-нибудь точно будет.

— Спасибо, Леон, — лорд вышел.

Город шумел по своему обыкновению, но Лозарг не слышал этого шума. Он был занят своими мыслями, и только ими. Лорд и сам не мог понять о чём именно он думал. Сосредоточиться на чём-то одном не получалось. Мысли караваном плыли у него в голове и, как будто, получая печать, сменялись друг другом. Лозарг опомнился только тогда, когда

вошёл в свой подвал. Он застал Елену читающей Библию.

— Ты можешь читать вслух? — спросил лорд, подходя так, чтобы книга не обжигала ему лицо.

— Ты хочешь послушать Библию? — удивилась Елена.

— Да. Так нужно.

— Ну хорошо, — согласилась Елена, — слушай.

Вор сел на свою кровать, и она начала с того места, где остановилась:

— ...снились Навуходонóсору сны, и возмутился дух его, и сон удалился от него, — слова понемногу начали жечь слух Лозарга, — и велел царь созвать тайноведцев, и гадалелей, и чародеев, и Халдеев, чтобы они рассказали царю сновидения его, — боль усиливалась, но лорд терпел, — они пришли и стали перед царём. И сказал им царь: сон снился мне, — боль становилась невыносимой. Вор, сдерживая стоны, схватился за уши, пытаясь сдержать эту боль. Елена не видела этого и продолжала, — и тревожится дух мой; желаю знать этот сон, — сквозь пальцы Лозарга проступила его чёрная кровь. Лорд не выдержал и вскрикнул. Елена прервалась и увидела его корчащимся от боли, и пошла к нему, — что это у тебя течёт из ушей? — спрашивала она испуганно.

— Это кровь, — отвечал Лозарг. Боль резко начала ослабевать, а затем и вовсе исчезла.

Кровь, вытекшая из ушей, и расплзшаяся по его щекам, мгновенно впиталась.

— Почему у тебя кровь чёрная? — спрашивала она в недоумении.

— Потому что она сгнила, когда я продал душу дьяволу. Я мёртв.

— И теперь ты пытаешься всё исправить?

— Да. Хотя может, это и безуспешно...

— Ты всегда будешь слушать Библию?

— Да.

— Но на сегодня тебе хватит.

— Ну хорошо, — согласился лорд.

Глава XII. Часть I

1824 год

— Лозарг.

— Да, мама.

— Не отходи от меня далеко!

— Я буду рядом.

Десятилетний мальчишка ловко проскальзывал между людьми в неумолимо текущем течении толпы, оставляя недалеко позади свою мать.

Начало сентября. Всё ещё жарко. Солнце пекло без капли жалости. Так же безжалостно текло время, смывая прошлое и вваливая свою массивную волну в узенькую дверь будущего.

— Лозарг, куда же ты?

— Я рядом, мама, — отвечал малец, поворачиваясь на мгновение, а потом снова отворачиваясь, протискивался между идущими людьми, которые его даже не замечали.

Эмма Обри — так звали мать Лозарга. Ей было тридцать четыре. Рыже-коричневые волосы с атласным отливом всегда с блеском переливались, отражая падающий на них свет. В прекрасных голубых глазах всегда была доброта, несмотря на то, что она была женой вора. Кожа, мягко-светлого цвета, дополняла необычный цвет волос. Над тонкими багровыми губками свисал аккуратный заострённый носик. Уши были украшены золотыми серёжками — такие носили только богатые люди. Коричневато-серое платье почти касалось земли. Рукава были чуть ниже локтей. Небольшой вырез обнажал шею, на которой висело ожерелье из рубинов, с гранатом в центре. Такие украшения тоже, более характерны для богатых кровей. Впрочем, это ожерелье больше походило на семейную реликвию, которую передают из поколения в поколение.

Искушение было велико, и Лозарг всё-таки отбежал от матери дальше, чем обычно. Он подошёл к углу улицы, и стал возле стены одного дома. До этого места будущий вор ещё никогда не добегал. Он стал осматривать всё сверху донизу. И дома, и улицу, и идущих по ней людей. Ничего не упускал своим взглядом. На втором этаже одного дома, он заметил стоящую возле, открытого настежь, окна девочку, примерно, его возраста. Взгляд остановился на ней. Лозарг не хотел смотреть ни на что другое, кроме неё, и ничего больше не замечал. Девочка плавно и не спеша поглаживала свои распущенные волосы, разглядывала, стоящие напротив неё, здания, но временами опускала свой взгляд на улицу и разглядывала идущих людей. Это была Полина. Случайно она заметила, выглядывающего из-за угла, Лозарга. Их взгляды встретились. Полина улыбнулась, а замеченный Лозарг спрятался за угол. Выглянуть повторно он не хотел, боясь быть замеченным снова.

— Лозарг, — послышался сзади голос матери.

— Иду, мама.

Эмма стояла недалеко от Лозарга, и когда он подбежал, они пошли обратно.

Штаб Феникса располагался под землёй, слева от небольшого собора. Вход в убежище находился в подвале малонаселённого дома. Дверь открывалась только изнутри. Спустившись в подвал, Эмма трижды постучала в дверь. Сработал механизм. Николо Фуко открыл дверь, за ней лестница, вела ещё глубже вниз. Коридор был пространством, а на обеих стенах висели светильники. Коридор оканчивался ещё одной дверью. Николо, сопровождающий Эмму с сыном, отомкнул её ключом. За дверью был дворец. Огромная

колоннада с балконом, обрамляла, стоящий в центре просторного зала, фонтан в виде золотого феникса на пьедестале, раскинувшего крылья, и окружённого у подножья водой. Вокруг статуи, на зеркальном мраморном полу и на воде, лежали лепестки роз, и сверху сыпались новые, как будто ниоткуда, но их количество не увеличивалось. Эмма с Лозаргом, зайдя за колонну, перешли в комнату намного меньше. Потолок был в два раза ниже, чем в зале, голые стены ничем не украшены. В этой комнате стоял стол с различными угощениями. Лозарг решил пообедать. Эмма пошла дальше, через небольшой коридор, в другую комнату. Там был Гаспар. Их поцелуя Лозарг не видел. В этой же комнате находились три дверных проёма. Два рядом — это комнаты Эммы с Гаспаром и Лозарга, а третий — вёл в просторную площадку для тренировки. Там находились различные деревянные манекены, стойки с оружием и защитные приспособления, вроде бочек и коробов. Это всё находилось в левом северном крыле, а в правом северном находились ещё пятнадцать просторных комнат, склад с оружием и хранилище тайн Ордена.

Этой ночью Лозаргу не спалось. В любые его размышления вмешивалась мысль о той, незнакомой ему девочке, которую он видел днём. Временами в его слух врывались странные звуки, доносившиеся из спальни его родителей. Лозарг не мог понять, вздохи это или стоны, или может быть что-то другое. Эти непонятные звуки рушили все цепочки мыслей юного лорда.

Покои Гаспара и Эммы были очень хорошо отделаны. Багрово-красные обои украшали великолепные пейзажи. Над, убранной красным шёлком, кроватью нависали, как грозди винограда, такие же шёлковые красные полотна, подобные им были и шторы, закрывающие дверной проём. Пол покрывал бархатный персидский ковёр. На против кровати стоял дубовый стол с резными ножками, рядом с ним похожий стул. Тусклые светильники наполняли комнату слабым светом, который мгновенно приобретал красный оттенок. Казалось, что в комнате растворили кровь. На огромной кровати, залитой коралловым светом, лежали, свившись, два обнажённых тела. Рыжеватые волосы Эммы будто горели от этого тусклого света. Гаспар целовал её в шею, в губы, ласкал её, глядя в, наполненные красными огоньками, голубые глаза. И каждый раз, когда он смотрел в них, всегда вспоминал, как она ему досталась.

Глава XII. Часть II

Гаспар украл Эмму у её родителей, когда ей было двадцать четыре. После долгих и близких отношений, Эмма попросила родителей отдать её за Гаспара, но родители ей отказали, потому что ни разу не видели её будущего мужа. «Я украду тебя» — сказал Гаспар. В ответ — радостная улыбка. И на следующее утро семья Обри не обнаружила своей дочери. Семья была весьма состоятельная, но Эмма, зная, чем занимался её возлюбленный, зная, что он является «нечистой силой», выбрала его, а не «каких-то мальчиков богатеев».

Гаспар, в противовес Эмме, был из бедной семьи. Мать его, умерла при родах, и отец воспитывал Гаспара один. Отца легендарного вора звали Кристо́ф. Семья постоянно голодала. Питание добывалось охотой, которая не всегда оказывалась удачной, и собиранием грибов и ягод. В одиннадцать лет Гаспар окончательно осиротел. Кристо́ф с сыном пошёл в очередной раз в лес, собрать грибов и ягод. Они проходили больше двух часов, но так ничего и не собрали. После ещё одного часа поисков, Кристо́ф понял, что они забрели в неизвестное ему место. Попытки выйти из леса ни к чему не привели. Вдруг послышался рёв — это был медведь. Осознав, что убежать не удастся, Кристоф помог Гаспару взобраться на сосну, а сам, достав из запазухи нож, бросился на медведя. На глазах у Гаспара, медведем был растерзан его отец. Подойдя к дереву, зверь поставил на него передние лапы и стал принюхиваться. От страха Гаспар полез на самый верх. С макушки сосны был виден город. Запомнив направление, в котором ему нужно идти, Гаспар стал ждать, когда медведь уйдёт. Солнце начало опускаться, зверь ушёл. Гаспар медленно спустился с сосны. Подойдя к разорванному трупу отца, он заплакал, схватил лежащий в луже крови нож и бросился бежать. Перед городом он спрятал нож в запазуху и пошёл бродить по улицам, в надежде найти себе пропитание. Уже смеркалось, но Гаспар ничего не добыл. Голод терзал всё сильнее и сильнее. Под одним домом сидел нищий старик с хлебом в руках.

— Малец, — позвал он Гаспара. Тот обернулся, — что ищешь?

— Поесть, — ответил Гаспар.

— Присядь со мной, я дам тебе еды.

Гаспар уселся на изорванную подстилку, рядом с нищим. Тот преломил свой хлеб и дал половину Гаспару.

— Меня зовут Стефа́н, — начал нищий, — а как твоё имя?

— Гаспар.

— У тебя есть родители?

— Нет.

— И дома нет?

— Дом есть, но возвращаться в него я не хочу, — голос Гаспара звучал спокойно, но по щеке, одна за другой, сбегали слёзы.

— Ты очень сильный, — заметил старик, даже не глядя на мальчика, — лицо в слезах, а голос и не дрожит.

Гаспар удивился.

— Умение терпеть, — продолжал он, — даёт силу. Я терплю и в этом моя сила. Я хочу есть, я хочу спать в тёплой кровати, я хочу хорошую одежду, но у меня ничего этого нет, и я терплю... Но есть вещи, которые стерпеть нельзя... В слезах нет ничего постыдного. Разве ты можешь сдержать кровь из раны? Так и слёзы. Это тоже кровь, но кровь душевная, кровь,

текущая из раненой души. И эта рана может не заживать долго и болеть всё сильнее. Нет ни одного лекарства, ни одного снадобья, которое могло бы залечить эту рану... Не знаю, заживёт ли твоя... На-ка, надень, а то прохладно, — Стефан протянул Гаспару чёрную шапочку. Тот надел и его голова утонула в ней. Шапка напозла на брови, — тебе есть где ночевать?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Нет.

— Ничего — у меня хватит места, — улыбнулся старик, — пойдём, уже темно.

Стефан привёл Гаспара на просторный чердак, где через сорок четыре года арестуют его и ещё шестерых воров. В углу, под окном была вымощена постель из тряпок. На полу валялись обломанные доски и щепки. На против кровати под стеной стоял трухлявый стул, усыпанный крошками. В грязное окно просачивался свет — светила убывающая луна.

— Ложись тут, — Стефан указал на тряпки в углу, а сам достал из-под стола гору ветоши и вымостил себе постель рядом.

Гаспар заснул быстро. Когда он проснулся, старик сидел за столом, уперев сложенные руки в серую бороду.

— Куда ты собираешься идти, — спросил Стефан, когда Гаспар встал с постели.

— Я не знаю. Мне идти некуда.

— А питаться чем будешь?

— Что подадут...

Старик вздохнул.

— Так ты и дня не проживёшь.

— Что же мне делать, — с надеждой спрашивал Гаспар.

— Идём, я научу тебя.

Стефан вывел мальчика на крышу. Изорванный и изношенный плащ старика трепал ветер, а грубый шарф развевался как флаг. Облезшие кожаные сапоги утратили свой былой блеск и не отражали солнечных лучей.

— Крыши, это то место, где обитают птицы и воры. Дозорных здесь нет. По крышам бегать умеют лишь немногие. А тех, кто умеют, тяжело догнать даже на земле.

— И зачем мне уметь бегать по крышам? — не понимал Гаспар.

— Чтобы выжить.

— Выжить?

— За каждый день твоего существования тебе придётся бороться. И чтобы остаться в живых, тебе придётся воровать, грабить и, если нужно, то и убивать.

— У меня есть нож, — заявил Гаспар.

— Но умеешь ли ты им пользоваться?

— Нет.

— Сейчас важно другое. Иди за мной... — Стефан разбежался и прыгнул на соседнюю крышу, которая была на пол-этажа ниже.

Гаспар медленно подошёл к краю и посмотрел вниз. Высота была большая, но расстояние между крышами было меньше, чем полметра.

— Давай, ты крепкий, у тебя получится, — призывал старик.

Гаспар боялся. Какой-то невидимый барьер останавливал его. Сердце билось чаще.

— Если не прыгнешь — не сможешь выжить! — кричал Стефан. Его слова задели Гаспара. Он страстно хотел жить.

Медленно отступая от края, Гаспар чувствовал, что каждый шаг делает его живым. Отойдя достаточно, он закрыл глаза и прошептал: «Отец, я живу...». Резко открыв глаза, Гаспар рванул к соседней крыше. Он оттолкнулся достаточно сильно и перелетел на другую крышу. Выполнить кувырок при приземлении у Гаспара не получилось, и он покатился по прямой крыше, прямо к ногам Стефана.

— Ну как? теперь страшно? — спрашивал он, улыбаясь и глядя на, лежащего у его ног, Гаспара. Тот помотал улыбающейся головой.

Гаспару пришлось выполнить ещё несколько таких прыжков. Затем Стефан научил Гаспара обращаться с ножом и показал несколько воровских приёмов. Мальчик учился быстро и без особого труда. Так и прожил он со стариком на чердаке три года, и продолжал совершенствовать свои умения. Гаспар стал настолько умелым вором, что даже пробирался в квартиры, когда их хозяева были дома. За всё прошедшее время его ни разу не поймали и даже не заметили.

Стефан видел в мальнике человека, который был бы способен принять все его тайны и оберегать их, а когда придёт время, передавать эти тайны другим.

В свои четырнадцать Гаспар обладал невероятной силой. С кошачьей ловкостью он в несколько секунд взбирался на крыши зданий.

Однажды, все надежды старика чуть не рухнули. Гаспар лежал на тряпках, поглядывая в потолок, а Стефан начищал за столом нож. Гаспар спросил:

— Почему мы всегда берём чужое? Зачем воровать? Другие люди честным трудом зарабатывают эти деньги, — старика поразили слова его ученика.

— Понимаешь, Гаспар, мы не можем работать, — отвечал Стефан, повернувшись к нему.

— Почему? — мальчик приподнялся на постели.

— Таким, как мы не доверяют. Мы можем быть либо рабами, которым достаются крохи, либо ворами, которым достаются куски... Только ты не забывай, у кого мы ворует. Мы крадём у богачей. У них денег слишком много. Всех их они никогда не потратят, а мы сможем на них пропитаться.

— Они зарабатывают их честно?

— Честные люди не бывают богаты. Богатые люди не бывают честны.

Вопросов больше не последовало.

Спустя какое-то время, Гаспар понял, что его учитель был прав, и больше никогда не ставил под сомнение свою деятельность.

Мальчик даже не подозревал, что проживёт со стариком ещё четырнадцать лет, на этом же самом чердаке. Но несмотря на прошедшие почти полтора десятилетия, Стефан ни капли не постарел, он остался прежним, но Гаспар этого не заметил. За прошедшее время, ученик вора окреп и возмужал. Ему удалось раздобыть себе особую одежду. Черный кожаный жилет, перетянутый на поясе ремнём, сидел отлично. Застёгнутые на три ремня, наручи прилегли к рукам. В каждом из блестящих кожаных сапогов были спрятаны великолепные ножи. Свои отросшие волосы, вор сплёл красной шёлковой лентой в хвост.

Глава XII. Часть III

Прошло ещё десять лет, а Гаспар всё ещё жил на чердаке со своим учителем. После прошедшей декады у Гаспара стали появляться подозрения.

— Учитель, почему ты больше не стареешь, — спросил он.

Стефан вздохнул и отодвинул дряхлую рубаху на груди. Там был медальон из белого золота с изображением феникса.

— Видишь этот медальон? — спросил старик, — это символ моего бессмертия, — Гаспар вытаращил свои глаза на учителя, — пойдём пройдемся... это длинная история.

Они вышли на улицы города. Людей было не много, а погода была благоприятной для прогулки.

— Я родился в тысячу пятьсот пятьдесят втором, — начал старик, — обрёл бессмертие в тысячу шестьсот двенадцатом.

— Бессмертие? — удивлялся Гаспар, — разве это возможно?

— Да... Мне было шестьдесят лет, когда я потерял все деньги и всё, что у меня было, а было у меня немного. Я скитался по Сент-Этьену две недели, в поисках пищи. Сил не было денег тоже. Я забрёл в дом чернокнижника. Он не выгнал меня и согласился дать мне еды. Пока он ходил за едой, я стащил у него чёрную книгу в кожаной обложке и сунул её себе в мешок. Дом у него был роскошный: кругом меха и шелка разных цветов. Я спросил его: «Откуда у простого чернокнижника такое богатство?» На что он мне ответил: «Мой господин Асмодей покровительствует мне». Я не понял и спросил: «Кто это такой?» Ответ меня удивил: «Это демон». Маг засмеялся. Я с испугу выскочил из дома. Отойдя от него подальше, я достал из мешка книгу. На обложке был начертан странный символ: перевёрнутая пятиконечная звезда, а в ней голова козла. Увидев меня с книгой в руках, люди стали разбегаться и кричать: «Ученик Лафара! Ученик Лафара!», кто-то кричал: «Будь ты проклят!», кто-то: «Он призовет бесов, спасайтесь!» Мне пришлось скрыться оттуда. Лишь уединившись, я смог открыть книгу. Она была написана на латыни, а этот язык я знал не хуже, чем родной. На первой странице была надпись: «Вызов и подчинение демонов». Из книги я узнал, что можно вызвать любого духа ада и поговорить с ним, можно позволить им войти в своё тело и говорить с другими. Как это сделать было подробно написано в книге. Я решил рискнуть, но было одно условие — моя душа отойдёт сатане. Я захотел обменять земные блага на свою душу. Как написано в книге, я пошёл в лес и начертил на земле пентаграмму. Дождавшись полуночи, я вызвал демона из самых глубин ада, он предстал передо мной в виде фыркающего жеребца, поднимающегося на дыбы, но когда я дочитал заклинание, он принял облик человека. Демон говорил хриплым голосом:

— Моё имя — Самигина. Чего ты хочешь, сын человеческий?

— Дай мне силу, чтобы выжить, — сказал я.

— Я могу обучить тебя наукам и тайному мастерству... но силы я дать тебе не могу, — ответил демон.

— Тогда я хочу получить тайное знание.

— В этом знании и есть сила, — прохрипел Самигина, — это проклятье со священным символом. Получив его, ты сможешь становиться бесплотным, а потом вновь воплощаться. Ты будешь быстрее ветра, сильнее тьмы сынов человеческих, но взамен — ты должен отдать душу моему господину Люциферу.

— Я согласен.

Тогда Самигина подошёл ко мне и вонзил в мою грудь руку и, почти сразу же, вынул её — так он забрал мою душу. Незаметно для меня в руке, которая побывала в моей груди, появился медальон, а в левой какой-то пузырёк с синей жидкостью.

— Этот медальон из белого золота, на нём изображён символ Самого Христа — феникс. Поэтому серебро тебе не страшно, но берегись креста и Библии, церкви и крестного знамения, ибо они могут погубить тебя. А теперь пей, — демон бросил мне пузырёк, и я выпил синюю жидкость. Она была сладкой до тошноты, — теперь собери сухих веток для костра, — я удивился, но быстро выполнил. Когда я нагромоздил целую кучу, Самигина просто поднял руку и ветки вспыхнули, — заходи в огонь, — приказал демон.

— Я же сгорю.

— Так надо.

Я вошёл в огромное полыхающее пламя. Я не чувствовал боли. Постепенно я превратился в пепел и перестал видеть своё тело, но всё остальное я видел.

— Воплотись, человек, — сказал демон.

Я увидел растелившийся по земле дым, и в дыму был я.

— Овладей до конца этим мастерством и будешь непобедим. Каждому, кто достоин, ты можешь передать его, вот сыворотка, — Самигина бросил мне пузырёк, — а теперь отпусти меня.

— Vaderetro, — сказал я и он исчез.

После этого я продал книгу какому-то богатею и забыл за неё.

— Значит, ты можешь быть бесплотным? — заинтересованно спросил Гаспар.

— Да. Я могу пройти сквозь любую стену, мимо любой стражи; я могу пройти даже сквозь человека.

— Ты передашь мне это мастерство?

— Ты думаешь, что достоин его принять? — с лёгкой иронией спросил Стефан.

— Достоин.

— Хорошо. Тогда в полночь совершим ритуал.

Ночь спустилась на город стремительно. Тонкий серп месяца уныло весел на, усыпанном звёздами, небе, зная, что этой ночью на одну проклятую душу станет больше.

— Учитель, тебе придётся опять вызывать демона?

— Нет, сейчас это не нужно, нужны только дрова для костра, — старик нёс в руке горящий факел.

— Не нужно — пошли в мой дом.

Выйдя из города, идущие свернули. Дом Гаспар был не далеко. За двадцать четыре года он сильно обветшал. Доски прогнили. Крыша прохудилась. Дождавшись полночи, Стефан протянул своему ученику тот самый флакон:

— Вышей.

— Так что же это? — спросил Гаспар, поднеся склянку ко рту и остановившись.

— На самом деле это не сыворотка, это слёзы феникса.

Гаспар в один глоток осушил флакон. Напиток был настолько сладким, что у него потемнело в глазах от тошноты, и он пошатнулся, но удержался на ногах. Стефан рассмеялся и бросил факел в дом. Огонь постепенно расползся и объял все доски, все брёвна.

— Теперь войди в пламя, — старик махнул рукой на дом.

Гаспар вошёл. Вместо жара, он почувствовал холод. Его тело начало превращаться в

пепел и рассыпаться. От Гаспара осталась лёгкая дымка. Перед домом вспыхнул дым, в дыму из мелких искорок появился Гаспар.

— Теперь я могу покинуть этот мир, — улыбнулся Стефан, — ибо я знаю, что мне есть достойная замена.

Старик снял медальон, но с шеи он не исчез, а как бы, удвоился.

— Возьми, — он протянул медальон своему ученику, — и никогда не снимай его. Те, кто достойны, да примут с ним силу.

Стефан достал из внутреннего кармана флакон с белой жидкостью и выпил его.

— Что это?

— Это конец, Гаспар. Я теперь отправлюсь к своему господину.

Начиная с ног, Стефан распался на мелкие искорки и рассеялся в воздухе.

Придя на чердак, Гаспар обнаружил на столе кувшин. По запаху он определил, что там слёзы феникса. Рядом с кувшином стояло около двадцати пустых флаконов. Наполнить удалось только восемь — на остальные не хватило. Пустые флаконы рассыпались и превратились в горсть пепла.

Первые пару лет без учителя, Гаспар провёл в постоянных скитаниях по многолюдному городу. Он искал тех людей, которые были бы достойны принять дары, оставленные Стефаном.

В один зимний день Гаспар медленно шёл по проулку, но перед выходом из него остановился. Мимо него прошёл отряд жандармов. Выйдя, Гаспар увидел, как один из них ударил ногой, лежащего под стеной, нищего и замерзающего человека. Отряд одобрил поступок своего сослуживца.

— Хороший удар, Анри. Может стоит с ним покончить?

— Ему и так недолго осталось — пусть насладится жизнью, — ответил Анри, которому суждено будет арестовать Орден Феникса.

Когда жандармы ушли, Гаспар подошёл к нищему и протянул ему руку. Это был Артур. Из окровавленного рта кровь капала на белый снег. Рядом лежал, выбитый жандармом, зуб. Артура ужаснул вид Гаспара и, с трудом приподнявшись, он сказал:

— У меня ничего нет. Не трогай меня.

— Я протянул тебе руку помощи, а не погибели.

Артур принял помощь и встал.

— Как твоё имя, — спросил Гаспар.

— Артур. Артур Левен.

— Иди за мной.

Гаспар привёл его на чердак, дал тёплой одежды и еды.

— Почему ты мне помогаешь?

— Потому что когда-то так помогли мне.

— Я могу остаться здесь переночевать?

— Да... ты можешь остаться здесь навсегда.

— Ты вор?

— Да.

— Я пробовал воровать, но у меня не получилось и меня очень сильно побили. Каждая попытка что-то украсть оборачивалась всегда одним и тем же... Люди лишь из жалости бросали мне недоеденные куски...

— Я научу тебя воровать. И если ты будешь достоин того, я посвящу тебя в свои тайны.

Целый год Гаспар обучал Артура своему искусству. Плоды ученья давались Левену с некоторым трудом.

Когда Артур овладел определёнными навыками, Гаспар решил проверить его верность. Ночью они пробрались в дом аристократа, взяли самые дорогие драгоценности, но, когда Артур собрался уходить, Гаспар остановил его и повёл за собой, в глубь дома. Воры вошли в комнату этого господина. Встав прямо перед его кроватью, Гаспар прошептал:

— Убей его.

— За что? — удивился Артур, — мы взяли у него драгоценности и деньги.

— Возьмём ещё и жизнь.

— Неужели он заслуживает такого наказания?

— Он несправедливо осудил двадцать человек, которые были ни в чём не виновны, а их повесили. Он отбирает последние крошки у бедных, а сам живёт в роскоши. А теперь

подумай: заслуживает ли он такого наказания или нет?

Артур не раздумывая достал из сапога клинок и опустил его в грудь спящему аристократу. Белая спальная рубаша обагрилась. Левен с отвращением стряхнул с ножа кровь.

— Теперь уходим, — скомандовал Гаспар.

Артур не жалел о своём поступке и считал, что сделал доброе дело, избавив людей от мучителя. Днём, когда Левен начищал свой нож, Гаспар спросил его:

— Хочешь стать бессмертным?

— Разве это возможно?

— Возможно всё, если ты в это веришь.

— Я верю! — бодро заявил Артур.

— Тогда в полночь ты обретёшь бессмертие.

Назначенное время наступило быстро. Гаспар с Левеном пошли в лес. Хоть ночь и была светлая, Гаспар взял с собой факел. До полуночи оставалось меньше часа. В лесу стояла полная тишина. Сквозь пышные кроны деревьев на просторную полянку проливался свет не полной луны.

— Собери дров для костра.

— Зачем нам костёр? — испуганно спросил Артур.

— Увидишь.

Вид Гаспара пугал Левена. Капюшон, скрывающий половину лица, тусклый свет от факела и плащ, свисающий с плеч почти до земли, делали вора похожим на злого колдуна, чернокнижника. Артур собрал дров и уложил их. Гаспар бросил в кучу факел. Ветки затрещали. Он достал флакон с той жидкостью, которую ему оставил учитель, и протянул её Артуру:

— Вышей.

— Что это?

— Твоё бессмертие, — улыбка скользнула по лицу Гаспара.

Левен робко протянул руку и, взяв флакон, осушил его. В глазах у него помутнело, голова пошла кругом, ноги подкосились и Артур упал на колени.

— Какой сладкий яд ты мне дал, — откашливаясь, говорил он, — зачем? я хочу жить.

— Так живи, — муть в глазах прошла, голова перестала кружиться и Артур встал, — это был не яд, это слёзы феникса.

— Это же миф. Феникса не существует.

— Что бóльший миф, как не наша жизнь? — сквозь улыбку сказал Гаспар. Артур его слов не понял, — теперь вступи в костёр.

— Что? Нет, — отшатнулся Левен, — я не хочу умирать.

— Ты должен обновить своё тело в огне, или оно умрёт раньше, чем пройдёт вечность. Ты — бессмертен, а тело — нет. Пока — нет. Чтобы это исправить ты должен сгореть.

— Я поверю тебе, но, если я умру, ты, да будешь проклят на вечно.

— Проклятого, дважды не проклинаяют, — улыбнулся Гаспар.

Колеблясь, Артур подошёл к костру. От пламени веяло холодом, морозным холодом. Он вошёл в самый центр. С ним произошло то же, что и с Гаспаром — он обратился в пепел, а потом снова воплотился.

— Что ты чувствуешь?

— Силу, — ответил Левен.

— Помни: восставший из пепла в пепел и обратится.

Артур согласно кивнул.

Глава XII. Часть V

В течение пяти лет к ним присоединились ещё шесть человек. Тогда, когда к ворам примкнул последний, восьмой, они нарекли себя Братством Феникса. Одежда была у всех одинаковая — как у предводителя, и у всех на шее был медальон с изображением феникса.

Больше достойных людей Гаспар не нашёл, но у него остался один полный флакон, но он не знал для кого.

С помощью специальных людей воры распространяли о себе легенды. Так они держали в страхе весь город.

Через восемь лет Гаспар познакомился с Эммой. Обстоятельств их таинственного знакомства никто никогда не знал. После четырёх лет отношений Гаспар украл её.

Через неделю после этого Братство Феникса было арестовано.

Уходя в городские подземелья, Гаспар взял Эмму с собой.

Благодаря имеющимся богатствам, Орден обустроил своё подземелье по образу и подобию дворца, всего за десять лет. В это время у Гаспара и Эммы родился Лозарг.

После бессонной ночи юный лорд вышел с матерью на очередную прогулку. На этот раз он как можно скорее скрылся от Эммы и побежал на угол, где увидел вчера Полину. Аккуратно выглянув из-за угла, Лозарг не обнаружил девочки на том балконе, где она была. Это его немного расстроило, и он вернулся к матери. С этого момента прогулка начала казаться долгой, скучной и неинтересной. Приход в убежище сменил настроение Лозарга. Регулярно отец давал ему уроки. Он рассказывал, как воровать, у кого воровать, зачем воровать, как не попасться, как взбираться на стены и, конечно же, как защитить себя.

— Никогда не кради у тех, у кого малое имущество. Кради у тех, у кого большое богатство; кради у тех, кто сам у кого-то украл; кради у тех, кто заработал не честно.

— Как я узнаю, кто заработал честно, а кто — нет?

— Мой учитель говорил: «Честные люди не бывают богаты. Богатые люди не бывают честны.»

— А зачем воровать? разве нельзя заработать самому?

— Можно... но только на то, чтобы не жить, а владеть своё существование. У тебя два выбора: либо стать рабом, либо вором.

— Если я украду у богатого человека деньги, а он заработал их честно? то что тогда?

— Ничего. У богатеев денег столько, что они их всех никогда не потратят, а дать немного людям им жадность не позволяет.

— Можно я всё-таки не буду воровать? — с надеждой спросил юный лорд.

— Ах, Лозарг, — вздохнул Гаспар, — тебе придётся... Придётся воровать, чтобы выжить.

— Я буду пытаться заработать сам.

— Придёт время — и попытаешься, но умение воровать лишним не будет.

Так и проходила жизнь Лозарга, в прогулках и отцовских уроках. Воровское мастерство давалось ему настолько легко, что он мог в шутку стащить любую вещь у Гаспара, а потом показательно вернуть.

Уроки отца не были в тягость для Лозарга, но и желания совершенствовать своё мастерство у него тоже не было.

Прогулки начинали становиться лёгким бременем, но если юному лорду удавалось увидеть Полину, то он был готов гулять хоть весь день.

Глава XII. Часть VII

В одиннадцать лет Лозарг получил свой личный кинжал. Вместо очередного урока Гаспар отвёл его в хранилище тайн Ордена. Они вошли в притвор. Это была совершенно пустая и обнажённая комната, следом за которой находилось само хранилище. Гаспар закрыл дверь и достал из-за спины свёрток. Неяркий свет свечей осветил одряхлевшую ткань.

— Когда мне было одиннадцать, — начал Гаспар, — я лишился отца. Его растерзал медведь. Если бы у отца не было ножа, то зверя сдержать бы не удалось, и он разорвал бы и меня. Но отец ранил его, нанёс ему несколько ударов, а за это время я успел взобраться на дерево. Убив отца, зверь подошёл к дереву, но я был высоко и, не дождавшись, медведь поспешно ушёл зализывать свои раны. Я спустился, взял окровавленный нож и убежал. И каждый раз, когда я берусь за рукоятку, я вспоминаю тот день, день гибели моего отца. Я вспоминаю, что меня тогда спасло — меня спас клинок, — Гаспар развернул свёрток. В тряпке, на его ладонях лежал блестящий стальной кинжал с рукоятью в виде головы волка, — я не могу быть всегда рядом, и поэтому я хочу, чтобы ты всегда носил его с собой, — Гаспар протянул нож Лозаргу. Тот бережно взял его с тряпки и стал рассматривать, — этот клинок выкован самым лучшим кузнецом в городе, ещё задолго до твоего рождения. Он выкован для защиты, для кары, для свершения правосудия. Он может как спасти жизнь, так и отнять её.

Лозарг был доволен дарованием отца.

— И вот ещё, — Гаспар достал небольшой золотой медальон с изображением феникса, — это символ нашего Братства.

Посреди слегка распахнутой белой рубахи Лозарга заблестело золото.

— Что за этой дверью? — спросил он.

— Туда тебе ещё рано входить. Это хранилище тайн нашего Ордена. Дверь закрыта на семь замков и двенадцать засовов. Туда могут войти только избранные.

— А я избранный?

— Да, но твоё время ещё не пришло.

— А что там?

— Тайное знание, мастерство, которому никто не научит.

Глава XII. Часть VIII

Через пять дней случилось ужасное.

Во время прогулки Лозарг, по своему обыкновению, отбежал от матери. На этот раз любимый балкон пустым не оказался. Полина стояла на нём и разговаривала с нянечкой. Несколько минут Лозарг скрытно наблюдал за ней, как вдруг услышал крики толпы. Почуввав неладное, юный лорд ринулся к матери. Он опоздал. Эмма лежала на плитке, истекая кровью. Рана в боку была очень глубокая. Белая, вся в крови, рука неподвижно лежала на месте ранения. Эмма судорожно пыталась вдохнуть. Она задыхалась, и уже больше ничего не видела. Губы что-то пытались шептать.

— Она кого-то зовёт, — вырвалось из толпы.

Прибежав, Лозарг был сражён увиденным. Он упал на колени перед остывающим телом матери.

— Матап, матап, — кричал он сквозь слёзы, — матап, ты слышишь? Матап!

— Её убили, — сказал кто-то, положив руку на плечо Лозаргу, — какой-то ворюга ударил её ножом и сорвал ожерелье.

— Дух покидает её, — послышалось из толпы, окружавшей юного лорда и его умирающую мать.

Припав к ней, он держал её за побледневшие щёки и повторял:

— Матап, ты слышишь? Матап!

Губы шевельнулись и замерли. Последнее, что вырвалось из её уст: «Лозарг...» Тело больше не двигалось. Бледные веки упали. Кровь залила уличную плитку.

— Да примет Господь её душу, — раздалось из толпы.

— Рере, рере, — кричал сквозь слёзы Лозарг, — её убили!

Гаспар, вместе с остальными членами Ордена что-то обсуждали, стоя вокруг стола с картой.

— Кого убили? — удивился он.

— Матап убили, — рыдал Лозарг.

— Луи, — обратился Гаспар, — ты знаешь, что делать.

Бенар кивнул и удалился. Когда он вернулся, передал Гаспару всё произошедшее в подробностях.

— Убийца мёртв, — отчитывался Луи, — тело Эммы подготовят к погребению.

Лозарг сидел на полу в своей комнате, оперевшись спиной на кровать. В его пустых глазах слёз уже не было. «Лозарг... Не уходи от меня далеко», «Я буду рядом», «Он выкован для защиты», «Я лишился отца... Его растерзал медведь», — все воспоминания всплывали в беспорядочном хаосе. Происходившее было похоже на бред. Лозарг вспоминал ту бессонную ночь, странные звуки, доносившиеся из спальни родителей, прогулки с матерью. «Я вспоминаю тот день, день гибели моего отца», «Матап, ты слышишь?», «Да примет Господь её душу», «...ударил её ножом...», «...ножом...», «Её убили», «Дух покидает её», «Я рядом, мама», «Матап!». Каменные и холодные глаза Лозарга были направлены в одну точку. В его голове всё смешалось. В комнату вошёл Гаспар, но Лозарг даже не обратил на это внимания. Присев рядом, он спросил:

— Всё думаешь о ней?

Лозарг сменился в лице и повернулся к отцу:

— Скажи мне, что такое смерть?

— Смерть... это дверь туда, куда мёртвые войти не могут. Но и живые не могут войти туда, куда могут войти мёртвые. Открыв дверь смерти — обратно пути нет. Иногда туда толкают насильно.

— Матап толкнули?

— Да.

— Зачем? она нужна мне.

— Я не знаю, Лозарг.

— Это всё из-за воровства. Если бы воров не было — она была бы жива!

— Значит, это должно было случиться... — смирялся Гаспар.

— Нет, не должно!.. — слёзы снова начали проступать сквозь сухие глаза Лозарга, — её убили ножом! слышишь? — ножом! Клинок не может защитить, он только убивает! — плакал юный лорд.

— Это зависит от того, в чьих он руках.

— Матап умерла из-за тебя! Это ты подарил ей то ожерелье! Вор подумал, что она богата и убил её!

— Не знаю, заживёт ли твоя рана, Лозарг, — Гаспар вышел из комнаты.

Следующие два дня юный лорд провёл в своей комнате без еды и воды. Его голову не покидала мысль о смерти матери. В случившемся он неотступно винил отца. На третий день Гаспар снова пришёл к сыну.

— Тебе нужно поесть. Голод к хорошему не приведёт.

Но Лозарг не хотел даже смотреть на отца, а тем паче разговаривать. Так и не дождавшись от сына даже взгляда, Гаспар ушёл.

Следующий, третий день юный лорд провёл в таком же состоянии. О том, чтобы попытаться встать с постели, за три дня он ни разу не подумал. Временами плакал, скорбя о матери, временами дремал.

На четвёртый день голод одолел его. Лозарг, спокойный и угрюмый, уселся за стол со всем Братством. Фульк протянул юному лорду его порцию.

— Может хватит уже молчать? — возмутился Гаспар, — отречение от пищи и разговоров не вернёт тебе мать.

Лозарг лишь посмотрел на отца с некоторой ненавистью и принялся за еду.

После полудня он решил прогуляться сам. Выходную дверь охранял Николо Фуко.

— Николо, пропусти меня, — попросил юный лорд.

— Нет, Лозарг, отец велел тебя не выпускать.

— Я не долго.

— Нет.

— Тогда проводи меня. Здесь не далеко. Мне нужно только кое-что посмотреть.

— Ну хорошо, пойдём, — согласился Николо, — только не долго.

Лозарг шёл по хорошо выученному маршруту, а Фуко следовал за ним.

— Только не вздумай убежать — это бесполезно, — пригрозил Николо.

— Даже пытаться не буду.

Лозарг шёл к тому углу, где всегда наблюдал за Полиной. По пути он наткнулся на огромное пятно запёкшейся крови. Ещё не успокоившуюся, не высохшую от слёз, душу Лозарга поразили воспоминания. Слёзы сбежали по щекам одна за другой, он упал на колени и стал гладить это пятно, как, что-то потерявший, слепой человек. Пересилив себя,

Лозарг встал и пошёл дальше. Подойдя к углу, он сказал:

— Подожди, не высовывайся.

— Что ты задумал? — удивился Фуко.

— Ничего, — Лозарг так же аккуратно выглянул из-за угла, но Полины на балконе не было, — теперь можно вернуться.

— Что там? — спросил Николо и сам заглянул за угол, но ничего необычного не увидел, — хорошо, возвращаемся.

Сопровождение Лозарга было приказом Гаспара, но только так, чтобы тот думал, что отец ничего не знает о его прогулке.

Глава XII. Часть IX

Следующие пять лет Лозарг с отцом не разговаривал. Из убежища он мог выходить без сопровождения. Прогулки Лозарг делал только для того, чтобы увидеть Полину. Она реже стояла на балконе, но чаще гуляла одна по улице. Будущий вор наблюдал за ней из далека, по долгу любуясь прекрасными чертами её ангельски-невинного лица.

Вернувшись после очередной прогулки, Лозарг решил сделать то, что давно планировал — уйти из Ордена. Он без стука вломился в кабинет отца и заявил:

— Я ухожу.

— После пяти лет молчания, ты решил начать разговор именно так? — удивился Гаспар, оторвавшись от написания письма, — и куда же ты, интересно, собрался?

— Я ухожу из подземелья и буду жить в городе как все честные люди, — холодно отвечал Лозарг.

— И вернуться ты не планируешь?

— Нет.

— А как же тайна Ордена, великое мастерство, сокрытое в хранилище? разве ты забыл?

— Это тайное знание мне не нужно.

Гаспар встал и, взяв из шкафа чем-то набитый наплечный мешок, бросил его сыну:

— Возьми. Может когда-нибудь пригодится. Ступай — я тебя не держу.

Лозарг закинул мешок на плечо и вышел. Идя по улице, он ощущал свободу, но вместе с ней и тоску. Его белую рубаху трепал тёплый весенний ветер, кожаные сапоги звонко стучали каблуками по плитке. Сын вора всё время думал, где он будет зарабатывать деньги. Первый месяц одиночной жизни прошёл плохо. Найденная Лозаргом работа, ему не нравилась. Он разносил людям вино и блюда в различных заведениях, иногда и на балах. За этот месяц он поработал в половине городских пабов и ресторанов. Ночевать приходилось в самых разных местах. Хозяева некоторых заведений давали Лозаргу небольшую коморку для ночлега, а в остальных случаях приходилось ночевать в различных заброшенных подвалах и чердаках. Спать приходилось на досках или на тряпках, подложив под голову свой набитый мешок, который он ещё ни разу не открывал. Один из подвалов ему приглянулся и он стал заходить в него чаще.

В следующем месяце всё понемногу наладилось. Лозарг пристроился разносчиком писем при одном дворянине, который платил ему хорошие деньги. Господин Венсан Сенье выделил для будущего вора комнату в своём подвале, где он мог проживать, но лишь на время своей «службы».

Венсану Сенье было сорок три года. Он любил участвовать в различных заговорах ради личной выгоды. Он был одним из тех людей, у кого, по-мнению Гаспара, следовало бы воровать. Сенье не заработал честно ни одной монеты. Организовывая заговоры против других дворян, Венсан избавлялся от них или упрятывал в тюрьму, а сам присваивал себе всё их имущество. Все письма, которые разносил сын вора, были адресованы союзникам-заговорщикам Венсана. Глядя на роскошное убранство дома, Лозарг вспоминал слова своего отца о воровстве, но даже мысли не пускал в свою голову о том, чтобы что-то украсть.

— Вот, держи. Это письмо отнесёшь на дом и отдашь лично в руки, — Сенье показал первый конверт, — господин Сокаль ждёт. Затем, — он показал второй конверт, — направляйся к собору. Там тебя будет ждать человек в красном камзоле с двумя белыми

повязками на левой руке. Ничего ему не говори, просто молча отдай письмо — он сам скажет, что нужно. А это, — Венсан показал третий конверт, — отнеси госпоже Антуанетте в бордель. Она будет ждать у входа. И ещё... На крыше находится голубятня. Когда разнесёшь все письма, проверь, нет ли там чего-нибудь для меня.

— Да, хорошо. Я всё сделаю.

— А теперь иди.

Первый получатель жил не далеко. Лозарг залез на балкон, который находится на втором этаже, и постучал. Хуан Сокаль несколько не удивился стуку «не в ту дверь».

— Письмо от господина Сенье, — Лозарг протянул конверт.

— Благодарю. Передай Венсану, что всё готово.

— Хорошо.

До собора юный вор добрался по крышам, что сэкономило ему время. Спустившись, он стал искать человека в красном камзоле с двумя белыми повязками на левой руке. Когда нашёл, подойдя, молча протянул письмо. Господин слегка приподнял, напущенную на глаза, чёрную треуголку и, взяв письмо, сказал:

— Звери уже в клетках, — и ушёл.

Лозарг ничего не понял, но задерживаться и размышлять над этой, казалось бы, бессмысленной фразой он не стал, и направился к борделю. Как и говорил Венсан, у входа стояла Антуанетта, женщина лет тридцати семи, с отличными пропорциями. Тёмно-зелёное платье было наделено большим вырезом на груди, даже слишком большим. И без того узкую талию стягивал корсет. Чёрные волосы были прекрасно собраны на голове. Увидев Антуанетту, Лозарг многократно замедлил шаг и, достав письмо из сумки, едва переставляя ноги, стал подходить. На лице у него было удивление. Столь откровенный вид Антуанетты смутил его.

— Подойди ближе — я не укушу, — улыбнулась она.

Сын вора ускорил шаг.

— Письмо от господина Сенье, — робко протянул он конверт.

— Ах, Венсан, Венсан, — вздохнула Антуанетта, — жадность погубит его.

— Ему что-нибудь передать?

— Нет, ничего. Не хочешь зайти? — предложила она, указывая рукой на вход.

— Нет, я тороплюсь.

Лозарг сразу же поспешил на крышу к голубятне. Там ничего для господина Сенье не оказалось.

— Да, войдите, — крикнул Венсан.

— Все ваши письма доставлены адресатам. В голубятне — ничего.

— Мне что-нибудь передали?

— Да. Господин Сокаль сказал, что всё готово, а человек в красном камзоле с двумя белыми повязками на левой руке сказал, что звери уже в клетках.

— Очень хорошо. Что сказала Антуанетта?

— Ничего.

— Ничего? — удивился Сенье.

— Ничего, господин.

— Что ж, ты прекрасно выполнил свою работу. Вот твои деньги. На сегодня ты свободен. Зайди ко мне завтра, в это же время. У меня будет для тебя ещё поручение.

— Да, господин.

Деньги, которые зарабатывал Лозарг, он прятал в том подвале, где ночевал чаще всего. Тратить он старался как можно меньше, а откладывать как можно больше. Получив очередной доход, будущий вор спешил в свой подвальный банк, чтобы вложить туда новую партию денег. В своей спешке он врезался в одну девушку. Это была Полина.

— Извини, я просто задумался... и не заметил...

— Ничего, — улыбнулась она, — я здесь каждый день прогуливаюсь — такое часто случается.

Лозарг никогда не смотрел на неё с такого близкого расстояния, никогда не был с ней рядом. Сердце билось как муха, попавшаяся в паутину. Кровь будто закипала. Лишь дыхание было ровным и спокойным. Глаза никак не могли насладиться зрелищем, никак не могли оторваться от столь прекрасного создания. Лозарг невольно взял Полину за руку.

— Может прогуляемся вместе, — предложил он.

— Почему бы и нет.

Вся спешка, вся суета, все дела — всё ушло на задний план и забылось. Спокойная и размеренная прогулка с Полиной доставляла Лозаргу удовольствие. Всю дорогу она рассказывала о себе и о своей семье, об их доме и о прекрасном поместье под Парижем. Закончив свой рассказ, Полина спросила:

— Кто твои родители?

— У меня нет родителей, — ответил юный лорд, — мать убили, а отец... Я остался один.

— Какой ужас, — удивилась она.

Поражённая ответом на свой вопрос, Полина больше не стала ни о семье, ни о доме Лозарга.

Их прогулка продолжалась до самого вечера. Когда солнце начало медленно прятаться за крыши, Лозарг проводил Полину до её дома.

— Видишь вон тот балкон?

— Да, я знаю, — и Лозарг рассказал, как он наблюдал за ней с самого детства.

— Что ж, мне пора, а то нянечка выйдет меня искать. До завтра.

Уже начинало темнеть. Лозарг поспешил в свой подвал. Положив деньги, он собрался спать. Укладывая мешок, у него появилось желание его открыть, но мысли и воспоминания об отце сразу же отбили это желание, и он, уложив его поудобней, улёгся и уснул.

На следующий день Лозарг явился к господину Сенье в назначенное время.

— Ты как раз вовремя, — сказал он, вставая из-за стола, — сегодня писем разносить не придётся — есть другое задание. Направляйся к дому, где живёт господин Сокаль — он расскажет, что делать дальше. Это будет последнее моё поручение. Выполни его и всю следующую неделю будешь свободен. А теперь иди, господин Сокаль ждёт тебя.

Лозарг быстро добрался до назначенного места. Хуан ждал его на улице.

— Вот и ты, — заметил он юного лорда, — идём, я тебе всё расскажу. Здесь недалеко живёт один мой знакомый. У него нужно забрать кое-какие вещи. Их много, и они тяжёлые, поэтому ты сможешь мне погрузить их в карету. Она уже ждёт у его дома.

Пройдя пару улиц, Хуан Сокаль привёл Лозарга на задний двор одного дома. Небольшая площадка была по периметру усыпана деревянными манекенами, потрёпанными от пуль и сабель. Под стеной стоял стол, возле которого суетился тот самый знакомый Хуана. Кузнецкий фартук обтягивал его пузо. На лице и руках виднелись чёрные пятна сажи. Лысина блестела на солнце.

— Здравствуй, Франсуа, — сказал Сокаль, подходя ближе, и распростёр руки.

— Здравствуй, здравствуй, — радостно забормотал толстяк, и его закрученные усы заиграли на верхней губе. Он обнял Хуана и похлопал его по плечу.

— Это Франсуа Сюркуф, — представил его Сокаль Лозаргу, — лучший кузнец в городе и оружейных дел мастер.

Сын вора почтительно кивнул.

— Итак. Всё готово?

— Да, как и просили, — Сюркуф достал из-под стола толстый свёрток и развернул его на столе, — вот, лучшие клинки, таких ты нигде не найдёшь, — хвалился Франсуа, — острее бритвы. После такого никто не выживет, — он взял из кожаного свёртка один нож и метнул в манекен. Попадание было не точным. Клинок попал немного ниже головы. Увидев столь не грамотное владение оружием, Лозарг взял из свёртка два ножа и метнул их оба сразу. Клинки одновременно поразили два манекена, в голову, в самый центр, — дьявол, — изумился Сюркуф, — это невозможно!

— Как видишь... — улыбнулся Хуан, — я убедился, что клинки добротные. Давай следующее.

Франсуа достал ещё более толстый свёрток и развернул его поверх предыдущего.

— Лучшие пистолеты во всей Франции.

Хуан взял один и, направив на манекен, прицелился, но не выстрелил.

— Да, действительно, хороши, — говорил он, кладя пистолет на место.

— Они все уже заряжены и готовы поразить цель.

— Нам ещё нужно двадцать сабель, пять палашей и семь ружей, — напомнил Сокаль.

— Ну, разумеется, — улыбнулся Сюркуф, — они уже в карете, а остальные пятнадцать свёртков грузите сами.

— А боеприпасы?

— Уже в карете.

— Прошлое Арм-Виля ещё не забыто, — засмеялся Сокаль.

Лозарг принялся носить и укладывать свёртки в карету.

— Вот плата, — Хуан протянул полный кошель своему товарищу.

— Когда это закончится? — вздохнул толстяк.

— Никогда, — улыбнулся Сокаль.

Когда Лозарг перенёс все свёртки в карету, Хуан протянул кошель и ему.

— Вот твоя награда. Ты можешь быть свободен. Только постарайся поменьше говорить об этом.

Лозарг кивнул.

Хуан Сокаль был человеком осторожным и всегда думал наперёд. Потомственный аристократ. Он всегда дорожил своим положением и ни за что на свете ни хотел его лишиться.

Получив деньги, Лозарг потратил очень малую часть на еду, а всё остальное отложил в свой банк.

В течение этой недели Венсан Сенье и его союзники проводили окончательную подготовку плана действий. Заговорщики решили осадить и штурмом взять нужное им поместье. Полусотне наёмников были розданы пистолеты и ножи. Самым обученным достались ещё и сабли. Семь человек с ружьями должны будут прикрывать с тыла, сидя на деревьях. Сам Сенье вооружился до зубов. Всё было тщательно спланировано. Днём

исполнения заговора была назначена пятница.

Жертвой заговорщиков был аристократ Жан-Марк Бенуа, лично знакомый с папой Пием VII, с папой Львом XII и с папой Пием VIII. Жан-Марк доживал пятый десяток. Редк выезжал из своего поместья и никуда без охраны не ходил. Его всегда сопровождали не менее десяти человек, хорошо обученных и хорошо вооружённых. Несмотря на свой возраст, Бенуа любил поразвлечься с молоденькими куртизанками, которых ему привозили из борделя «Escarlatesrose» (именно этим борделем и владела Антуанетта), прямо в его поместье, и каждый раз новых. Обычно, Жан-Марк заказывал себе одну-две куртизанки, но иногда, прибывая в очень хорошем настроении, заказывал себе три, а то и четыре. Бенуа выглядел лет на двадцать моложе, чем ему было. Многие думали, что это из-за того, что он часто ездил в Ватикан и подолгу пребывал там.

Всю эту свободную неделю Лозарг провёл с Полиной.

Проводив её в пятницу вечером домой, сын вора решил зайти к кузнецу Франсуа. Сюркуф оказался на заднем дворе.

— Господин Франсуа, — обратился Лозарг, подходя ближе.

— Ах, это ты, Лозарг, — обернулся Сюркуф, — зачем пришёл?

— Я хотел кое-что спросить.

— Ну спрашивай.

— Зачем господину Сенье столько оружия? у него своя армия?

— Да, почти. Ты просто не знаешь кто он такой.

— И кто же?

— Я не думаю, что тебе нужно это знать.

— Но, господин, я хочу это знать, — настаивал Лозарг.

— Да не господин я тебе, — смутился Франсуа и притих, — такие знания могут быть опасны, — предупредительно сказал он.

— Я буду осторожен.

— Хорошо, слушай. Венсан Сенье — разбойник и вор, только прикрывается своим титулом. Ни одной лиры он не нажил честным трудом. Он всё украл, всё отобрал у простого народа, а в последнее время взялся за аристократов. И то оружие, которое он купил у меня, нужно для очередного заговора.

— У кого на этой раз Сенье хочет отобрать имущество?

— Жан-Марк Бенуа. Живёт в своём поместье не далеко от города и почти никуда из него не выезжает. Всё, что ему нужно привозят в поместье.

— И когда всё случится?

— Сегодня. После захода солнца.

— Что? — удивился Лозарг.

— Даже и не думай, малец, — усмехнулся Сюркуф, — остановить их не получится. Они просто вспорят тебе брюхо, как собаке и твой земной путь закончится.

— Ты сможешь мне?

— Ты с ума сошёл? Эта затея — самоубийство, — возмутился Франсуа.

— Я один не справлюсь — мне нужно твоё оружие, — уговаривал его Лозарг.

— Ну уж нет... — отказывался кузнец, — если ты собрался в могилу, то вперёд, а я умирать не хочу.

— Да подумай же — сколько он ещё людей погубит и ограбит.

— Мне то что? Главное, чтобы меня не погубили, а за остальных я не беспокоюсь.

— Не уж-то ты думаешь, что Сенье оставит тебя в живых? Ты слишком много знаешь. Когда они закончат с Бенуа, ты будешь следующим, — Лозарг пытался припугнуть кузнеца, — ведь ты им больше не нужен... Etreenbonnesante, — юный лорд собрался уходить.

— Ладно. Постой, — Сюркуф испугался за свою жизнь, — у тебя есть план?

— Ещё нет. Сколько наёмников у Сенье?

— Около полусотни, и каждый до зубов вооружён.

— Помешать им уже не получится, но после победы их можно будет остановить.

— У Бенуа очень много охраны, поэтому боеприпасов они израсходуют не мало, может даже понесут потери.

— Антуанетта тоже в заговоре?

— Да, но она терпеть не может Венсана. И помогает ему только из-за денег.

— Она сможет чем-нибудь помочь?

— Ну... если как следует попросить, то да, — улыбнулся Франсуа.

— Хорошо, я поговорю с ней сам. От тебя нужно только оружие — всё остальное сделаю я.

— Ты — безумец, — полушёпотом сказал Сюркуф.

— Нет, я — спаситель, — улыбнулся Лозарг.

Кузнец вздохнул.

— Много тебе нужно оружия? — спросил он.

— Тридцать метательных ножей и два коротких кортика, таких, чтобы могли поместиться в мои сапоги, а пистолеты... как ими пользоваться?

— Я научу тебя, — засмеялся Франсуа.

— Сколько тебе понадобится времени?

— Мне понадобится не одна неделя, чтобы изготовить и раздобыть такое количество метательных ножей. Я попробую связаться со своими товарищами из Парижа, надеюсь они мне помогут. Часть я сделаю сам, а часть — привезут они. На подготовку заказа для Сенье ушло несколько месяцев. Здесь я справлюсь быстрее.

— Когда с Венсаном будет покончено, ты получишь свою награду.

— Хочется верить, — с надеждой улыбнулся Сюркуф.

— Хорошо. Эх, опасную игру ты затеял, — сказал Франсуа ему вслед.

Лозарг приостановился, но ничего не ответил.

Вечер подступал всё ближе и ближе.

— Ну что ж, пора, — сказал Сенье, глядя на опускающийся диск золотого солнца.

— Да, пожалуй, — согласился Сокаль.

Заговорщики сели в карету и направились к борделю Антуанетты. Она ожидала их у входа. Подъехав, Сенье медленно ей кивнул, она кивнула в ответ, и карета двинулась за город. В лесу их ждали наёмники во главе с господином в красном камзоле с двумя белыми повязками на левой руке.

— Жан-Франсуа, — обратился Сенье, — выходя из кареты, — всё ли готово?

— Да, Венсан, — немного хрипящим голосом ответил господин, приподняв свою треуголку.

— Пора занять позиции, — скомандовал Сенье.

Наёмники оседлали коней и через лес отправились к Бенуа. Добравшись, заговорщики засели.

— Теперь будем ждать весточку от Антуанетты.

Солнце уже полностью село. Тьма начала расползаться по земле, окутывая всё на своём пути. С наступлением темноты часть охраны Бенуа направлялась в бордель «Escarlatesrose» (он был единственным в городе). Прибывшая партия охранников, была напоена вином, в которое подмешали яд Тофаны. Они заснули и больше не проснулись.

Через час из поместья выехала карета.

— Это за женщиной, — доложил Сенье.

Вскоре карета вернулась. В ней сидела куртизанка в маске с перьями.

— Весточка от Антуанетты, — обрадовался Венсан. Он был уже в нетерпении ворваться в это поместье, — приготовьтесь.

Привезённую девушку отвели в, роскошно убранную, спальную Бенуа. На маленьком столике стояли два бокала вина. Куртизанка должна была подмешать воду Тофаны в бокал Жан-Марка. Но если что-то вдруг пойдёт не так, то у неё под платьем был небольшой, острый как бритва, кинжал.

Бенуа уже ожидал девушку в своей спальне. Без лишних слов, он сразу же принялся за дело. Во время поцелуя, куртизанка обняла его лишь одной, левой рукой, а правую протянула к бокалу и вылила яд из маленького флакончика. Насладившись поцелуем, Жан-Марк предложил выпить и взял бокал, который был ближе к нему. Увидев, что Бенуа взял не тот бокал, девушка нарочно пролила свой. К этому времени господин уже осушил свой.

— Ах, какая я неловкая, пролила вино, — притворно бранила себя куртизанка.

— Ничего страшного, — успокоил её Жан, — продолжим.

Когда Бенуа снял с девушки платье, она аккуратно наклонилась и, просунув руку к кинжалу, вытащила его и хладнокровно вонзила его в сердце господину. Жан-Марк повёл руками, пошатнулся и его ноги подкосились. Бездушное тело рухнуло на пол.

Через несколько минут заговорщики, ждавшие в лесу, увидели, что свет в комнате Бенуа стал тускнеть, а потом и вовсе погас — это куртизанка погасила все свечи в знак того, что Жан-Марк Бенуа мёртв.

— Вперёд, — завопил Сенье, и армия заговорщиков ринулась на стены поместья. На своём пути они убивали всех. Одному из самых умелых людей Бенуа удалось сразить полтора десятка наёмников, но его сразила одна пуля, выпущенная Хуаном.

На плацу перед особняком шли бои. Все люди Бенуа сбежались сюда. Когда через час битва закончилась, все люди Жана были мертвы, но и из наёмников Сенье пали ещё пять.

Одержав победу, Венсан щедро вознаграждал всех заговорщиков, из казны Бенуа, а сам, как и планировал, поселился в поместье. Хуан Сокаль получил в распоряжение несколько просторных комнат в особняке. Жан-Франсуа де Монкан получил свою долю и вернулся в город. А бордель Антуанетты Лепен оказался под покровительством Венсана. Наслаждаясь своим триумфом, заговорщики затихли и пока больше ничего не планировали.

Глава XII. Часть X

Лозарг, как и обещал, зашёл к кузнецу через два дня.

— Как идут дела с оружием? — спросил он.

— Лучше, чем я думал, — с радостью хвалился Франсуа, — мне удалось связаться с моими друзьями их Парижа, и они доставили мне десять метательных ножей и восемь пистолетов с боеприпасами.

— Ты обещал научить, как ими пользоваться, — напомнил Лозарг.

— Да, помню.

Сюркуф положил на стол два пистолета.

— Эти пистолеты не такие, как у наёмников Сенье. Они двуствольные. Это значит, что из одного пистолета ты можешь сделать два выстрела сразу. На себе ты сможешь нести шесть таких и из каждого два выстрела. Боеприпасы тебе с собой нести не нужно. Перезарядка требует времени, а у тебя его не будет. Поэтому я сам заряжу тебе пистолеты, останется только выстрелить. Вот, попробуй, — Сюркуф протянул Лозаргу пистолет, — прицелься и нажми на крючок.

Юный лорд взял пистолет и направил на манекен. Выстрелил он точно.

— Ничего сложного, — заявил Лозарг.

— Ну раз так, то дожидайся остальных ножей, и сразу в бой.

— Так и сделаю, — улыбнулся Лозарг.

— А что же мне делать? — забеспокоился Франсуа, — если меня и вправду захотят убить? От них нельзя спрятаться — везде найдут.

— Значит прячься лучше. У тебя есть пистолет?

— Есть.

— Не выпускай его из рук.

Сюркуф тяжело вздохнул.

— Хорошо.

— Кстати, Хуан Сокаль — это твой друг?

— О-о-о, мы с ним очень давно знакомы и через многое прошли вместе. Но... кем бы я ему не был, он лишь подчиняется воле своего господина, Венсана. И если тот прикажет убить меня — он убьёт, потому что это приказ.

— Тогда убей его раньше, — предложил Лозарг.

— Я не могу. Во-первых, он поселился в поместье Бенуа, а во-вторых, он мой друг и я не смогу его убить вопреки всем приказам.

— Значит, его убью я.

— Ах, Лозарг, — что-то защемило в груди у Франсуа и он замолчал, — сделай так, чтобы он не мучался.

— Хорошо. Когда ножи будут готовы?

— Через три недели.

— Я зайду чуть раньше.

— Будь осторожен, — посоветовал Сюркуф, — ведь они могут убить и тебя.

— Я знаю, — спокойно ответил Лозарг и ушёл.

Он направился к борделю. Стук в дверь.

— Никого нет, — раздался мужской голос, — уходи.

— Мне нужно поговорить с Антуанеттой, — попросил Лозарг.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина средних лет, коротко стриженный и гладко выбритый, в белой рубашке и жабо. Из левого коридора вышла Антуанетта.

— Входи, здесь никого нет, — равнодушно сказала она.

Лозарг перешагнул через порог, и мужчина закрыл за ним дверь.

— Можешь идти, Пьер. Если что-то понадобится — я тебя позову, — слуга кивнул и молча удалился, — зачем ты пришёл? — обратилась она к Лозаргу.

— А где все? — не к месту, от удивления спросил он.

— Ах, — вздохнула Антуанетта, — я кажется догадываюсь зачем ты пришёл... Тебя интересует Венсан? — улыбка скользнула по её бледному и прекрасному лицу.

— Да, — робко ответил сын вора, не понимая, как она догадалась.

— Так вот, все девочки отправились в поместье Бенуа, развлекать господина Сенье, его приближенных и наёмников, — слово «господин» Антуанетта произнесла с отвращением, — наверху остались три девушки, но они тебя не интересуют, верно?

— Верно, — согласился Лозарг.

— И чего же ты хочешь?

— Мне нужна твоя помощь, — попросил он.

— Что ты задумал? — удивилась Антуанетта.

— Убить Венсана и его шайку, — громким шёпотом ответил Лозарг.

— Это же безумие, — возразила она, — ты обрекаешь себя на верную смерть.

— Вовсе нет, — противился юный лорд, — только ты должна мне помочь.

— Разве что водой Тофаны, — вздохнула Антуанетта.

— Что это такое? — удивился Лозарг.

— Это прозрачный и безвкусный яд. Его можно подмешивать во что угодно, даже в обычную воду.

— И как я это сделаю?

— Тебе не придётся ничего делать — мои девочки сделают всё за тебя. Наша вода на исходе, поэтому много дать я не могу. Около десяти наёмников они смогут отравить.

— Хорошо, идёт, — согласился Лозарг.

— Когда ты собираешься напасть на него?

— Примерно, через три недели, может — больше.

— Но учти, я помогаю тебе только лишь из-за ненависти к Венсану.

— Ну разумеется, — усмехнулся Лозарг, — до встречи.

Следующие три недели для юного лорда оказались долгими и томительными. На следующий день, после разговора с кузнецом и Антуанеттой, сын вора зашёл к Полине. Её беспокоили какие-то глупые предчувствия. Он боялся, что его убьют в поместье, но в то же время он был уверен, что у него всё получится.

— Этот медальон, — Лозарг снял со своей шеи «феникса», — когда-то подарил мне отец, на память. А сейчас я дарю его тебе, — он положил медальон с цепочкой в руку Полины, — с той же целью — на память.

— На память? — удивилась она, — ты собираешься оставить меня?

— Понимаешь, — объяснял Лозарг, — мою мать убили, и я не могу быть уверен, что меня не убьют. Может убийца охотится за мной или это какое-то проклятье...

— Ты веришь в проклятья? — изумилась Полина.

— Почему бы и нет. Всё может быть, — улыбка засветилась на лице Лозарга.

На самом деле юный лорд наговорил всё это Полине только для того, чтобы не говорить ей о своём плане и хоть как-то оправдать свои глупые опасения.

Все, медленно текущие, недели Лозарг провёл с Полиной, в то время, как заговорщикам захотелось захватить ещё одно поместье.

Оставалась одна, последняя неделя и оружие должно быть готово. Сын вора решил посетить кузнеца.

— Ты зашёл очень вовремя, — обрадовался Франсуа, — Хуан прислал мне письмо, в котором сказал, что им нужна сотня ружей, две сотни пистолетов и полторы сотни ножей и сабель.

— Они готовят новый заговор? — догадливо спросил Лозарг.

— Да. Пора действовать, — призывал Сюркуф.

— А как же ножи? — смутился сын вора.

— Всё готово. Всё как ты и просил: тридцать метательных ножей, два коротких кортика, и ещё шесть двустольных пистолетов. Они уже заряжены. Ремни и кобура под пистолеты тоже готовы. И ножны тоже, разумеется.

— Тогда мне нужно договориться с Антуанеттой, и очень срочно.

Через несколько минут Лозарг уже стучал в дверь борделя «Escarlatesrose». Открыл тот самый Пьер, и жестом попросил юного лорда войти.

— Как идут дела с оружием? — спросила Антуанетта.

— Всё готово, — улыбнувшись, сказал Лозарг.

— Так быстро? — удивилась Лепен, — очень хорошо. Как ты сам видишь — все девочки ещё здесь. За ними придут вечером, в шесть, и заберут на два дня. Десяти из них я раздала яд, и у всех есть кинжалы, потому что людей у Венсана стало намного больше, но и у меня девочек прибавилось. Десять наёмников будут отравлены ядом, а остальным тридцати девочки вонзят в сердце клинок. Больше они убить не могут, потому что обслуживают лишь сорок человек. Когда ты увидишь, что из разбитого окна выбросят свечу — это будет тебе сигналом к действию.

— Как мне туда пробраться?

— Пьер Лепен, — Антуанетта указала на человека, который открывал дверь Лозаргу, — мой брат, — тот кивнул, — он отведёт тебя к поместью по тайной тропе. Там тебя будут ждать ещё десять человек. Они помогут тебе. Скажи только когда?

— Сегодня после захода солнца, — злорадствующая улыбка скользнула по лицу Лозарга.

Всё время до вечера сын вора провёл с Полиной. Сразу же после этого, он пошёл в свой подвал и взял кошель с деньгами, который всегда носил с собой. Ему под руку попался его мешок. Лозарг взял его в руки, и у него проскользнуло желание его открыть, но он сразу же его отбросил и положил мешок на место.

Солнце по не многу пряталось за верхушками крыш.

— Ну что? ты готов? — спросил Сюркуф.

— Да. Давай сюда моё оружие, — в нетерпении попросил Лозарг.

Франсуа достал из-под стола целый ступок кожаных ремней, и по порядку начал надевать их на юного лорда. Кожаные наплечники с множеством ножен, кобура под каждый пистолет и на сапогах ножны под кортики и метательные ножи. Когда Сюркуф закончил с ремнями, он принялся рассовывать оружие. Два пистолета были сзади на поясе, два на груди и два по бокам, выше пояса. Метательные ножи были на обоих плечах, почти на всём поясе и

на ногах, во главе с кортиком на каждой. От белой рубахи Лозарга остались видны одни рукава.

— Чтобы скрыть оружие надень вот это, — Франсуа протянул юному лорду плащ с капюшоном. Тот надел его, — он скрывает даже твои ноги, и лица не видно. Так тебя примут за аббата. Но перед боем лучше укороти, чтобы не мешал.

— Ты помнишь? — я убью твоего друга, — напомнил Лозарг, — ему сказать что-нибудь перед смертью?

Кузнец тяжело вздохнул.

— Скажи ему, что это ради справедливости... — с грустью ответил Франсуа.

— Хорошо.

Сын вора сразу направился к Антуанетте.

— Девочек уже забрали, — сказала она, — ваша карета ждёт у другой стороны борделя. Вас вывезут за город, а дальше Пьер покажет тебе дорогу.

— Я всё понял.

Антуанетта отвела Лозарга к карете и уже через несколько минут он уже следовал за Пьером, который был в похожем плаще.

— Как обстановка? — спросил он, подойдя к союзникам.

— Они только зашли, — ответил один из них. Лозарг обступил Пьера и присел рядом со всеми.

В лесу было уже темно. Один человек сидел на дереве и наблюдал за окнами, дожидаясь, когда будет выброшена свеча. Юный лорд снял свой аббатский плащ и укоротил его с помощью кортика до длины чуть ниже колена. Так, аббатский плащ стал балахоном, который будущий вор будет носить ещё очень долго.

Когда тьма объяла всю землю и пролилась в каждую щель, самое последнее окно на первом этаже южного крыла было разбито. Из него выбросили свечу. Упав, она погасла. На шум сбежалось несколько охранников.

— За дело, — скомандовал Лозарг, и десять наёмников влезли на стены поместья и преодолели их.

Увидев посторонних, охранники бросились на них со штыками, но были закланы собственным оружием. Сидевший в своём новом кабинете, Сенье услышал грохот и подошёл к окну, которое было направлено во двор. Он своими глазами видел, как толпа наёмников перерезала его людей их же оружием и направилась далее, к разбитому окну. Испуганный Венсан достал из своего стола заряженный пистолет и стал напротив двери. Лозарг пошёл иным путём. Он обошёл поместье с тыла и влез на задний двор. Там находились пятнадцать человек Венсана. Сидя на заборе, под веткой дерева, Лозарг поразил трёх метательными ножами — по одному на каждого. Остальные не поняли, что случилось и стали осматривать трупы своих товарищей, а несколько из них принялись осматриваться и проверять все возможные места, нахождения врага. Заметив ножи в шеех трупов, осматривающие в страхе подскочили и начали в страхе озираясь. Все разбрелись. Следом за теми тремя, были поражены ещё четверо, тем же оружием. Не обращая внимания на трупы, остальные продолжали осматриваться. Один из них заметил Лозарга в гуще листвы, но едва он открыл рот, чтобы закричать, его в горло поразил нож. На оставшихся нашёл ужас.

— Максимилиан, — обратился один к другому, — беги за подмогой, пока нас тут всех не перебили.

Едва Максимилиан тронулся с места, как ему под лопатку вонзился нож. Ноги

заплелись, и он упал. Не выдав себя, Лозарг поразил всех остальных. Спустившись с забора как тень, он влез в окно на втором этаже, которое было открыто. Едва юный лорд сделал пару шагов, как в комнату вошёл наёмник. Он растерялся.

— Ты что зд... — стремительный бросок ножа оборвал его речь.

Лозарг затащил его и, выйдя из комнаты, вошёл в другую. Там пятеро человек Венсана играли в карты и распивали вино. Всё их оружие находилось далеко от них, в самом углу. От неожиданности они встали, и посыпались всё те же вопросы.

— Ты кто?..

— Что ты...

— Чёр...

Все были убиты. Проверив все комнаты на этом этаже, Лозарг нашёл и убил лишь ещё одного наёмника. Но одну комнату сын вора не заметил и пропустил. Затем он поднялся на третий этаж, потому что на первом всё сделали люди Антуанетты. Идя по лестнице, Лозарг убил двух. Так же, проверяя все комнаты, он растратил все оставшиеся ножи, но не во все двери он заглянул. Лозарг слегка вскинул плащ и достал из-за спины два пистолета. До этого никто ещё не стрелял. Одновременным выстрелом из двух орудий, он убил двух наёмников. Услышав грохот пистолетов, Сенье в ужасе содрогнулся и продолжил держать на прицеле дверь. От страха с него сходил уже восьмой пот. На этом этаже Лозарг израсходовал одиннадцать из двенадцати пуль. Остался один выстрел и последняя, непроверенная дверь. Юный лорд вошёл в неё пистолетом вперёд. В полутёмной комнате у окна, спиной к двери, стоял Хуан Сокаль, сложив руки сзади.

— Кто ты? — спросил он, не поворачиваясь.

— Рука правосудия, — ответил сын вора, направляя пистолет в спину спокойному Хуану.

Узнав знакомый голос, он спросил:

— Лозарг? — и повернулся.

— Да, это я, — улыбка засияла на лице юного лорда.

— Но почему? ведь Венсан платил тебе хорошие деньги.

— Эти деньги омыты кровью простых людей.

— Так вот ради чего всё это, — улыбнувшись, сказал Сокаль, — пистолеты тебе дал Франсуа?

— Да. И он попросил тебе передать...

— Что?

— Это ради справедливости, — Лозарг выстрелил прямо в сердце. Продержавшись на ногах несколько секунд, Хуан рухнул на пол.

Сенье содрогался всякий раз, когда слышал выстрел. Весь в поту, он трясся от страха. Ему было очень душно, он задыхался.

Истратив последнюю пулю, Лозарг достал кортик с правой ноги. Он направился к лестнице. Сильный порыв ветра с шумом распахнул окно в комнате Сенье. Вскрикнув от страха, Венсан в ужасе обернулся и выстрелил в стекло. Осознав глупость своего поступка, он выронил из рук пистолет. Услышав выстрел, Лозарг понял, что осмотрел не все комнаты. Придя на звук, он оказался в комнате Сенье. Вид юного лорда очень сильно напугал его.

— Кто ты? Чего тебе нужно? — трясся на одном месте Венсан, — бери всё, только не убивай! Прошу, не надо!

— Многих ли ты пощадил?

— Л...Л...Лозарг?

— Да, господин, — ответил он с омерзением, — это я.

Тусклый свет свечи блеснул на лезвии кортика.

— Зачем? Я давал тебе достойную плату, — Сенье начал пятиться и, споткнувшись упал.

Лозарг подошёл к нему.

— Все деньги, которые ты мне давал, были нажиты кровью. А теперь, — сын вора достал кошель, — людскую кровь я смою твоей, — Лозарг высыпал все деньги на грудь Венсану, — это клинок возмездия, — сказал он и вонзил кортик в грудь Сенье, в самое сердце. Извергнув обагрённый нож, Лозарг отряхнул кровь с лезвия и окропил ею монеты.

Покончив с Венсаном, юный лорд принялся искать комнату, в которой хранились деньги. Ею оказалась та самая, которую Лозарг пропустил на втором этаже. Всем людям Антуанетты он хорошо отплатил, и они ушли. Сын вора решил пожить немного в поместье.

На следующий день он отнёс щедрую плату кузнецу.

— Он не мучился? — интересовался Франсуа смертью друга.

— Нет, он умер достойно.

Весь месяц Лозарг продавал вещи из поместья и откладывал себе деньги. Продав всё, что не было обагрено кровью или испорчено пулей в поместье, он распродал всё возможное из дома Сенье. Квартиру Хуана он продал целиком. К сожалению, ещё через две недели объявился наследник — племянник Венсана, и Лозаргу пришлось покинуть поместье.

Возвращаясь в свой подвал, он заметил в толпе того господина в красном камзоле с двумя белыми повязками на левой руке. Незаметно достав из сапога кортик, Лозарг спрятал его под балахоном и стал подбираться со спины к де Монкану. Подойдя, сын вора вогнал ему кортик под левое ребро и поразил сердце. Жан-Франсуа стал задыхаться и не мог издать даже звука.

— Это возмездие, — на ухо прошептал Лозарг и извлёк из него свой клинок.

Безжизненное тело рухнуло на плитку, а юный лорд бросился бежать. Толпа завизжала.

— Он мёртв!

— Помогите!

— Полицию сюда!

— Среди нас есть убийца!

Некоторые женщины даже срывались и рыдали. А Лозарг был уже далеко от этой улицы.

Несмотря на огромное накопленное состояние, на которое Лозарг может прожить несколько лет, он решил подзаработать ещё денег, чтобы потом о них не думать. В городе остался один ресторан, в котором Лозарг ещё не работал. У дверей этого заведения висела вывеска на латыни: «Veniteadmeomnes, quistomachlaboratisetegorestaurabovos». Когда-то давно, в Париже был ресторан, над входом в который висела вывеска с такой же надписью, но о нём уже никто не помнит. Сын вора проработал в ресторане почти два месяца, но осознав, что денег у него достаточно, он ушёл из заведения. Лозарг всё продолжал жить в подвале и не собирался из него уходить. Оттуда он вычистил весь мусор, повесил подсвечники со свечами, раздобыл мебель: сундук, стол и две кровати, хотя зачем вторая, он сам не знал. Мешок, который Лозаргу дал отец, он положил в сундук, но ещё ни разу его не открывал.

Их встречи с Полиной продолжались ещё около полугода.

Однажды утром, юный лорд залез к ней на балкон. Увидев Лозарга, Полина подошла к нему и поцеловала. В эту же самую секунду в комнату вошел её отец:

— Полина, пора просыпа... Что? — Дельмас обомлел от увиденного, — ах ты щенок, — кричал он вслед сыну вора, — тебя повесят на площади, а затем отрубят голову!

Полина получила строжайший выговор за то, что встречалась с «безродным щенком». С этого дня окно было наглухо закрыто и замкнуто, а юную Дельмас перестали выпускать на прогулки. После этого Лозарг больше не видел Полину. Через месяц семья Дельмас уехала в Париж. Сын вора знал об этом — он подслушал разговор родителей Полины, но за ней не пошёл. Его что-то остановило, какая-то невидимая сила, какой-то неосязаемый барьер. Через четырнадцать лет Полина вернётся в город Святого Стефана, но уже с мужем и ребёнком.

Десять лет прожил Лозарг на своё состояние. Когда деньги начали заканчиваться, будущий лорд понял, что работать ему уже негде и остаётся только одно — воровать. И как бы он не сопротивлялся, как бы не уходил от этого, всё равно все дороги привели его на путь отца, о котором он уже забыл. Но вот теперь он его вспомнил. Припомнилась смерть матери, величавая статуя феникса и падающие лепестки роз. Вспомнился уход из Братства и лик отца. Припомнились все рестораны, пабы и таверны. Вспомнился Венсан и сборище куртизанок Антуанетты. Вспомнился пузатый кузнец Франсуа и двенадцатый выстрел, забравший жизнь у его друга. Припомнился последний поцелуй Полины, её нежные руки и невинный ангельский взгляд. Вспомнилось всё, всё как прошедший сон. Лозарг держал в руках мешок, данный ему отцом, и перед глазами проплывало его далёкое прошлое. Проплывало как туман, растаивающий с первыми лучами солнца. Что-то очень сильно сжало грудь Лозаргу. Он уронил мешок и вслед за ним по щекам, поросшим щетиной, побежали слёзы. Лозарг упал на колени посреди своего подвала и плакал. Боль воспоминаний и горечь за свои ошибки — вот что сжало ему грудь. И, к сожалению, лишь только сейчас к нему в голову пришла мысль, что Гаспар не виноват в смерти матери. «В этом виноват я, — думал Лозарг, — если бы я был с ней рядом, я бы смог её защитить...» Признание вины в смерти матери, очень больно уязвило Лозарга в сердце, в душу, и он уже не мог остановить своих слёз.

Ближе к вечеру буря воспоминаний стихла и боль ослабела. Лозарг лежал на своей кровати и смотрел в каменный потолок. Осознав, что он лежит слишком долго, будущий лорд решил встать. Он подобрал мешок, который уронил, и, посмотрев на него, решил открыть. Там была воровская одежда, точно такая же, как и у Гаспара и остальных членов Ордена. В одежду был завернут нож, подаренный отцом, и выброшенным Лозаргом на девятый день после убийства матери. Крепко сжав в руке, он сунул клинок в ножны. Лозарг разорвал свою белую рубаху и бросил на пол с каким-то отвращением. Одев жилет и наручи, он одел свой балахон и вышел в город. Было уже темно. Улицы обеднели и стали тише. Лозарг шёл по крышам к одному дому, где жил один нечестный человек. Окно на третьем этаже было открыто. Вор бесшумно влез в него и взял оттуда столько вещей, сколько ему было нужно. В подвал он отправился уже по земле. Проходя мимо одной лавки, в которой горел свет, Лозарг услышал странные слова на незнакомом ему языке. Любопытство оказалось невыносимым, и он незаметно открыл дверь. Там, посреди комнаты сидела женщина лет пятидесяти с закрытыми глазами, а перед ней стоял тот самый Леон Лафар с тёмной бордово-красной книгой в руках и читал на неизвестном Лозаргу языке, громко и отчётливо. Его серый сюртук был ещё не так сильно засален и запачкан, волосы чуть короче, а лицо чище. Когда Леон закончил читать и закрыл книгу, он спросил женщину:

— Вы слышите его?

— Нет. Уже нет.

— Тогда сеанс окончен.

— Спасибо, — протянула женщина кошель с деньгами, — вы мне очень помогли.

— Рад служить, — сказал с улыбкой Лафар.

Женщина вышла. Лозарг уже стоял внутри.

— Что вам угодно? — услужливо спросил маг.

— Кто ты? — задал встречный вопрос Лозарг, — и чем ты тут занимаешься?

— Меня зовут Леон Лафар, маг-чернокнижник в четвёртом поколении, правда, мои отцы были состоятельнее, но это не так важно. Я провожу спиритические сеансы, накладываю и снимаю проклятья, и продаю различные яды.

— Спиритический сеанс? — подозрительно удивился вор.

— На спиритических сеансах я вызываю души умерших для разговора с живыми. От латинского spiritus — дух.

— Это всё неправда, — усомнился Лозарг, — ты обманщик.

— Вовсе нет, — утверждал маг, — эта женщина только что разговаривала со своим мужем, который умер пятнадцать лет назад.

— Я всё равно в это не верю.

— Это ваше право.

— Что ты обращаешься ко мне как к какому-то господину? — возмутился вор, — я — не господин, я — простой человек.

Недолгое молчание.

— Если у вас... — маг сразу же исправился, — у тебя есть серебро или золото, я могу их купить, — предложил Леон.

— Серебро есть, — улыбнувшись злорадной улыбкой, сказал Лозарг и протянул из-под балахона руку с, зажатыми в ней, драгоценностями из серебра.

Глаза чернокнижника вспыхнули.

— Вор, — догадливо сказал он громким шёпотом и сразу же оборонительно расставил руки, — я буду молчать, — и он снова обратился к драгоценностям, — сколько серебра, — радостно восхищался Леон, и уже собирался взять один перстень, но Лозарг внезапно спрятал руку под балахон.

— Давай плату, — сказал вор.

— Ах, ну да, конечно, — Лафар вытащил из-за склянок кошель, — вот. Столько хватит?

— Хватит, — Лозарг взял кошель и протянул драгоценности, — зачем тебе столько серебра? — заинтересовался он.

— Я хочу создать философский камень, — похвалился Леон, — и по моим убеждениям, чтобы превращать любой металл в золото или серебро, камень должен иметь в своём составе и то, и другое.

Лозарг не воспринял всерьёз стремления мага, но не подал виду.

— А откуда ты берёшь столько денег?

— Я нахожусь под покровительством одной аристократической семьи, которая верит в меня и в мои силы, а потому охотно даёт мне деньги на скупку драгоценностей.

— Я думаю, мне пора, — собрался уйти вор.

— Постой, — остановил его маг, — как твоё имя?

— Я — Лозарг. Сын вора.

— Я хочу тебя кое о чём попросить: как только у тебя появится ненужное золото или серебро — приноси его мне. Взамен — достойная плата.

— Хорошо. Я согласен, — Лозарг вышел.

С этого дня он стал приносить Леону все краденые драгоценности. Позднее, их отношения переросли в дружбу.

После первой воровской ночи, Лозаргу приснился необычный сон. Ему снилось, что он стоит посреди убежища Братства, перед статуей феникса. Сверху всё так же сыпались лепестки роз. И откуда-то послышался громкий шепчущий, со звонким эхом, голос отца: «Мой сын, ты — вор...»

Лозарг проснулся весь в поту, и тяжело дыша. На его лице был лёгкий испуг и недоумение. Вор понял, что это был сон и лёг досыпать.

Весь день он провёл в бесполезных скитаниях по городу. А ночью принялся за своё ремесло. Он влез к тому же самому человеку, что и прошлой ночью. Но Лозарг опоздал — его кто-то опередил. Кто-то уже обыскивал комнаты. Это был Жан Бастьен. Лозарг тихо крался по мягкому ковру, который глотал шум шагов. Бастьен почувствовал, что кто-то приближается и испуганно обернулся.

— Т-с-с-с, — Лозарг приставил палец к губам. Из-за своего балахона он выглядел устрашающе.

— Что ты здесь делаешь? — возмущённо прошептал Жан, — я первый сюда залез, ищи себе другое место.

— Предлагаю вот что: выносим отсюда всё, что сможем, а потом поделим пополам. Идёт?

— Идёт, — согласился Бастьен.

Воры обыскали почти каждый уголок и вынесли все драгоценности, что смогли. Но помимо всего прочего, Лозарг захватил две книги. На одной было написано: «Сущность философского камня», а на второй «Malleus Maleficarum». Обе книги он взял для Леона.

— Иди за мной, — сказал Жан, когда воры вышли на улицу.

Он привёл Лозарга на тот чердак, где был арестован Орден Феникса, и где процветёт иное братство. Чердак был ещё голым и пустым. На полу лежали лишь старые изорванные тряпки, которые, судя по всему, были постелью Жана. Его одежда не сильно отличалась от них. Серая рубаха была почти полностью покрыта кривыми и неровными швами. Зеленовато-коричневый сюртук походил на болотную тину, висящую на рубахе.

— Не плохое местечко, — одобрил Лозарг, войдя на чердак.

— Я здесь живу.

Воры присели на тряпки и поделили украденное.

— Может будем работать вместе, — предложил Лозарг.

— Было бы не плохо, — заинтересовано ответил Жан.

— Как твоё имя?

— Жан. Жан Бастьен, — протянул руку тот.

— Я — Лозарг, — пожал её будущий лорд, — если будем работать вместе, придётся раздобыть тебе другую одежду.

— Ты знаешь где?

— Да. Я достану её. А пока её будут готовить, мы займёмся обустройством этого чердака и сделаем из него достойное убежище для целого братства.

— Какого братства? — удивился Жан.

— Братства воров, которое мы создам.

— А где я буду жить?

— Ты будешь жить, как и я — в подвале, который мы тоже обустроим.

— Хорошо.

За год к ним присоединились ещё одиннадцать человек и ещё за год братство обустроило этот чердак на подобию роскошного аристократического дома.

Днём Лозарг понёс партию драгоценностей в лавку к Лафару.

— Ещё больше, чем вчера, — удивлялся чернокнижник, — отлично! вот твои деньги.

— У меня есть ещё кое-что для тебя, — Лозарг достал две книги.

— Давай-ка посмотрим... «Сущность философского камня»... это интересно... «Молот ведьм»... непонятные люди эти инквизиторы, — усмехнулся Леон, — учёных к колдунам приравнивали... я возьму у тебя эти книги. Вот деньги.

— Не надо, отказался Лозарг, — бери так. Книги ведь не серебряные, — сказал он, улыбнувшись, и вышел.

После обустройства убежища, воровское братство процветало до тех пор, пока их предводитель Лозарг не встретил прекрасную парижанку Елену, приехавшую в Сент-Этьен без какой-либо причины и цели. После их знакомства, Лозарг стал реже появляться в братстве и стал реже видеться со своим лучшим другом Бастьеном.

Елена Франц была дочерью одного из лучших кузнецов не только Парижа, но и всей Франции. Она отреклась от всего, только ради того, чтобы быть с Лозаргом. Даже согласилась жить воровской жизнью, но она даже не могла подумать, что её возлюбленный станет оборотнем, хоть и обещала любить его, кем бы он ни был.

Глава XIII. Часть I

1849 год

За эти пять лет многое изменилось. Братство вервольфов выходило на жатву только раз в три полнолуния, что очень сильно злило Люцифера. При чтении Еленой Библии, кровь перестала идти из ушей Лозарга и слова Писания больше не обжигали его слух. А два года назад умер старик Фелипоне. На его похоронах присутствовал и Лозарг. Весь город, как и прежде, дрожал в страхе перед оборотнями.

Глава XIII. Часть II

Этой ночью Елене приснился кошмарный сон, и снится он ей уже целую неделю. Это обеспокоило её, и Елена решила сходить к прорицательнице.

— Интересно... — удивилась Хлоя, услышав сколько дней подряд снился сон, — рассказывай.

— Я даже не знаю как это объяснить... Там человек сгорел... Он вошёл в птичье гнездо и сгорел, а потом появился снова... из огня...

— Я даже не знаю, что сказать... — сибилла притворялась, — ты узнала кого-нибудь в том человеке?

— Нет. Он был без лица.

— Зайди в другой день, — попросила Хлоя, — я сегодня не в силах.

— Я зайду завтра, хорошо?

— Да, завтра подойдёт.

Уже вечерело. Елена вышла от прорицательницы и глубоко вдохнула. Мысли о сне так и не покидали её. Сивилла специально не истолковала сон, потому что знала — Елене его значение знать не нужно. Елена присела на лавочку возле входа к прорицательнице, и погрузилась в свои раздумья. Едва достающие лучи солнца покрывали блеском её чёрный кожаный жилет, который был подобием того, что у Лозарга, как и вся её одежда. Через несколько минут в этот задворок забрёл какой-то воришка. Увидев Елену, он сразу же достал из ножен кинжал и пошёл прямо на неё.

— Что тебе нужно? — испуганно спросила Елена.

Тот лишь скалился в ответ беззубым ртом. Когда он подошёл близко, с боку с молниеносной скоростью, с рёвом выскочил оборотень и съёл злодея. Перед глазами Елены промелькнуло что-то тёмное и нападавший исчез. Чёрный, как ночь зверь мгновенно выгрыз сердце, и он больше не шевелился. Вервольф выпрямился и повернулся к Елене. Красные глаза сверкали. За два шага зверь оборотился в Лозарга.

— Как же ты меня напугал, — с облегчением сказала Елена, когда лорд подошёл к ней.

— Когда-то моя мать погибла от руки разбойника, а меня рядом не было. И я не могу допустить, чтобы это же случилось и с тобой. Второй такой смерти я не переживу.

На следующий день Лозарг отправился к Леону. Стук в дверь. Лафар открыл дверь.

— Лозарг? — удивился он и обнял своего товарища, — рад тебя видеть!

— Я тоже, — входя и улыбаясь, ответил вор.

— Куда же ты пропал? Я не видел тебя пять лет, — мягко выговаривал лорда Леон, — тебя не было в городе или ты забыл путь к моей двери? или ты меня забыл? — Лафар убирал со стола не нужные бумаги и рассовывал их по щелям в шкафу.

— Извини, Леон. Я все эти годы думал о другом, — наблюдал вор за суетой товарища, — и думы не покидали меня.

— Ты всё ещё не веришь в Бога? — Лафар полностью расчистил стол.

— Ах. Леон, — вздохнул лорд, — я уже ни во что не верю, — уныло отвечал он, — мне кажется, что я пытаюсь обмануть самого себя, доказывая себе отсутствие высших сил...

— Помнишь, о чём ты попросил меня пять лет назад?

— Нет.

— Ты попросил доказать тебе существование Бога. И я все эти годы искал ответ на этот

вопрос. Перерыл горы книг. Вот, что я выискал, — чернокнижник положил на стол перед Лозаргом пачку исписанных листов, и взял один из них, — доказать существование Бога пытались многие, к примеру, Фома Аквинский. Есть разные доказательства, но некоторые из них заставляют задуматься. Самое интересное — это серебро.

— Серебро? — удивился Лозарг.

— Да, серебро. Как известно оно убивает бесов, демонов и прочую нечисть. Но почему именно серебро? На обычных людей оно не действует, а только на тех, кто продал душу дьяволу. Хотя я и служу ему, но души не продавал и серебро навредить мне не может. Я очень хорошо его изучил, работая над созданием философского камня, и ничего особенного в нём не нашёл.

— Так почему оно действует на тех, кто продан сатане?

— Потому, что серебро — проклятье для проклятых. Искарриот предал Христа на смерть за тридцать серебряников и с тех пор серебро — это путь к смерти для подобных Иуде, ведь он удавился после этого, а Христос воскрес. Ни один слуга дьявола не отражается в зеркале, потому что зеркало сделано из серебра и поэтому оно убивает отражение. Помимо серебра, на нечистых действуют все христианские реликвии. К примеру, крест или распятие. И ни один талисман, амулет или тотем не может погубить сынов сатанинских, а только реликвии.

— Так значит, Бог — есть?

— Да, Лозарг, Бог существует.

— Мне кажется, что ты меня убедил.

— Подожди. Я нашёл ещё кое-что интересное, но это не относится к твоему вопросу.

— И что же?

— Ты когда-нибудь слышал о жеводанском звере?

— Нет. Это оборотень?

— Неизвестно оборотень это был или нет, но его сгубила именно серебряная пуля, в то время как обычные его не брали.

— Это было давно?

— Да, очень.

— И ты хочешь сказать, что этот зверь от дьявола?

— Может быть. Он нападал на людей, когда рядом находилось целое стадо добычи.

Многие думали, что это кара Господня.

— Я пойду. Хватит с меня этих разговоров. Голова кругом идёт. До встречи.

— Старайся заходить почаще, чем раз в пять лет.

— Я попробую, — усмехнулся лорд.

Идя по улице, Лозарг случайно услышал, как кто-то из людей сказал слово «феникс». Оно сразу же ужалило память вора и перед его глазами проплыло Братство и отец. Лорд больше не мог этому сопротивляться, и он решил вернуться к отцу. Он остановился на пол пути и повернул назад. Пройдя по знакомому маршруту, Лозаргу спустился в подземелье. Всё было открыто, на дверях не было ни одного замка. Орден как будто знал, что Лозарг вернётся, вернётся воров. В подземном дворце ничего не изменилось. Вокруг статуи феникса, как маленькие лодочки, так же плавали лепестки роз, а сверху сыпались новые. Стояла гробовая тишина и сквозь неё послышался голос Гаспара, громкий, с эхом:

— Маленький мальчик вернулся мужчиной, — громко шептал он.

Лозарг увидел, что слева от него, за колонами по воздуху плывёт серый дымок. Очередная колона заградила его и из-за неё пошёл густой дым, из которого вышел Гаспар.

— Блудный сын вернулся, — улыбаясь и простирая руки для объятий, сказал он.

Лозарг сделал несколько шагов навстречу отцу и рухнул на колени.

— Прости. Я виноват, — говорил он, и по его лицу сбегали слёзы, но под капюшоном их не было видно.

— Встань, встань, — стал поднимать сына Гаспар, — и всё же дар наш — не забыт, — заметил он по одежде Лозарга, который поднялся с колен, — мой сын — ты вор, — он обнял лорда.

И тут Лозаргу вспомнился тот далёкий сон.

— Прости, что винил тебя в смерти матери. В этом виноват был я.

— Ты виноват, или я... — её уже не вернёшь, — грусть хлынула на лицо Гаспара, — и откуда ты узнал, что я бессмертен? — после паузы спросил он с удивлённым любопытством.

— Матан рассказывала, — улыбнулся Лозарг, — когда мы гуляли с ней. Она говорила, что ты вечен, а почему не сказала, но я теперь знаю.

— Ведь ты — волк?

— Да, отец.

— Так зачем ты пришёл?

— Получить то, что когда-то отверг... — твои дары, то тайное знание.

— Я дам тебе то, что ты хочешь, но сначала выполни мою просьбу.

— Какую?

— Перед тем, как мы ушли в подземелье, нас предали. Нас предал Артур Левен, который был первым в Ордене после меня. Когда нас арестовали, он сбежал в Лугдунум, где у него были большие сбережения. Но я отомстил ему, а его деньги и драгоценности должны были достаться Луизе Лефевр, дочери кузнеца, в которую он был влюблён. И я хочу, чтобы ты отправился в Лугдунум и проверил, забрала ли Луиза сбережения или нет. Его дом находится возле Розовой башни. Квартира на третьем этаже. На двери начертание феникса.

— Хорошо, я всё узнаю.

— Лозарг, — окрикнул его Гаспар, — я рад, что ты вернулся.

Лорд с улыбкой кивнул и ушёл. Сразу из убежища он отправился к Бастьену.

— Здравствуй, Жан.

— Ах, это ты, — обернулся он, — здравствуй, здравствуй.

— Есть одно дело...

— И что за дело?

— Нужно отправиться в Лион, и кое-что проверить. Это длинная история, поэтому обойдёмся без подробностей. Ты со мной?

— Конечно, — не думая, ответил Бастьен, — к тому же, я никогда не был в Лионе. Только слышал рассказы о Празднике Света и двух реках-сёстрах.

— Отправляемся завтра на рассвете.

— Я готов отправиться хоть прямо сейчас.

— Это хорошо, — засмеялся Лозарг, — до встречи.

Едва солнце выглянуло из-за крыш домов и разлило свои ярко-золотистые лучи по улицам, как из города Святого Стефана выехала карета.

— Ты говорил, нужно что-то проверить? — интересовался Жан.

— Да. Квартиру в одном доме.

— Мы не сможем задержаться в Лионе на несколько дней?

— Конечно сможем, — одобрительно отвечал Лозарг.

— Хочется чего-то нового. Сент-Этьен я уже весь исходил. В нём всё так обыденно и привычно, что аж порой тоска находит.

— Я тебя понимаю. Мне тоже иногда хочется побывать в других городах, но только лишь для того, чтобы понять — лучше города, в котором ты родился, нет.

Дорога показалась мучительно длинной. Деревья медленно уплывали назад, а вороньё лениво копошилось в своих гнёздах, которыми были усыпаны все кроны. Долгое и невыносимое молчание нарушил Лозарг.

— Ночевать будем в подвалах и на чердаках? — спросил он.

— А у нас есть выбор? — удивлённо улыбнулся Бастьен.

— Выбор есть всегда, только не всегда он удовлетворяет того, кто выбирает.

— Это верно.

Приезд в новый город вызвал у Жана бурю эмоций.

— Это город богов, — говорил он, восхищаясь городскими строениями, — и здесь живут боги и богини.

— Мне кажется — ты преувеличиваешь.

— Вовсе нет. Это так и есть. Этот город очень прекрасен. Я бы остался здесь навсегда...

— Зачем тебе это?

— Мне здесь нравится. Этот город веселит моё сердце.

— У меня дурное предчувствие, Жан, — настороженно сказал Лозарг.

— Да брось ты, — продолжал любоваться городом Бастьен, — что может случиться плохого в таком городе?

— Надеюсь — ничего.

— А я знаю, что ничего плохого не случится, — утверждал Жан.

— Ты не забыл, что через четыре дня полнолуние? — напомнил лорд.

— Ах, да, — опомнился Бастьен, — время жатвы?

— Да. Мы уже давненько ничего такого не делали. Нужно собрать немного душ.

— Хорошо. Сделаем. Но ведь это взбудоражит весь город.

— Это уже не наше дело. Пусть боятся. Больше людей будут носить кресты, а значит нам придётся меньше убивать. Разве это плохо?

— Это очень даже хорошо. Знаешь, мне порой бывает жалко их, — сожалеюще сказал Жан.

— Лозарг... — слышался откуда-то из-за спины шепчущий голос Люцифера, напоминающий эхо воспоминаний.

Лорд остановился и обернулся, но никого не увидел.

— Иди, я догоню тебя, — сказал он Бастьену.

Когда тот отошёл, перед вором из потока толпы возник Люцифер.

— Через четыре дня будет хорошая ночь, — злобно улыбался он.

— Такая же, как и все предыдущие, — равнодушно возражал лорд.

— Нет, ты ошибаешься. Эту ночь ты будешь помнить ещё очень долго. И день, которой наступит после неё.

— Что ты задумал? — нахмуясь спрашивал Лозарг.

Дьявол засмеялся.

— Ничего хорошо. До встречи, — он растворился в толпе, — береги себя, — послышалось из воздуха.

Вор что-то заподозрил, но раздумывать над этим не стал и бросился догонять Бастьена.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, всё хорошо.

— Смотри, — Жан остановился и указал куда-то в толпу.

— Что там? — пытался разглядеть Лозарг.

— Да нет же. Вон, — Бастьен указал на девушку, стоящую возле булочной и разговаривающей со своей знакомой. Её белокурые, с золотистым отливом, волосы прикрывали не большой вырез на груди. Милое округлое личико украшали тоненькие алые губки. В карих глазах отражался город, — она прекрасна, — восхищаясь, говорил Жан.

— Вот ты о чём, — Лозарг увидел, что показывал ему товарищ, — так что ж ты медлишь?

Бастьен собрался сделать шаг, но лорд остановил его:

— Найдёшь Розовую башню. Встретимся вечером на её крыше.

— Хорошо, я понял.

Бастьен подошёл к той девушке. Его появление вызвало у неё улыбку. Он что-то говорил, а улыбка не сходила с её лица. Потом Жан протянул ей руку, и они неспешно пошли смотреть город, но Лозарг этого уже не видел. Он направился в квартиру Артура. Как и сказал ему отец, в доме, возле Розовой башни, дверь в одной из квартир на третьем этаже была с начертанием феникса. Лорд вошёл в неё. Комнаты были пусты — никого не было. В одной было открыто окно. На столе стояла свеча, а рядом возле стены лежали две кучки пепла — это был прах Артура. В одной из комнат стоял настежь распахнутый шкаф, рядом с которым лежали несколько монет. Лозарг понял, что в этом шкафу были сбережения Левена, и их забрала Луиза. Вор решил, что здесь можно пожить во время пребывания в городе. Он покинул квартиру и решил прогуляться по Лиону. К вечеру вор взобрался на крышу Розовой башни и стал ждать Бастьена. Жан явился, когда начинался закат.

— Как твои дела? — спросил Лозарг.

— Всё превосходно, — радостно ответил Бастьен.

— А что с девушкой?

— С ней всё хорошо. Её зовут Женевьёва Валён и она не замужем. Пригласила меня к себе — завтра к полудню.

Розовые лучи солнца окрашивали бледные лица двух воров, сидящих на крыше, в румяный цвет. Отсюда открывался вид на весь город.

— Никогда не устану им любоваться, — говорил Жан.

— Я знаю, где мы переночуем, — Лозарг отвлёкся от своих размышлений.

— И где же?

— В этом доме есть пустая квартира. Нам двоим там места хватит.

— Вот и хорошо.

Когда наступила ночь, вору спустились с крыши. На утро они разошлись и не виделись до вечера — и так до того нехорошего дня.

За день до полнолуния Лозаргу снова явился Люцифер.

— Ты помнишь, что́ завтра? — спросил он, садясь на лавочку рядом с вором.

— Такое забудешь, — угрюмо ответил лорд.

— Только в этот раз всё будет немного по-другому. Вы должны будете выйти на жатву не в полночь — как обычно, а тогда, когда я вас призову.

— И когда же это произойдёт?

— Может раньше полуночи, может позже. Вы сами всё поймёте.

— Нельзя как обычно? — возмутился Лозарг.

— Нет конечно, — по лицу дьявола скользнула злая улыбка.

— И зачем я только с тобой связался, — возмущался лорд.

— Об этом нужно было думать раньше... — сказал из воздуха сатана, — а сейчас уже поздно.

Настал четвёртый день. Этой ночью будет полнолуние.

— Не забудь, что сегодня жатва, — напомнил Лозарг уходящему Бастьену.

— Да, я помню.

Но лорд ничего не сказал Жану из того, что ему говорил Люцифер. Он даже не подумал об этом, и рассчитывал, что его друг вернётся как обычно — за час до полуночи. Но он ошибся — Бастьен не пришёл. До жатвы осталось около четверти часа, и тут Лозарг вспомнил, что не предупредил Жана. Он осознал глупость своего поступка и стал метаться по комнате, пытаясь придумать, как всё исправить. Стрелка перевалила уже за двенадцать, но всё ещё ничего не происходило. Спустя ещё два часа, Лозарг заметил, что стал медленно превращаться в волка. Его кожа лениво и неспешно покрывалась шерстью, одежда исчезала, менялось тело. Лорд, даже при всём своём большом желании, не смог ускорить этот процесс. С Бастьеном происходило то же самое. Он был в постели с Женеьевой. Её руки лежали на плечах вора.

— Жан, что с тобой? — вскрикнула она от испуга, — у тебя на плечах шерсть, — а глаза красные и светятся, — заметила она, и на неё стал находить страх.

Бастьен встал с постели и потрогал свои плечи — они постепенно покрывались шерстью бледно-серого цвета.

— Что происходит? — спросила она, едва не плача от страха.

— Чтобы ты сейчас не увидела — не кричи и не бойся. С тобой всё будет хорошо, — напутствовал Бастьен.

— Я не понимаю, Жан, — кричала она сквозь слёзы, — кто ты?

К этому моменту всё тело Бастьена полностью покрылось шерстью. Начали появляться когти. Человеческая голова переходила в волчью. Тело стало больше. В глазах Женеьевы был кричащий ужас, а из уст — ни звука. Она прикрывала свой рот руками. От страха сердце билось невероятно быстро. Слёзы безмолвно стекали одна за другой, обжигая нежные щёки.

— Я — вервольф, Женеьева, — прорычал Бастьен, когда превращение закончилось.

— Господи! Жан... но почему?..

— Ты ведь не оставишь меня? — с надеждой спрашивал оборотень.

— Прости, Жан, но я не могу любить волка, — не сдерживая слёз, говорила она.

— Я опять стану человеком...

— Но в душе ты так и останешься зверем.

Бастьен видел перед собой чистую и ни чем не осквернённую душу, и понимал, что она никогда не будет ему принадлежать. Взревев, вервольф выпрыгнул в окно. Через мгновение послышался жуткий волчий вой. Лозарг услышал его и, бросив жатву, бросился на звук. Жан тоже шёл ему навстречу.

— Почему ты мне ничего не сказал? — досадно спрашивал, рычащим голосом, Бастьен, подходя к лорду.

— Прости, я забыл.

Подойдя, Жан толкнул Лозарга что было силы. Тот, перевернувшись несколько раз, отлетел и упал.

— Ты забыл? Ты понимаешь, что ты наделал? — ревел Бастьен, стоя над встающим лордом, — я ей теперь не нужен! Она не может любить зверя!.. Почему ты не остановил меня утром?! Почему?!

— Я напомнил тебе...

— Ты должен был предупредить меня, что всё будет так!

— Если бы я тебя предупредил, было бы ещё хуже — Люцифер попробовал бы убить её.

Он мстит нам...

— За что? — недоумевая, спрашивал Жан.

— За меня...

— Во что ты нас втянул?.. — расстроено спросил Бастьен и бросился бежать. Перейдя в галоп, он сотрясал улицы. Всех, кто попадался ему на пути — убивал.

Лозарг бросился за ним. Жан, петляя по улицам, выбежал за город. Пробежав ещё, он остановился на холме, который был прямо напротив Лиона, а внизу протекала река Сона. Жан, остановившись, повернулся к Лозаргу. Первые лучи солнца били Бастьену в спину.

— Зачем ты бежал за мной? Оставь меня!

— Жан, перестань. Этого нельзя было избежать... — подойдя и выпрямившись, сказал лорд.

— Этого тоже...

— Что ты хочешь сделать? — удивился Лозарг.

Так же непроизвольно, воры вернулись в свой человеческий облик.

— Я больше так не хочу...

— Жан, это пройдёт.

Бастьен достал из сапога нож и приставил его к своему сердцу.

— Это бесполезно, — уговаривал Лозарг, — ты не умрёшь.

— Он серебряный... Я чувствую его жар.

— Не делай этого!..

— Велика цена, но того стоит...

— Зачем? — не понимал лорд.

— Ты молишься не тем святым, Лозарг, — загадочно сказал Жан, а затем, будто прозрев, добавил, — приблизилось Царство Божие, — и вонзил клинок себе в сердце.

— Нет, — вскрикнул Лозарг и, подбежав к Жану, схватился за нож. Зрачки Бастьена закатились и побелели, жилы проступили и почернели, упав, он покатился с холма в реку.

Нож остался в руках у лорда. Чёрная кровь с лезвия стекла в землю. Упав в Сону, тело понесло течением. Внезапно перед ним образовалась воронка, и когда труп Жана попал туда, в воде вспыхнуло пламя и, потухнув, исчезло вместе с воронкой. Над рекой поплыл небольшой, но очень чёрный дымок.

А здесь, на Старом Форуме, где пролилась кровь Бастьена, через много лет будет церковь.

Глава XIII. Часть IV

Сразу, после смерти друга, Лозарг решил вернуться в Сент-Этьен. Нож, которым Жан убил себя, он выбросил в Рону.

— Я всё узнал, отец.

— И что там?

— Все комнаты пусты. В одной две кучки пепла, а в шкафу валяются несколько монет.

— Значит, Луиза когда-то всё забрала...

— Ты обещал дать мне тайное знание.

— Да, Лозарг, — радостно улыбнулся Гаспар, — а ведь двадцать лет прошло... Ну что ж... время пришло. Идём.

Они пошли в хранилище тайн Ордена.

— Когда мой учитель покинул этот мир, — повествовал Гаспар, — он оставил мне кувшин со специальной жидкостью и около двадцати пустых флаконов. Мне удалось наполнить только восемь — остальные обратились в пепел. Эта жидкость открывает путь к тайному знанию. Мне удалось найти лишь семь человек, достойных его принять. Один из них нас предал. И у меня остался один флакон, но я не мог найти достойного человека. Только потом я понял, — Гаспар начал открывать вторую дверь в хранилище, которая была закрыта на семь замков и двенадцать засовов, — этот флакон для тебя, — он открыл дверь. За ней была тёмная комната. Двадцать четыре свечи освещали её тусклым красным, как кровь, светом. В центре стояла большая неглубокая чаша, на ножке не выше человеческого колена. В чаше было вино.

Гаспар закрыл дверь и, подойдя к чаше, достал со дна пузырёк с синей жидкостью.

— Это слёзы феникса, — протянул он флакон Лозаргу, — выпей.

Лорд выпил. От сладкого до тошноты напиток у него помутнело в глазах, но он даже не пошатнулся. Гаспар взял свечу и поджёт вино.

— Войди в огонь, — сказал он.

Лозарг без лишних вопросов послушно вошёл в пламя. Глубина чаши была всего по щиколотку. Холод, веявший от огня, леденил душу лорда. С ним произошло то же, что и со Стефаном, Гаспаром, Артуром и всеми остальными: он превратился в золу и рассыпался на искры, а затем воплотился перед чашей.

— Помни, — сказал Гаспар, — восставший из пепла в пепел и обратится, — он достал из пылающей чаши медальон из белого золота с начертанием феникса и протянул его Лозаргу, — ты исцелён — теперь тебе серебро не страшно.

— Это знание передаётся с кровью?

— Нет. Только через слезу феникса. Ступай.

— Надеюсь, что я ещё вернусь сюда, — обернувшись, сказал лорд.

— Я тоже, — улыбнулся Гаспар.

Несмотря на получение даров отца, Лозарг шёл с грустью по ночному городу. Шёл на собрание своего братства. Воры на чердаке пировали, когда лорд вошёл с поникшим лицом. Увидев своего предводителя в таком состоянии, братство утихло в удивлении.

— Наш брат Жан Бастьен — мёртв, — выдавил из себя Лозарг. Воры начали переглядываться.

— Неужели это правда? — не мог поверить Бюжо.

— Да, Морис, Жан действительно мёртв, — подтвердил лорд.

— Как же это произошло? — спросил Вальян.

— Он сам убил себя... — воры ахнули, — серебряным ножом. Он умер в Лугдунуме и упал с холма в Сону.

— Зачем он это сделал? — удивлялся Артур.

— Его возлюбленная узнала, что он — вервольф.

— И что нам теперь делать? — растерянно спросил Боссá.

— Нам в братство нужен новый человек, — заявил Лозарг.

— У меня есть один на примете, — сразу же отозвался Жерар.

— Его нужно проверить. Будет ли он верен нашему братству?

— Лозарг, в его верности можешь не сомневаться, — заявил Деко.

— И чем она доказана?

— Он едва не погиб сам, пытаясь спасти меня, когда я тонул в реке с полным мешком драгоценностей на спине. И он вытащил меня.

— Давно это было?

— Недели три назад.

— Ну хорошо, — согласился Лозарг, — приведёшь его завтра на смотр. Посмотрим, чего он стоит.

— Будет сделано, — кивнул Жерар.

Прямо с утра Деко привёл своего знакомого в братство. Это был парень лет двадцати девяти, внешне похожий на испанца. Неухоженные, средней длины, тёмные волосы нависали на лицо, которое покрывала щетина. От левой брови до щеки был уродливый шрам. Посеревшая, вся в пятнах, белая рубаха висела на нём как балахон. Лозарг сидел на стуле перед столом, сложив руки.

— Как твоё имя? — спросил он.

— Эктор Дюкрé, — ответил юноша.

— Прежде, чем я приму тебя, ты должен доказать свою верность братству.

— Я готов, — ревностно сказал Эктор, — что нужно сделать?

— Пробей ножом свою руку, — улыбаясь, приказал Лозарг.

Ни секунды не раздумывая, Дюкре выхватил из-за пояса свой нож, положил левую руку на стол и хладнокровно пробил её. Нож вонзился в стол. Лицо — без эмоций, из груди — ни звука. Кровь потекла из раны, омывая ножки чаш и кубков.

— Хорошо, — одобрил Лозарг, и Дюкре вынул нож из своей руки, — ты принят. На рассвете ты будешь посвящён. Жерар, предоставь новобранцу подобающую одежду и перемотай ему руку.

— Сейчас, — сказал Деко.

— Пока ты свободен, но до рассвета должен быть здесь.

— Хорошо, — кивнул Эктор.

Ночь нахлынула и поглотила город. Тьма разлилась по безлюдным улицам. Всё братство было в сборе и ожидало новобранца. Долго ждать не пришлось. Дюкре пришёл уже одетый в чёрную воровскую одежду из кожи. Волосы были расчёсаны и сплетены. Лицо и щетина будто стали чище. Левая ладонь была перемотана белой тряпкой, на которой засохла проступившая кровь.

— Проходи, Эктор, — пригласил Лозарг, сидящий во главе стола и спиной к окну, — ешь, пей с нами.

Дюкре сел в другом конце стола на против лорда и спиной к двери. Воровское пиршество длилось всю ночь.

— Рассвет уже близко, — заметил Лозарг, — пора, — он встал и всё братство сделало то же самое, — Эктор Дюкре, ты уверен, что хочешь связать свою жизнь с нашим братством и провести с ним целую вечность?

— Да, — твёрдо ответил новобранец, хотя слово «вечность» его смутило.

— Тогда повторяй за мной: клянусь, быть верным братству до последнего издыхания...

— Клянусь, быть верным братству до последнего издыхания.

— ...клянусь беречь все его тайны и чтить законы...

— Клянусь беречь его тайны и чтить законы.

— ...если я преступлю клятву...

— Если я преступлю клятву...

— ...да буду безвозвратно ввергнут в адское пламя.

Лозарг подошёл к Эктору.

— Возьми кубок с вином, — Дюкре взял золотую чашу, наполненную почти доверху. Лозарг взял со стола фигурный нож и, держа правую ладонь над кубком, порезал её: чёрная кровь лорда потекла в вино. Оно почернело. Лозарг убрал руку и обернувшись, посмотрел в окно. Через несколько секунд показался край солнечного диска, — пей, — скомандовал лорд и Эктор осушил кубок, — чувствуешь?

— Что это? — Дюкре посмотрел с удивлением на повреждённую руку и снял повязку — раны не стало.

— Теперь ты член нашего братства. Ты — вервольф. Остерегайся церкви. Остерегайся креста и крестного знамения. Остерегайся серебра и Библии, ибо это всё может погубить тебя... Не воруй у бедных, воруй у тех, кто сам у кого-то украл. Не убивай праведников и детей. И никогда не предавай братство.

— Я могу превращаться в волка?

— Да — сколько пожелаешь и когда пожелаешь. Первый раз будет трудно, потом — легче.

— И как мне это сделать?

— Нужно просто этого пожелать...

— Хорошо. Я опробую это как-нибудь в другой раз.

— Если хочешь, можешь остаться здесь, в убежище, — предложил лорд, — ведь это и твой дом тоже.

— Пожалуй, я останусь...

— Мне нужно удалиться, — Лозарг вышел.

С этого дня воры стали называть себя Братством Проклятых.

Выйдя из убежища, он направился к прорицательнице. Солнце уже висело над сонным городом.

— Куда собрался? — послышался голос дьявола, который улыбаясь, сидел на лавочке.

— Люцифер, ты знаешь будущее? — лорд подошёл ближе.

— Да, но людям в него лучше не заглядывать. Если человек узнаёт своё будущее, он лишает себя его. Ведь если бы ты знал, что станешь волком, то стал бы ты со мной разговаривать? А это твоё будущее, и если бы ты об этом знал, то лишил бы себя его... Я знаю будущее, но, увы, не всё. Мне известны только отрывки из очень далёкого будущего, когда тебя уже не будет...

— А что будет? — нетерпеливо спросил Лозарг.

— Будут две империи, враждующие между собой. Их правителями будут, сыновья одного отца и одной матери, но один из них падёт.

— Какой?

— Старший... Довольно. Не стоит смотреть в будущее.

— И всё-таки я загляну в него, — лорд отправился дальше.

У входа к прорицательнице его ждал Люцифер.

— Я пойду с тобой, — сказал он, вставая с лавочки.

— Зачем тебе это? — удивился вор.

— Так надо. Идём.

Они вошли.

— Здравствуй, Лозарг, — приветствовала сибилла, — почему ты так долго? и зачем ты этого с собой привёл? — кивнула она на дьявола.

— Он сам пришёл.

— И, по-твоему, она — предсказательница, — усмехнулся сатана, — она же шарлатанка. Разве ты не видишь? Она — суккуб — мой приспешник.

— О чём ты? — удивился Лозарг.

— Люцифер, — окликнула Хлоя, — что тебе нужно?

— Ты сама знаешь... — злая улыбка поползла по лицу дьявола.

— Ах, да, конечно... Ты всё об этом... Как же ты не поймёшь — тебе не получить мой дар.

— Тогда я заберу его силой, — пригрозил дьявол.

— Не ты его дал, и не тебе его забирать.

— Проклятая ведьма, — со злостью ругнулся Люцифер и испарился.

— Я слушаю тебя.

— Ты ведь знаешь, что я тебе скажу...

— Жан мёртв.

— Да.

— Следующий — Леон.

— Леон? Почему?

— Ты и сам это скоро узнаешь.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— Нет... это мой последний друг...

— В его смерти ты виноват не будешь.

— Даже это ни капли не радует.

— Недавно у меня была Елена. Ей снился целую неделю один и тот же сон о том, что человек сгорел в птичьем гнезде и возродился из огня... Я ничего ей не сказала. Сны слишком мучают; об их значении ей нужно знать меньше.

— Значит, сгоревший человек это — я?

— Верно.

Молчание.

— Хлоя, что мне делать? как остановить Леона?

— Даже не пытайся — это неизбежно. Ты не сможешь его отговорить или переубедить.

— Как он умрёт?

— Безболезненно и без страданий.
— Почему он решил умереть? — не понимал Лозарг.
— Леон сам тебе обо всём расскажет. Зайди к нему около семи и всё узнаешь.
— А если я зайду раньше?
— Твой друг умрёт в страданиях.
— Значит, у меня есть право выбора?
— Да.

— Я могу выбрать для кого-то смерть... А смогу ли я выбрать смерть для себя?
— Нет. Она уже предначертана и ожидает своего исполнения.

— И я не смогу её изменить?

— Чтобы ты ни делал, всё приведёт тебя к одному итогу.

— Время моей гибели тоже предначертано?

— Да. Строго в определённый срок и ни секундой раньше и ни секундой позже.

— Тогда мне терять нечего, — Лозарг выскочил из комнаты и сразу же побежал к Лафару.

Лорд ворвался в лавку и застал Леона с какими-то склянками в руках.

— Лозарг? — удивился он неожиданному визиту своего товарища, — зачем ты пришёл?

— Я пришёл остановить тебя.

— У тебя ничего не получится — яд почти готов, — уверял маг.

— Почему ты вдруг решил прекратить свой земной путь?!

— Я не могу так больше жить! — жаловался Леон, — я постоянно слышу голоса мёртвых, которых тревожил — они не дают теперь покоя мне, они проклинают меня. Я постоянно вижу уродливых демонов, которыми кишит весь город. Я вижу, как они толпами громоздятся на плечах людей; каждый стефануа усыпан ими. Эти демоны обволакивают и меня. Я чувствую их, ощущаю каждое их движение. Они тянут меня в ад — к себе, к их господину. Они искушают меня к смерти. Искушают так сладко и пленительно... Я не могу больше сопротивляться. Не могу так жить.

— Против них есть верное оружие. Разве ты забыл?

— Я не хочу сопротивляться. Не хочу бороться, — в голосе чернокнижника чувствовались усталость и унылость.

— Этот нож из серебра? — Лозарг указал на лежащий возле склянок.

— Да. Это на случай, если яд не подействует.

— Неужели ты не хочешь жить? — уговаривал лорд.

— Хочу, но не так, — Леон всё это время не прекращал готовить для себя яд.

— Ты в силах всё изменить... Ещё не поздно — одумайся!

— Нет, друг мой, уже поздно — яд готов, — Леон поднял пузырёк и собирался его выпить, — прощай Лозарг.

Едва Лафар начал движение руки, как лорд мгновенно выбил склянку у него из рук. Она разбилась, а яд пролился.

— Что ты наделал? — недоумевал маг.

— Я спас тебя.

Леон схватился за нож, но лорд попытался отобрать его. Завязалась борьба. В этой суматохе серебряный клинок был вонзён Лозаргу в печень. Лафар отшатнулся. У него на лице был испуг и ужас.

— Нет... нет... — шептал он вслух, тяжело дыша, — прости, Лозарг, — Леон взялся за

нож, чтобы извлечь его, но лорд схватил его за руку и не давал этого сделать.

— Мне серебро теперь не страшно, — прошептал Лозарг.

Чернокнижник резко дёрнул за рукоять и изверг нож из лорда. Чёрная кровь мгновенно впиталась, а рана зажила. Леон, попятившись, оступился и, упав поясницей на клинок, стукнулся головой о шкаф. Из головы потекла кровь, но Лафар был ещё жив. От удара с полки упала склянка с чёрной жидкостью и разбилась о лицо мага. Ядовитая смесь начала жечь его глаза, лоб и щёки. От лица пошёл дым. Леон кричал и, как змея, извивался от боли. Пол уже залило кровью. Смесь на лице Лафара загорелась и постепенно объяла всю голову и всё тело. Пламя поползло по шкафам. Спустя пару минут языки огня лизали всю лавку Леона. Лозарг выбежал оттуда. Наружу доносились душераздирающие крики чернокнижника. Лорд смотрел на это ужасное зрелище и кривился от боли, которою ему оно причиняло. Он увидел в двери Леона, идущего на улицу, и сделал шаг навстречу, чтоб попытаться его вытащить, но стоящая у порога банка со спиртом взорвалась. Пламя вспыхнуло наружу. Лорд отшатнулся. Издав последний крик, Леон Лафар упал на порог и умер, с серебряным ножом в пояснице, который расплавился от огня. Обгоревшая рука мага лежала слегка, выглядывая на улицу, а всё остальное тело лежало в лавке. Лозарг упал на колени и, закрыв лицо руками, заплакал, не выдержав боли. Пламя объяло ещё несколько этажей и несколько стоящих рядом домов. Всё сгорело, вместе со спящими жителями, но Лозарга здесь уже не было.

Сражённый утратой и уныньем, лорд брёл в свой подвал.

— Что произошло? — Елена заметила безрадостность своего избранника.

— Я лишился всех своих друзей, — слёзы едва не проступали на лице вора.

— Как?

— Жана привела к самоубийству его несчастная любовь, а Леона странные явления, связанные с демонами и дүхами. В обеих смертях виноват я.

— Почему? ведь они сами этого захотели, — Елена пыталась утешить его.

— Если бы я не сделал Бастьена вервольфом, он остался бы жив...

— А Леон?

— Леон хотел выпить яд и умереть безболезненно, но мои попытки его остановить привели к тому, что он умер в жестоких мучениях, и из-за этого погибли ещё люди. Если бы я не пришёл к нему, он умер бы без страданий и напрасных жертв удалось бы избежать.

Наступило молчание.

— Почему всё именно так? — никак не мог смириться Лозарг, — они нужны мне! Почему они умерли? почему их нет? Почему нельзя вернуть всё назад и изменить? — отказаться от разговора с дьяволом... — лорд закрыл лицо руками.

Елена присела рядом и обняла его.

— С этим можно только смириться, — сказала она.

Но Лозарг мириться не хотел. Боль жгла его душу. Он думал, что ему делать, как пережить такую утрату.

— Нет, Елена, с этим нельзя смириться, — говорил он, — ты просто не понимаешь. Я каждый день бродил по городу и хотя бы раз посещал Жана или Леона, а теперь их нет! Я остался один...

— Я с тобой, — прошептала Елена, пытаясь как-нибудь обнадежить лорда.

Через четверть часа вор уже снова входил к прорицательнице.

— Я же тебя предупреждала, — сибилла заметила угрюмый вид, входящего Лозарга, —

если придёшь раньше, он умрёт в страданиях.

— Ты обманула меня, — выдал лорд, — ты сказала, чтобы я зашёл вечером... но тогда Леон бы уже был мёртв, и я не узнал бы почему он хотел умереть.

— Если бы я сказала тебе, что он умрёт утром — ты бы не стал вмешиваться?

— Нет. Я бы всё равно пришёл к нему.

— Вот видишь...

— Скажи мне, кто следующий? кого я ещё потеряю?

— Тебе лучше этого не знать, — посоветовала сивилла.

— Я буду в этом виноват?

— Да. Поэтому мужайся — тебе предстоят великие страдания.

— Почему нельзя ничего исправить, изменить?

— Так должно быть...

— Я должен потерять всех дорогих мне людей? — возмутился лорд.

— Ничто не вечно, Лозарг...

— Что я наделал... — разочарованно сказал лорд и уткнул лицо в ладони.

— Ты сам поднял над собой клинок страданий.

Склонив голову в унынии, вор вышел.

Несколько дней лорд пытался осознать грядущие потери, скитаясь по шумному городу, который казался ему немым. Он смотрел людям в лицо, но ничего в них не видел кроме пустоты. Лозарг думал, что каждый из них может стать его жертвой в полнолуние, в ночь жатвы.

Прошло шесть дней, беспокойство лорда притихло. Вместо одной беды надвигалась другая — близилось полнолуние.

— Лозарг, просыпайся, — взывал знакомый голос, — довольно спать.

Вор открыл глаза и увидел перед собой, сидящего на кровати, Люцифера.

— Что тебе нужно? — удивился он.

— Скоро полнолуние, — улыбался дьявол.

— Да я знаю! Сколько можно мне об этом напоминать! — возмутился лорд.

— Только жатвы не будет...

— А что тогда?

— Я призываю тебя и твоё братство на служение мне в храме.

— Где он?

— Совсем рядом. Я укажу вам дорогу.

— И что это за служение такое? — смутился вор.

— Ты всё узнаешь... — сатана растворился как дым, — не торопи события...

Елена слышала весь разговор с самого начала. Она лежала, повернувшись к стене, и притворялась, что спит. Упоминание о храме вызвало у неё интерес. У Елены появилось желание посмотреть, как выглядит храм дьявола.

После визита Люцифера, Лозарг собрал братство и объявил ему, что в полнолуние они пойдут на служение.

— Люцифер призвал нас. И даже если нам этого не хочется, мы всё равно должны прийти. Ибо последствия нам не известны.

— Что нужно будет делать? — спросил Эктор.

— Я не знаю.

— Меня это пугает, — заявил Бюжо.

— Меня тоже, — добавил Лозарг.

— Так может лучше не пойдём? — предложил Босса.

— Нет, возразил лорд, — если не пойдём будет только хуже.

Вот и наступило полнолуние. Городские часы пробили одиннадцать. Братство воров шло на служение дьяволу, покрыв себя капюшонами. Тайно и незаметно за ними следовала Елена.

— Стойте, — скомандовал лорд, — теперь будем ждать — Люцифер должен указать нам дорогу.

— Идите за огоньком, — отозвался эхом шёпот дьявола и в воздухе появился небольшой раскалённый шарик — уголёк ада.

Воры пошли за ним. Пройдя несколько улиц, Братство Проклятых прибыло к храму сатаны. Все воры пришли в изумление. Перед ними было огромное строение, вознёсшееся почти до небес и напоминающее английское аббатство.

— Как такое возможно? — удивлялся Филипп, — ещё вчера здесь ничего не было.

— Невероятно, — восхищался Пикард.

Братство вошло внутрь. Храм был серым и мрачным. На прохладных стенах висели тусклые свечи. Воры прошли коридор и оказались в огромном зале. Пол был устлан бесцветными мозаиками, а стёкла окон были красными. Елена в зал входить не стала и

осталась в дверях, а Проклятые прошли на середину. Внезапно на полу появилось огненное кольцо, а в нём Люцифер в своём человеческом облики.

— Вот вы и здесь, — с улыбкой поприветствовал он воров, — я собрал вас для того, чтобы вы принесли мне жертву. И не те гнилые душонки, а чистую и белую душу. Так кто из вас принесёт мне жертву?

В этот момент воры оказались под воздействием какой-то силы и уже не могли себя контролировать.

— Я, принесу тебе жертву, — невольно сказал Лозарг.

Люцифер злобно улыбнулся и посмотрел на незваного гостя. Все воры, кроме лорда, обернулись. Дочь кузнеца хотела бежать. Лозарг стоял перед дьяволом, склонив голову и преклонив колени.

— Принеси мне жертву, — приказал он.

В мгновение ока лорд превратился в оборотня. На Люцифера смотрел ещё человек, но к Елене повернулся уже волк, скалящийся и ревуший. Она бросилась бежать. В коридоре была лестница, которая вела к выходу рядом с крышами соседних домов. Елена быстро взбежала по ней. Как только она прыгнула на крышу рядом стоящего здания, в узкую дверь врезался Лозарг, распахнув пасть. Лестницу он миновал одним прыжком. Одержимый целью, лорд разрушил дверной проём и побежал за Еленой по крыше, оставляя за собой вмятины.

Когда Лозарг выбежал из храма, Люцифер послал ещё двух оборотней ему на подмогу, все остальные стояли, преклонив свои головы перед дьяволом.

Елена бежала изо всех сил, перепрыгивая между крышами, и сама завела себя в тупик — крыша многоэтажного дома, ведущая на главную площадь, имела соседние здания только с восточной части, а с северной и южной здания были далеко. Елена остановилась и обернулась. Ужас овладевал ею всё сильнее. Оборотень приблизился к ней шагом и, постепенно выпрямившись, взревел и остановился недалеко от Елены. Постепенно рёв вервольфа перешёл в крик человека.

— Почему ты гнался за мной? — не могла понять Елена.

— Я ничего не мог с собой поделать. Мной как будто кто-то управляет... Мне тяжело сдерживать зверя внутри себя — он рвётся наружу.

— Ты должен убить меня? — догадалась Елена.

— Да, — угрюмо ответил Лозарг.

— А если не убьёшь?

— Он убьёт меня, всё моё братство и тебя... Почему ты стоишь?! Беги. Я не смогу долго сдерживать себя.

— Нет, Лозарг. Я не хочу, чтобы тебя постигла такая участь. Сделай, что хочет от тебя дьявол и сохрани себе жизнь, — попросила Елена.

Лозарг подошёл к ней.

— Я не хочу этого делать, — говорил он проводя руками по лицу Елены.

— У тебя нет выбора.

— Выбор есть, но я сделал его неправильно, — их губы слились в последнем поцелуе.

Лозарг обнял Елену.

— Я люблю тебя, — прошептала она на ухо, — и всегда любила... — слёзы бежали по её лицу.

Далеко на соседних крышах появились два оборотня и направлялись сюда. Город освещала полная луна. Часы пробили двенадцать. Лорд больше не мог сдерживать зверя —

он рвался слишком сильно. Лозарг закричал и этот крик сопротивления перерос в рёв оборотня. И вот уже через мгновение Елена была в руках вервольфа. Лорд держал её левой рукой, а правую медленно погрузил ей в грудь. По телу Елены пошли круги, как на водной глади. Дыхание замерло. Она пыталась в последний раз глотнуть воздуха, но уже не могла. Лозарг взял её сердце. По мглистой шерсти оборотня побежала чёрная слеза. Он медленно изверг руку из Елены. Её глаза навсегда сомкнулись, а хрупкое и незащищенное тело поникло в руках лорда. Вырванное сердце засветилось и рассыпалось на белые искорки, которые понеслись к звёздам. Лозарг запрокинул голову и завыл. Его вой пробудил многих горожан. Посланные Люцифером оборотни уже стояли у него за спиной. Вслед за сердцем рассыпалось и тело Елены, на такие же белые искорки, которые устремились за сердцем.

5 лет назад.

— Где ты была?

— Я ходила к прорицательнице, — ответила Елена.

— Зачем?

— Дурной сон мне приснился, хотела узнать, что он значит.

— И что же, узнала?

— Да. Это не добрый знак, — мрачно ответила Елена.

— ...что сказала прорицательница?

— Она сказала, что я умру от твоей руки.

— Этого не может быть, — возразил лорд.

— Я тоже не хочу в это верить... но она объяснила почти всё: тень с книгой — это ты.

Ты меня не слышал, потому́, что когда я говорила сжечь ту украденную книгу, ты отказался, а ведь именно она была во сне у тебя в руках. Бледный всадник — это смерть, а смерть принадлежит уделу дьявола, и во сне был именно он. Волк, вылезший из лужи — это новый ты, рождённый от гнилой крови. Другие волки — это твои последователи. Голос, просивший жертву, это голос дьявола. Прорицательница сказала, что ты принесёшь меня ему в жертву.

— Зачем ты забрал её у меня? — сквозь боль спросил Лозарг.

— Если бы ты выходил на жатву каждое полнолуние, этого бы не произошло, — лицо Люцифера было недовольным, — теперь ты проклят дважды. Ты будешь, страдая, жить до скончания веков, а после смерти подвергнешься истязаниям в огне, — человеческое обличие дьявола разорвалось и обнажило его истинный вид. Мускулистое тело, покрытое тёмно-серой кожей с зеленоватым оттенком, было препоясано одним лишь серым подорванным полотном. Длинные волосы исчезли. Над головой возвышались два больших загнутых рога. Глаза горели огнём ада. Из рта торчали два клыка. За спиной прятались два больших крыла, напоминающих крылья летучей мыши. На полу лежал заострённый, как наконечник стрелы, хвост. Дьявол взмахнул крылами и, пробив потолок, вылетел.

— Что теперь, Лозарг? — спросил Вьер.

— Возвращайтесь в убежище, — уныло отвечал лорд, не отрывая взгляд от пола.

— А ты?

— Обо мне не беспокойтесь. Меня не будет в братстве какое-то время. Передай всем — они уже ждут снаружи.

— Хорошо.

Несколько недель Лозарг провёл в своём подвале, не выходя. Он никак не мог

смириться со смертью любимой. Боль рвала душу на части. В сердце горела жажда возмездия. Ежеминутно он проклинал дьявола и тот день, когда принял его проклятые дары. Внутри лорда шла непримиримая борьба. Его мучал выбор, выбор того, как ему дальше жить и что делать. Выбор томил его, вынуждал, призывал не бездействовать. Лозарг вскочил с кровати и вышел из подвала. Он направился к прорицательнице. Не постучавшись, лорд ворвался в дверь.

— Хлоя, ты знаешь, зачем я пришёл.

— И всё-таки зря ты это затеял, — говорила она с прежней улыбкой.

— Что со мной будет.

Сивилла вздохнула и улыбка покинула её лицо.

— Ты будешь жив.

— Тогда ты знаешь, что я сделаю... — лорд направился к выходу.

— *Auguror nec me fallit augurium — historias tuas immortales futuras,* —

сказала ему вслед прорицательница.

Лозарг приостановился у двери и вышел.

Было раннее утро. Солнце лениво и неспешно поднималось над городом Святого Стефана. Всё Братство Проклятых собралось в убежище. Не было одного предводителя. Лорд вошёл спокойно, и молча сел за стол. Все замерли в ожидании, что скажет Лозарг.

— Братья! Приготовьте мне завтрак! Чтобы я ел и насытился, а после... — лорд сделал небольшую паузу, — я отправлюсь в ад!

Воры удивились и не поняли, о чём говорил их предводитель, но без лишних вопросов взялись выполнять его приказ.

После завтрака Лозарг вернулся в свой подвал. Он подошёл к сундуку и достал оттуда ключ необычной формы. Вор закрыл глаза и крепко сжал его в руке.

5 лет назад.

Когда Лозарг взял ключ, Люцифер подошёл к огромному окну, находившемуся за столом, и, сложив руки за спиной, стал любоваться своим городом. Возле двери, на вешалке висел точно такой же ключ, как и тот, что Люцифер дал вору. Бросив взгляд на сатану и убедившись, что тот ничего не видит, Лозарг схватил ключ с вешалки и сунул в запазуху.

Лорд вставил ключ, который ему дал дьявол, в замок и, провернув несколько раз, вытащил. Едва он переступил порог, как оказался в том же безлюдном переулке. За спиной у него была та же дверь с пентаграммой, но открыв её второй раз, Лозарг попал в чью-то кладовую. Ключ, который ему дал Люцифер, рассыпался в руках как песок. Но украденный был цел.

Полный решительности, Лозарг направлялся в тот переулок, где находилась дверь в город дьявола — Вавилон. Как и пять лет назад, она была заставлена, а пентаграмма на ней не стёрлась. Освободив дверь, лорд вставил ключ и открыл её. Как и тогда — за ней был мрак. Подумав в последний раз и приняв решение, вор шагнул в дверь. Он оказался на том же самом месте. Впереди — Вавилон, позади — лес. Небо покраснело ещё сильнее. Над городом летали легионы духов ада. Лозарг превратился в оборотня и не спеша направился к подножию Вавилона. Когда лорд подошёл ближе, Вавилонская башня, состоящая из сотен тысяч мелких этажей, обрушилась на несколько ярусов. Вор остановился и завопил:

— Люцифер!!!

С неба посыпались метеориты и, падая, взрывались вокруг лорда. Вслед за метеоритным дождём на него устремились духи. Лозарг разил их когтями. Казалось, что он сразил целую тьму духов, но они всё прибавлялись, и несть им числа. Лорд продолжал звать дьявола, даже в бою:

— Люцифер!!! Люцифе-е-е-р! — ревел вор.

Внезапно Лозарг вспыхнул мелкими искорками и растворился, став бесплотной дымкой. Он разил духов то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз и продолжал призывать сатану. Лёгкие и полупрозрачные духи гибли от одного удара, но они вдруг исчезли, и лорд воплотился в вервольфа. Из города выбежала толпа уродливых демонов. Одни были похожи на неведомых животных с многочисленными рогами и хвостами, другие на полулюдей-полузверей. Они были тяжёлые, и каждый поражённый отнимал силы у вора. Демоны сгорали один за другим. Вскоре лорд утомился. Бесы стали облеплять его как клещи. Ноги не

выдержали и подкосились, оборотень рухнул на землю. Демоны громоздились друг на друга, а под этой горой был Лозарг, оборотень сошёл с него, и лорд стал человеком. Он задышался. Давление было очень сильным, но внезапно оно начало ослабевать. Темнота постепенно рассеялась, и вор смог вдохнуть. Встав на четвереньки, он отдышался. Все демоны сторели. Перед ним кто-то стоял. Вор поднял голову и увидел Николо Фуко, протягивающего ему руку помощи.

— Ну что, малец? — смеялся он.

— Николо? — удивился Лозарг, поднимаясь.

— Ха-ха, а ты подрос, — Фуко похлопал лорда по плечу.

— Отец? — удивлению вора не было предела — всё Братство Феникса стояло перед ним.

— Да, Лозарг, мы здесь, — сказал Гаспар.

— Как вы сюда попали?

— Так же, как и ты, — усмехнулся отец.

— Двери за собой нужно закрывать, — засмеялся Фульк.

Из Вавилона выехал отряд князей сатанинских во главе с принцем ада Столасом, у которого было человеческое тело, но голова — ворона, а на ней золотая корона с рубинами. Все князья имели человеческий облик, за исключением одного — Ситри — у него была голова леопарда. Лозарг вновь принял облик волка и растворился вместе со всем Братством Феникса. У каждого из Ордена в руке было по клинку с серебряным лезвием. Вновь началась битва. Но несмотря на высокую скорость воров, демоны не пропускали ударов, а только наносили их. Бесовских коней невозможно было сбить с ног. Отряд казался неуязвимым. Длительный бой очень сильно измотал воров. Каждый нанесённый ими удар отнимал много сил. Лозаргу, каким-то образом, удалось загрызть двух князей. Бой продолжался. Как бы быстро дымки не перемещались, демоны всё равно видели их, видели их в человеческом облике. Силы были уже на исходе. Неожиданно Хильперик воплотился, и в изнеможении рухнул на колени. Едва он поднял взгляд, как увидел перед собой Столаса, занёсшего меч.

— Добро пожаловать в ад! — прорычал демон и пронзил голову вора. Дане обратился в пепел.

— Нет, — вскрикнул воплотившийся Бенар и бросился на принца. Его постигла та же участь.

Конь Столаса растоптал две кучи пепла.

Многими усилиями Гаспар поразил одного князя. Все вору воплотились от изнеможения. У Лозарга ещё сохранились силы, и он в лике оборотня атаковал демонов. Спустя короткое время весь Орден Феникса лежал на земле израненный и побитый. Их окружал отряд бесов. Лорд стоял на коленях и искал в себе силы, чтобы встать. Из башни своего замка вылетел сатана. Он плавно приземлился перед Лозаргом.

— Глупец, — возмущался Люцифер, рычащим голосом, — я дал тебе великую силу, а ты направил её против меня! Мало ты за это заплатился?! Видимо — да... Скажи мне, почему?! Почему ты упорствуешь в своих ошибках?!.. На чьей ты стороне?!

— На стороне Бога, — выдавил из себя лорд, и его шерсть плавно побелела.

— Отступник! — вскричал сатана.

— Ты тоже, — прошептал вор.

— А всё так хорошо начиналось, жаль, что плохо заканчивается... — разочарованно сказал дьявол, — ты не оставляешь мне выбора, Лозарг. Пришло время заплатить за всё, —

Люцифер занёс руку, чтобы убить лорда, но Гаспар внезапно пронзил дьявольское предплечье, тем самым остановив его.

Посмотрев на Гаспара, Люцифер вонзил ему в грудь не поражённую руку и вырвал его сердце. Глава Феникса превратился в пепел, а вслед за ним и его сердце. Князя, стоявшие над ворами, поразили всех, и Орден Феникса был испепелён.

— Отец!!! — взревел Лозарг.

— Это достойная плата за твои деяния, — злорадствуя, улыбался дьявол, — я изгоняю тебя, — Люцифер направил на лорда руку, и он исчез.

Лозарг очнулся посреди безлюдного переулка в человеческом облике, а дверь в стене исчезла.

Первое, о чём подумал вор — сибилла. Он пошёл к ней.

— Хлоя, я потерял всех, — грустно докладывал лорд.

— Так должно быть.

— Для чего? — не понимал вор.

— Перед рассветом придёшь с братством в тот храм, где вас созывал Люцифер и всё узнаешь.

— Что я потеряю на этот раз?

— Ты ничего не потеряешь, а напротив — многое обретёшь.

— С тобой мы ещё увидимся?

— Нет, — улыбка блеснула на лице прорицательницы, — только не на земле живых.

— Тогда прощай.

Последним посетителем сивиллы был Лозарг. После него сюда больше никто не входил. И вскоре женщина, напоминавшая о событиях, делавшая это с полной откровенностью, исчезла из города.

Лорд вошёл в убежище братства.

— Приготовьтесь. Перед рассветом мы снова должны пойти в храм.

— И что будет на этот раз? — поинтересовался Дюкре.

— Я не знаю, но после этого должно всё измениться. И прежде всего — мы сами.

До рассвета оставался один час. Братство Проклятых уже входило в храм. Весь мрак начал сползать со стен, свечи загорелись ярче, мозаики окрасились в разные цвета, красные стёкла стали прозрачными. Сквозь дыру в крыше, через которую вылетел Люцифер, в зал проливались первые лучи солнечного света. Братство остановилось в центре зала. Откуда-то сверху послышался громогласный Голос:

— Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, — не давайте.

Все телесные недостатки, у кого они были — сошли. У Вальяна глаза стали одного цвета, у Жерома исчез шрам на щеке, у Готье разгладился горб на носу, у Ниве отросло правое ухо, а у Клемана — пальцы. У Германа челюсть перестала выпирать, у Вьера выровнялось лицо, а у Дюкре пропал уродливый шрам.

— Отныне мы на стороне Бога, — заявил Лозарг.

Братство Проклятых покинуло храм, и он тут же исчез. Жатвы в полнолуние прекратились, но не один из воров не утратил способности превращаться в волка.

— Какую плату мы должны заплатить? — не понимал Бюжо.

— Время покажет, — загадочно ответил Лозарг.

Пережив столько утрат и страданий, лорд вынужден скитаться по миру вместе со своим братством, ища пристанище до тех пор, пока он не отдаст Богу плату за свою душу и за души Проклятых.

Так и будет жить самый искусный в мире вор, которому удалось обокрасть самого сатану. Потерявший любимую, проклятый на веки и проданный на всю жизнь дьяволу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net